

ПЕТРУ ГРОЗА

Я ВИДЕЛ
СВОИМИ
ГЛАЗАМИ
СТРАНУ МИРА

ПЕТРУ ГРОЗА

Я ВИДЕЛ
СВОИМИ
ГЛАЗАМИ
СТРАНУ МИРА

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

*

Dr. PETRU GROZA

AM VĂZUT CU OCHII
ȚARA PĂCII

BUCUREȘTI

1956

ПЕТРУ ГРОЗА

Я видел
своими
глазами
страну мира

Перевод с румынского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1958

Петру Гроза

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство иностранной литературы выпускает в переводе книгу выдающегося государственного и политического деятеля Румынской Народной Республики товарища Петру Гроза.

Доктор Петру Гроза отдавал все свои силы и энергию строительству новой, социалистической Румынии, будучи с 6 марта 1945 года председателем Совета министров первого в истории Румынии демократического правительства, а затем, со 2 июня 1952 года и до своей кончины 7 января 1958 года, находясь на посту председателя Президиума Великого Национального Собрания Румынской Народной Республики.

Петру Гроза глубоко верил в творческие силы румынского народа, в правильность избранного им пути строительства социализма, в мудрость Румынской рабочей партии.

Трудящиеся нашей страны хорошо знали и любили товарища Петру Гроза — неутомимого борца за дело мира во всем мире, верного, искреннего друга Советского Союза, внесшего большой вклад в дело укрепления и развития братских отношений между румынским и советским народами.

Петру Гроза совершил несколько продолжительных поездок по Советскому Союзу. Трудящиеся нашей страны с большой теплотой встречали верного сына румынского народа.

В результате этих поездок, в частности осенью 1951 года, и появилась книга «Я видел своими глазами страну мира» полная теплой, искренней дружбы к советскому народу.

Книга Петру Гроза издана в Румынии в двух выпусках. Первый вышел в 1954 году, а второй — в 1956 году. В русском издании они объединены в одной книге.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Меня очень обрадовало письмо из Москвы, от Издательства иностранной литературы, с предложением опубликовать мою книгу в русском переводе.

Это открывает мне путь к читателям великого отечества советских людей, со многими из которых я имел случай познакомиться лично и по чьей стране я немало поездил во время своих неоднократных визитов.

Предупреждаю моих советских друзей, что я не писатель-профессионал, а просто рассказчик. Я люблю рассказывать обо всем, что видел за мою долгую жизнь, находясь с молодых лет в самой гуще событий социального, экономического и политического порядка и участвуя непосредственно в этих событиях, связанных с переломными моментами истории, через которые проходил румынский народ, связавший свою судьбу с великим лагерем народов, строящих новую жизнь, крепко сплоченных в своей борьбе, жаждущих мирного созидательного труда.

Мне, выходцу из Трансильвании, объединенной после первой мировой войны со старым румынским королевством, а следовательно, бывшему подданному Австро-Венгрии, памятен феодальный шовинистический режим национального и экономического угнетения; в течение четырех лет войны я служил рядовым солдатом в одном из венгерских полков; за все это время я много испытал и много видел.

Жизнь среди румынских солдат, мобилизованных в австро-венгерскую армию, сблизила меня с простыми людьми. Уже в то время я учился смотреть на этих людей не только сверху вниз, с позиций зажиточного класса, к которому я тогда принадлежал, но и... снизу вверх.

Я могу быть только благодарен моим бывшим военным командирам, венграм и австрийцам, лишившим меня возможности получить какой-либо воинский чин, препятствием чему служили хранившиеся в моем личном деле компрометирующие материалы о моей политической работе, которую я проводил до войны среди румынской молодежи Трансильвании, борясь за освобождение моей родины от господства австро-венгерской империи, — благодарен потому, что это дало мне возможность ближе узнать образ мышления, взгляды на жизнь и сокровенные чаяния сынов крестьян и рабочих, с которыми я провел все эти годы в казармах и военных бараках и подолгу дружески беседовал вечерами.

После окончания первой мировой войны и присоединения Трансильвании к Румынии, будучи владельцем поместий, предприятий и банков, я снова вступил в контакт с высшими кругами нашего общества и занимал командные посты в области экономики, а также, вначале, пост министра в буржуазных правительствах. Теперь я мог проверить на практике все те концепции и теории, которые были мне преподаны в университетах Будапешта, Берлина, Лейпцига и т. д.; но очень скоро я убедился, что многое из усвоенного мною от моих профессоров по классической социальной и экономической науке уже неприложимо к изменившимся коренным образом условиям народной жизни.

Гром Великой Октябрьской революции в России услышали и мы, находившиеся по ту сторону ее границ. Наш экономический, общественный и политический

строй дрогнул до основания, и человеку опытному и мыслящему нетрудно было понять, что этот строй нельзя сохранить на длительное время, что рано или поздно его надо будет перестраивать сверху донизу.

Те, кто изучал и анализировал историю этой великой революции, кто следил за грандиозным строительством социализма в стране Советов, приходили к выводам, которые становились все убедительней и все более настойчиво побуждали людей старого мира пересмотреть свои представления о смысле жизни, как индивидуальной, так и общественной.

Четверть века назад вступил и я на этот новый путь и зашагал по нему сначала ощупью, а затем все яснее различая открывавшуюся передо мной перспективу, зашагал все более уверенно, пока не оказался в одном лагере с новыми общественными силами, которые сплачивались в борьбе против старого режима эксплуатации, за новую жизнь.

После освобождения нашей страны от фашистского ига в 1944 году передо мной открылось широкое поле деятельности; с этого момента и по сегодняшний день я непрерывно нахожусь на ответственных постах.

Именно чувство ответственности и побуждает меня изучать жизнь в ее непрерывном развитии, и я стараюсь видеть «своими глазами» все то, что может помочь лучше ориентироваться, стараюсь всегда учиться у жизни, чтобы, таким образом, меньше ошибаться.

Не раз был я гостем советского народа, официальным и неофициальным. Немало поездил по этой огромной стране, видел людей, видел их дела, которые в своей совокупности представляют не только небывалый в истории человечества опыт, но и колоссальный исторический сдвиг. Все это очень поучительно.

В данной книге, повествующей о том, что я видел в Советском Союзе, я передаю мои личные впечатления и суждения, которые, быть может, окажутся полезными

людям, не имевшим возможности побывать в этой стране. При этом я имел в виду в первую очередь моих соотечественников, румын. Но возможно, мне удастся убедить кое в чем и людей западного мира, которых я хорошо изучил за мою долгую жизнь.

Я считал нужным сказать все это, чтобы кто-нибудь не подумал, что автор смотрел глазами наивного человека или фантазера, чтобы читатель не сомневался, что обо всем виденном ему рассказывает человек с большим жизненным опытом и притом знакомый как со старым, так и с новым миром.

Я буду рад, если мой безыскусственный рассказ поможет лучше узнать, что происходит в стране, где великий народ строит свою новую жизнь; в частности, это знание могло бы просветить ум и направить деятельность людей, которые руководят народами и государствами, чтобы они не отклонялись от исторического пути развития человечества, помогали, а не мешали этому развитию.

Д-р Петру Гроза.

*Бухарест,
21 сентября 1957 г.*

В полете. Небо и земля

Недавно я беседовал с одним моим старым приятелем из Трансильвании, и он напомнил мне, при каких обстоятельствах произошло наше знакомство. В то время мой приятель, игравший видную роль в рабочем движении, получил задание организовать мою встречу с некоторыми из членов Коммунистической партии Румынии, тогда нелегальной.

Встреча состоялась в маленьком конспиративном домике вблизи леса Хожа под Клужем. Завязался большой и интересный разговор.

По блеску глаз моих собеседников я видел, что они хорошо знают, чего хотят, и вполне уверены в успехе своего дела. В ходе разговора отчетливо выявился и источник их уверенности: вера, основанная на опыте великого соседа на востоке — Советского Союза.

Они ссылались на конкретные, точные данные, на экономические, политические и социальные факторы.

И все же, отдавая должное их объективности и сдержанности, соглашаясь, что к решению важных проблем они подходят с позиций науки, видя, как хорошо понимают и убедительно трактуют они самые животрепещущие вопросы развития страны, — все же я подумал тогда, что в их уверенности есть доля фанатизма.

С тех пор прошло более двадцати лет, в течение которых все мои тогдашние сомнения постепенно рассеялись.

В этих записках я не собираюсь описывать все пережитое мною в течение двух десятилетий. Но случилось так, что при этой недавней встрече со старым приятелем, ныне профессором университета и ученым, когда мы подводили итог прошлому, я принялся рассказывать

ему о моем путешествии по Советскому Союзу, длившемся несколько недель, и мы обсуждали накопившиеся у меня впечатления. После этого разговора я все чаще стал возвращаться к виденному мною за время поездки.

Я чувствовал, что нахожусь в долгу не только перед трудящимися Советского Союза, чьим дружеским гостеприимством я пользовался, но и перед моими согражданами, трудовым народом моей страны, строящим новую жизнь, что мой элементарный долг — систематизировать свои впечатления, дать подробное описание этой поездки, которая многому меня научила, что полученный мной опыт должен быть передан и тем, кто не имел возможности совершить такое путешествие, — людям, которые трудятся на великой стройке социализма в нашей стране.

Мне хотелось бы описать все последовательно и ознакомить читателя с моими размышлениями и выводами, после того как перед моими глазами прошли люди и их дела, о которых я знал ранее только по описаниям других, из книг и журналов, докладов и кинофильмов. Хотелось бы приблизить к себе читателя настолько, чтобы ему казалось, что и он путешествует со мной вместе и видит все то, что видел я, и чтобы прочитанное было для него так же поучительно, как совершенная мною поездка — для меня.

Коснусь сперва более раннего периода... После событий 23 августа 1944 года у меня не раз являлось желание посетить страну нашего восточного соседа в условиях, исключающих формальности официального визита.

Мы были исключительно тепло приняты, когда в качестве правительственной делегации, находясь тогда в большой нужде, прибыли к нашим соседям с портфелями, наполненными просьбами, и получили такую великодушную поддержку. Но в тот раз наше посещение ограничилось несколькими днями, у нас было множество деловых заданий, и к тому же нас связывал официальный церемониал; поэтому мы не имели возможности удовлетворить свое желание — попутешествовать свободно, как обыкновенные граждане, по этой необъятной стране. А хотелось увидеть вблизи и во всех подробностях, как работают советские люди, создавая новую

жизнь, увидеть результаты, которых достигли народы Советского Союза, отстоявшие ценой огромных жертв и труда свою великую и свободную родину.

Хотелось близко познакомиться с великими достижениями СССР, узнать стиль работы советского человека на заводах, в поле, в школах, в области науки, культуры и искусства, а также его образ мышления и образ жизни у себя дома.

Хотелось видеть семейный быт советского человека, взаимоотношения сограждан, взаимоотношения различных народов и национальностей и конкретные результаты их сотрудничества.

Короче говоря, хотелось увидеть собственными глазами все те достижения, которые я видел лишь мельком во время моих официальных поездок и о которых знал главным образом из прочитанного, а в последние годы — также со слов наших рабочих, техников, крестьян, ученых и артистов, которые все в большем числе посещают Советский Союз и учатся в этой великой стране.

Итак, взяв наконец много лет откладываявшийся отпуск, я решил воспользоваться этим свободным временем. И вот на рассвете одного прекрасного сентябрьского дня вместе с женой и одной из дочерей я оказался на аэродроме Бэняса, откуда нам предстояло направиться в страну нашего восточного соседа.

Я хотел, чтобы моя жена, мать пятерых детей, которые сегодня тоже принимают участие в общем труде по созданию собственного счастья, была рядом со мною; ведь в течение долгих лет она, мой верный спутник, была свидетельницей многих бурь и потрясений и, быть может, переживала порой минуты сомнений, спрашивая себя: «К чему все это приведет?», «Что же будет дальше?» — вопросы, глубоко волновавшие в течение немалого времени сердца миллионов жен и матерей. Правдивый и убедительный ответ на эти вопросы любящая жена и мать могли бы получить, увидев собственными глазами великую страну, в которой создается новый мир, — пример для народов всех стран.

Будем же вместе смотреть на то светлое будущее, какое ожидает нас и наших детей на пути, который мы избрали, следуя примеру советских людей.

...Самолет отделяется от земли. Взлетает все выше, прорывается сквозь толщу облаков — и вот мы уже в

ярком солнечном свете, под темно-синим небесным сводом. Мы не видим земли. Она скрыта от нас белым пенящимся облачным морем.

В этих воздушных просторах и мысли отрываются от земли и земных забот и устремляются в безграничные сферы вселенной, в сравнении с которыми наш земной шар представляется малюсеньким мячиком.

Не успели мы подняться на несколько тысяч метров над нашей родной землей, как она, со всеми ее обитателями, погруженными в свои повседневные заботы, становится в нашем представлении все более незначительной.

Мысль об окружающей нас вселенной с ее звездными мирами и астрономическими расстояниями вызвала в моей памяти рассказ Вольтера «Микромегас». Рассказ повествует об исполинах, которые, отправившись с какого-то небесного тела на прогулку по межпланетному пространству и наблюдая земной шар, замечают едва видимую движущуюся точку на его поверхности. Эта точка была не что иное, как экспедиционное судно в водах Балтийского моря, на борту которого находилась группа ученых, представителей различных отраслей человеческого знания. Ученые в этот момент вели спор по политическим, экономическим и философским вопросам. И вот межпланетные путешественники-исполины, приподняв судно и держа его на ладони, наблюдают за этими взволнованными существами, прилагая усилия, чтобы не сдунуть их с палубы своим дыханием, и находят их, конечно, весьма ничтожными. Описывается и такой момент: один из исполинов, почувствовав укол в пятку, замечает, что он оперся ногой на снежные вершины Гималаев!

Да, все относительно. Однако сознание этой относительности является одним из полезных человеческих качеств. Оно помогает тебе не быть слишком самоуверенным, не опьяняться высотой занимаемого положения, такой завидной на первый взгляд и такой ничтожной в действительности, предостерегает от переоценки своих поступков и от опасной иллюзии, будто ты достиг большой глубины, в то время как на самом деле ты еще плаваешь очень мелко.

Погруженный в эти мысли, я вспомнил забавный случай с одним из моих сотрудников. У меня с товарищами

возник горячий спор. Спор этот затянулся, не приводя ни к каким результатам. Мы расстались в состоянии большого возбуждения. Уходя, я чувствовал, что мои товарищи собираются спорить и в мое отсутствие и не намерены уступить друг другу. Каждый из них полагал, очевидно, что именно он обладает абсолютной истиной.

Настал вечер, небо заискрилось звездами, вошла полная луна. Тогда я позвонил по телефону в астрономическую обсерваторию столицы. Получив сведения, что видимость благоприятная, я решил подняться на вышку обсерватории, чтобы на некоторое время войти в соприкосновение со вселенной.

И тут, вспомнив темпераментную натуру одного из моих сотрудников, который во время спора горячее всех настаивал на справедливости своего мнения и стучал кулаком по столу, чтобы доказать, что именно он обладает ключом для решения любого вопроса, я позвонил ему, предлагая немедленно приехать, чтобы сопровождать меня в прогулке. Он спросил:

— Куда?

Я ответил:

— На луну!

Как мне передавали позже, это мое приглашение привело в замешательство всех находящихся возле телефона и особенно моего приятеля. Но так как я настаивал, все решили, что надо все-таки узнать, что такое я задумал, и посоветовали ему ехать.

Когда он появился на пороге моего кабинета, на лице его можно было прочесть если не страх, то, во всяком случае, недоумение. Я предложил ему войти и располагаться без всякой боязни; он уселся на стул, но, как мне показалось, все же измерил взглядом расстояние между стулом и дверями.

Тогда с самым невозмутимым видом я сообщил ему, что только что связался с работниками обсерватории и, узнав о благоприятной звездной конъюнктуре, приглашаю его поехать со мной. Лицо его просветлело, он вздохнул облегченно и принял мое предложение с восторгом.

И вот мы в обсерватории...

Смотрим в гигантский телескоп, останавливая взор то на одном, то на другом светиле, наблюдаем луну, на которой ясно видны ее кратеры, горы, долины и прочее.

На мой вопрос, какое из небесных тел, открытых астрономами с помощью современных технических средств, наиболее удалено от земли, научный работник назвал мне небесное светило, которое находится от нас на расстоянии миллиарда световых лет.

Тут мой коллега оторвался от телескопа и, взглянув на меня, сказал:

— Послушай, как же ничтожны мы, люди!

— Вот видишь! Поэтому я и привел тебя сюда. Надо и нам несколько уgomониться и, войдя в контакт со вселенной, обрести чувство относительности. Быть может, это послужит нам в помощь при решении важных вопросов, научит более мудрому отношению к действительности, нас окружающей, сделает более осторожными и проницательными и удержит от пустого тщеславия.

Выходим из облаков. Там внизу вырисовываются города и села и широким ковром стелются поля, испещренные полосами посевов.

В полном смысле слова «испещренные», потому что вся земля раздроблена на мельчайшие полоски, часто не больше палисадника; эти клочки посевов с их различными культурами чередуются с участками необработанной земли, и все это изрезано бесчисленными дорогами и межами.

Вид этой чересполосицы наводил бы уныние, если бы то там, то здесь не появлялись большие участки земли, обрабатываемой коллективом, правильно распланированные, с крупными площадями однородных культур. Это предвестники завтрашнего дня нашего сельского хозяйства, свидетельствующие о том, что начало положено и у нас. А как говорит старая поговорка — лиха беда начало.

Проходит немного времени, и перед нами открывается панорама города Галаца. А вот и дельта Дуная, один вид которой может послужить укором в медлительности, с какой помогаем мы иной раз силам природы. Еще несколько минут — и мы перелетаем границу.

В лучах яркого солнца возникает перед нами земля страны Советов. Ее просторы представляют разительный контраст с тем, что мы только что видели. Это словно гигантская шахматная доска, расчерченная на большие,

правильной формы квадраты — то черные, то зеленые того или иного оттенка, в зависимости от засеянной культуры. Пестроты и раздробленности наших полей тут нет и следа.

Почти воочию видишь, что здесь потрудились рука великана, движимая высоким вдохновением. Эта могучая рука, действующая с геометрической точностью и вместе с тем с широчайшим размахом, организовала в невиданных масштабах обработку земли. И я подумал: вот если бы все крестьяне моей страны могли полюбоваться вместе со мною этой красотой! Ведь перед их глазами открылась бы чудесная перспектива их будущего — земледелия, организованного на основе механизации, ибо совершенно очевидно, что эти огромные площади под различными культурами не могли быть обработаны плугом с воловьей упряжкой. Все это — результат коренного перелома в землепользовании, достигнутого в условиях социалистического сельского хозяйства, результат обработки полей тракторами, которые неутомимо колесят по полям, часто в виде штурмовых колонн, сберегая мускульную силу людей и животных.

Видя, как изменила лицо земля под воздействием новой организации труда и сельскохозяйственных орудий, созданных техническим прогрессом, уже воспринимаешь как должное и эти образцово распланированные селения с их строгими рядами домов и хозяйственными строениями. Все постройки — новенькие; словно они вчера выросли из земли, и мы любимся ими, глядя сквозь стекла мощных биноклей.

Да, здесь рождается новый сельский мир. И чем дальше несет нас самолет, приближая к самому сердцу необъятной страны, тем очевиднее становится, какую основательную перестройку претерпело здесь сельское хозяйство и вся крестьянская жизнь.

...Но вот самолет своим покачиванием дает знать, что мы опускаемся.

Пронизываем слой облаков, и перед нашим взором вырисовываются величественные контуры Москвы. Последний вираж — и мы коснулись земли.

Дружеские лица встречающих, восхитительные краски цветника, разбитого на аэродроме, — все радует нас. Оглядываю аэродром. На всем вокруг, вплоть до

мельчайших деталей, лежит печать особой заботливости, и притом касающейся не только практической стороны, но и эстетической. Это сочетание техники с эстетикой, поразившее меня уже с первых шагов на советской земле, я наблюдал неизменно и в дальнейшем, по мере ознакомления со всеми достижениями коллективного труда.

Когда мы следовали с аэродрома в отведенный для нас дом, я вновь почувствовал, как все относительно: мы проехали несколько десятков километров, однако при советских масштабах это считается «близко», так как аэродром, собственно говоря, находится в пределах города.

Между тем день вновь прояснился, и весь город был озарен ласковым осенним солнцем. Мы не могли усидеть в четырех стенах, теряя время на распаковывание багажа, и как были, без всякого плана, сопровождаемые друзьями из нашего посольства, отправились бродить по городу.

Было воскресенье — выходной день, строго здесь соблюдаемый. Влившись в оживленный людской поток, мы прошли по городу до берегов Москва-реки и оказались перед Кремлем, представшим перед нами во всем своем древнем величии.

Взойдя на мост, мы расположились на скамье и предались созерцанию, молча, поглощенные каждый своими, ничем не прерываемыми думами и впечатлениями.

Кремль снаружи

Величественный и полный мощи Кремль с его башнями разнообразной архитектуры, зубчатыми стенами и возвышающимися над ними дворцами и церквями представляет собой ансамбль, равного которому по размерам, колориту и архитектуре не найти ни в одной из столиц западных стран. В то же время он дает богатейший материал для размышлений, глубоко волнуя человеческий ум.

Его постройки, возведенные в разные века, заставляют нашу мысль обратиться к полному тревог прошлому, ко всему, что связано с историей русского народа и его страны, занимающей самую обширную территорию в мире.

Здесь бьется сердце громадного советского государства. Ритм этого биения слышат не только народы Советского Союза, но и те, кто находится за его рубежами — на востоке и западе, на севере и юге, в любой точке земного шара.

Вид этой древней крепости вызывает воспоминание о тяжелой борьбе, которую вели на протяжении веков деды и прадеды нынешних советских людей. Народ этот развивался в необычайно тяжелых условиях как внутреннего порядка — помещичьего угнетения, так и внешнего — постоянной охраны границ от окружающих врагов, преграждавших выходы к Балтийскому и Черному морям, а также и пути по суше, стесняя таким образом самое дыхание страны. Подвергаясь непрерывным нападениям шведских, немецких и польских феодалов с севера и запада, нашествиям турок с юга и татар с востока, Россия развивалась с большим опозданием по сравнению с западными странами. В эпоху империа-

лизма все более усиливается проникновение в страну иностранного капитала при благосклонном содействии царского правительства. Иностранные капиталисты расхищали природные богатства страны и являлись самыми жестокими эксплуататорами русского пролетариата. И все же страна выстояла; русский народ показал свою жизнеспособность, самоотверженно защищая на протяжении всей своей истории горячо любимую родину, невзирая на самые тяжелые жертвы.

Вспоминая о тяжелых испытаниях, пережитых этим народом, смотрим на окна кремлевского дворца, откуда властолюбивый Наполеон взирал застывшим взглядом на огненное море пылающей Москвы. Сотни тысяч французов, да и вся Франция в целом дорого заплатили за это необдуманное вторжение.

После великой революции 1917 года чужеземные орды вновь угрожают — и, быть может, серьезнее, чем когда-либо раньше, — этому народу, находящемуся в разгаре борьбы за полное освобождение от эксплуатации. Но неоднократные попытки империалистов свести на нет завоевания революции всякий раз наталкивались на непоколебимую решимость народа разгромить любого врага и выковать своими руками под водительством бесстрашных вождей свое будущее.

На протяжении своей полной тревог истории русский народ создал собственную великую культуру; живым свидетельством этого является вся совокупность монументальных стен и башен Кремля, его церквей и дворцов, которыми мы любуемся в этот момент.

Архитектурный ансамбль московского Кремля как бы олицетворяет собой самобытную русскую культуру, которая в течение веков становилась все более многосторонней и которая поражает нас не только потому, что корни ее уходят в далекое прошлое, но и ввиду все новых достижений этого народа во всех областях искусства, науки, техники; культуру глубоко национальную, подвергавшуюся подчас чужеземным влияниям, но всегда упорно сохранявшую дух собственного творчества с присущими ему неповторимыми чертами.

В нашу бурную эпоху Кремль вновь становится центром всеобщего внимания. Здесь нашел убежище мозг великой революции, отозвавшейся эхом во всем мире. Когда главный штаб революционеров, покинув

берега Невы, переместился на берега реки Москвы, это создало новый ореол древнему Кремлю. Старая же Москва, помолодевшая сегодня в пышном уборе современных зданий и оживляемая гулом все новых строек, горда и счастлива тем, что является столицей великой страны.

В кольце этих стен, под крышами величественных зданий Кремля как бы сосредоточилась вся движущая энергия народа, создающего во все более стремительном темпе новый строй жизни, несравнимый со всем тем, что существовало до настоящего времени, бережно сохраняя при этом все лучшее из традиций прошлого и решительно искореняя пережитки старого режима, основой которого была эксплуатация человека человеком. Советский народ, руководимый отсюда, отразил все удары врагов, как внешних, так и внутренних, подавил все попытки уничтожить его завоевания и раздавил дикого зверя — фашистского захватчика.

Сегодня трудящееся человечество, возжелавшее лучшего будущего и озабоченное бряцанием оружия воинствующей клики по ту сторону океана, устремляет со всех концов света взоры надежды к московскому Кремлю, видя в нем несокрушимый оплот свободной страны, в которой сбываются самые сокровенные чаяния трудящихся, страны, стоящей на страже мира, столь желанного человечеству, измученному бесконечными захватническими войнами и непрекращающимися угрозами ненасытных искателей наживы.

Вот почему и мы так долго не могли отвести взор от этих стен и спохватились лишь поздно вечером, вспомнив, что давно пора по домам.

III

Советское гостеприимство

С дружеской улыбкой на лице Петр Егорович ждет нас у накрытого стола. Это мой старый знакомый.

Когда я приезжал сюда в предыдущие годы (1945—1947), мы подружились с этим чудесным представителем русского народа и советского общества. С необыкновенным вниманием и благожелательностью заботится он о наших повседневных нуждах, являя пример гостеприимства, незнакомого западным странам. Он будет сопровождать нам в наших поездках; его заботливую руку мы будем ощущать и в антрактах театральные спектаклей, и на курортах, в Ленинграде и Сталинграде, на Балтийском и Черном морях и в горах Кавказа.

Он стремится все предусмотреть и лучше организовать, обдумав до мельчайших подробностей, воплотить в себе сердечное гостеприимство народа, широко открывшего не только свои границы, но и дружеские объятия трудящимся всего мира, жаждущим познакомиться с его родиной и с великими достижениями его труда.

На нашем пути мы повсюду встречаем группы зарубежных рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, ученых, писателей, поэтов, молодежь — людей всех пяти частей света и всех наций, которые, как и мы, с нетерпением устремляются в советские города и села, на заводы и шахты, в бесчисленные театры и музеи, госпитали, ясли, санатории и клубы, чтобы ознакомиться как можно лучше с этим новым миром.

Тут раскрывается перед нами во всей своей неприглядной наготе ложь о так называемом «железном занавесе», без устали распространяемая приверженцами американского образа жизни, последними защитниками старого мира, погрязшего в пороках и закосневшего в

своём стремлении обогащаться за счет тяжкого труда закабаленных народов.

На каждом шагу невольно напрашивается сравнение между этими двумя мирами. Какой бы области человеческой жизни вы ни коснулись — оно не в пользу «западного мира»...

И тот энтузиазм, с каким даже очень осторожные в своих выводах и скептически настроенные гости из капиталистических стран глядят здесь на вещи, поражающие и покоряющие их своей новизной, не может быть охлажден ожидающими их по возвращении карами или карантинными мерами.

Впечатления, вынесенные ими, неудержимо способствуют разоблачению лжи и фантастических сплетен, распространяемых по адресу Советского Союза. Никакая цензура и прочие меры пресечения, никакие фонды в сотни миллионов долларов не смогут помешать проникновению истины во все уголки земного шара путем живого рассказа обо всем виденном здесь.

Разве в западных странах возможны такие массы гостей из-за рубежа? Разве тамошние магнаты промышленности и хозяева предприятий открывают так широко двери для иностранцев? Разве люди труда, науки, искусства осаждают их такими массами, стремясь в поисках вдохновляющего примера узнать и увидеть возможно больше? Разумеется, эти гости не имеют ничего общего с людьми, путешествующими для «удовольствия» — то есть чтобы как-нибудь убить время и расшвырять деньги на роскошных курортах или в элегантных притонах Запада и за океаном... Нет, таких путешественников мы ни разу не встретили здесь за все время наших длительных и разнообразных поездок. Мы побывали в самых различных уголках этой страны и, конечно, нигде не видели роскошных притонов порока для пресытившихся трутней. Любители подобных заведений смертельно скучали бы здесь.

IV

Театр

Наступают сумерки, и мы направляемся в Большой театр. Воспользуюсь здесь короткими стенографическими заметками моей дочери Мии:

Вечер в Большом театре, опера Бородина «Князь Игорь». Дирижирует народный артист СССР, лауреат Сталинской премии А. Ш. Мелик-Пашаев. В роли князя Игоря — народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии А. И. Батурин, в роли Владимира Игоревича — тенор С. Я. Лемешев, князя Галицкого — бас А. С. Пирогов, Кончака — М. Д. Михайлов (бас); все трое — народные артисты СССР и лауреаты Сталинской премии. В роли Ярославны — народная артистка РСФСР Е. Ф. Смоленская. Спектакль закончился, так же как и начался, точно в указанный в программе час.

Занавес еще не поднят. Взгляд мой скользит по рядам лож, подымается к галерее, затем опускается в огромный, отделанный золотом зал. Из глубины ложи наблюдаю в бинокль сидящую в разных местах публику. Внимательно всматриваюсь в лица, одежду. Никаких сомнений — здоровый народ. Румяные, энергичные лица свидетельствуют о том, что этих людей привела сюда не скука или плохое пищеварение, не раздражение, вызванное проигранной партией в карты. В напряженном ожидании взоры всех устремлены на занавес.

Меня, привыкшего к нервной сутолоке и гулу голосов в театрах других стран, поражает царящая здесь тишина. Не знаю, многие ли из посетивших Советский

Союз отмечали в своих описаниях эту особенность — дисциплинированность советских людей, но уверен, что все ее заметили. Эту спокойную сдержанность, которой все подчиняют себя совершенно добровольно, наблюдаешь не только в театральных залах, но и повсюду, где имеет место даже небольшое скопление публики: в метро, на автобусных остановках, у газетных киосков, в магазинах — словом, везде.

Появление дирижера у пульты немедленно отмечается всей публикой, встречающей его дружными аплодисментами...

Мне не раз приходилось наблюдать, какой любовью и популярностью пользуются советские артисты у публики. Если учесть их большие заслуги, за которые им присуждаются премии, звания и ордена, становится понятно, что чувства, которые к ним питает народ и советское правительство, вполне обоснованны.

Опера «Князь Игорь», несомненно, является крупнейшим музыкальным достижением. Длительное время она не могла увидеть сцены, потому что композитор Бородин внес в нее слишком много народного духа. Появление на сцене такого количества «мужиков» — простых людей, символизирующих любовь к свободе, недовольство и чаяния народа, — патриотизм «черни» и ореол, окружающий их смелых вождей, — все это не могло доставить никакого удовольствия развращенным зрителям высшего света, дворянству и денежной аристократии царской России, наполнявшим в прежние времена театральные залы. Чувство горячей любви к своей стране и к свободе, которым охвачен князь Игорь в бою и во время пребывания в плену у половецкого хана, оставляло их равнодушными. Все эти аристократы, пропитанные иноземной культурой, презиравшие русские обычаи и говорившие между собой только на западных языках, были глухи к мощным аккордам этой оперы, им были чужды и непонятны отзвуки жертвенного патриотизма и горячей любви к своей стране. Наблюдая в бинокль лица зрителей, я убеждался, что театр для этой массы трудящихся — не просто отдых или мимолетное развлечение, но и школа, откуда они возвращаются к своей работе, окрыленные высокими чувствами и еще более укрепленные в своем патриотизме и преданности делу свободы.

Воспитание на основе материалистического мировоззрения, сосредоточивающее все стремления и всю энергию народа на реальных жизненных задачах, воспитание в духе патриотизма, любви к труду, в духе борьбы за свободу, независимость и мир между народами, за укрепление прекрасных и полезных традиций в труде и за непрерывный прогресс превосходно организовано в стране Советов. Все это я и мои близкие ощутили, находясь в зале Большого театра. Покидая его, мы чувствовали, что и сами многому научились. Души наши были преисполнены чем-то прекрасным и возвышенным.

Не подлежит сомнению, что такая система воспитания народа может двигать его только вперед. Она служит воодушевляющим примером для всего трудящегося человечества, представляя резкий контраст с тем, что творится в капиталистических странах, где на сцене и на экране демонстрируются пошлые любовные драмы или похождения бандитов, одержимых всеми видами человеческого порока. Так угнетатели отравляют души молодого поколения, стараясь отвлечь его от великого учения тех, кто поднял знамя борьбы за освобождение народов от власти гангстеров, за уничтожение эксплуатации человека человеком. Они полагают, что, действуя так, смогут обогащаться и в дальнейшем, держать в своих когтях миллионы трудящихся как у себя в стране, так и в колониях и полуколониях.

Они непрестанно угрожают войной, лихорадочно возбуждают умы, доводят людей до безумия, создавая запасы атомных и водородных бомб и других всевозможных средств уничтожения. И все это только для того, чтобы иметь возможность сохранять и в дальнейшем свой «образ жизни».

Конфликт между этими двумя мировоззрениями — с одной стороны, тех, кто стремится к увековечению рабства и к поддержанию темноты и обскурантизма в массах, и, с другой стороны, тех, кто борется за освобождение и просвещение этих масс, — несомненно, закончится решающей победой последних. Все, что мы видели и что составляет результат великого опыта нашего восточного соседа, укрепляет нас в этом убеждении; без этой уверенности будущее человечества

представлялась бы слишком печальной и матерям не стоило бы производить на свет детей.

Вернувшись домой, мы продолжали обмениваться впечатлениями. Восхищались технической организацией сцены, грандиозностью декораций, а прежде всего — пением и танцами главных персонажей, мастерством дирижера и превосходным исполнением оркестра. Все вместе взятое явилось монолитным целым, которое направляло с большим подъемом развитие действия и глубоко захватило всю массу зрителей.

«Красный мак»

Снова в Большом театре. Чудесное достижение хореографического искусства. Балет захватывает вас все больше по мере хода немого действия, сопровождаемого оркестром и развивающегося в бурном темпе. Отдавшись во власть этого зрелища, я невольно вспоминаю слова одного моего приятеля, утверждавшего, что самая красивая музыка — это балет.

Ни разу на сценах столичных оперных театров Западной Европы не видел я таких достижений. Советское хореографическое искусство уходит мощными корнями в прошлое русского танца.

Вспоминаю, как в дни моей молодости публика штурмовала оперные театры Будапешта, Берлина, Парижа и Лондона при появлении афиш, объявляющих о гастролях русского балета с участием В. Ф. Нижинского или Анны Павловой, вписавших столько славных страниц в историю художественного танца. Образ их жив и поныне в памяти тех, кто видел их хотя бы однажды. Без сомнения, их искусство было высшим проявлением силы художественного творчества русского народа.

Но когда рассматриваешь балетное искусство сквозь призму сегодняшних достижений Советского Союза, оно приобретает совсем особый характер. Революционные идеи, воплощенные в жизнь Октябрьской революцией, проникли и в эту область искусства советских народов. Достижения социалистического строительства отражаются и в хореографическом искусстве. Оно проникнуто мировоззрением советского человека. Во все времена подлинная жизнь народа находила свое отражение в

его искусстве, песне и плясках. Но особенность советского искусства заключается в том, что этот, обычно столь замедленный процесс проникновения, происшедший на протяжении веков, здесь носит характер более мощный и сознательный благодаря творческому воодушевлению советского народа, а также одаренности и энергии советских писателей, композиторов и артистов, воодушевленных в свою очередь великой революционной идеей построения коммунизма.

Деятели искусства понимают, что создание нового общества ставит и перед ними новые задачи, и поэтому включаются с большим подъемом в коллективный труд, охватывающий все стороны советской жизни.

Очарованные в этот вечер балетом «Красный мак», выносим из всего виденного и слышанного впечатление, что и в искусстве работа ведется с большим подъемом и энергией.

В связи с этим вспоминается мысль, постоянно подчеркиваемая советскими людьми. «Как необходимы кадры инженеров и сварщиков в технике, так же необходимы кадры в литературе и искусстве, — сказал в беседе со мной известный советский писатель Семен Петрович Бабаевский. — И для подготовки этих кадров не следует жалеть усилий, ибо они возместятся сторицей».

Таким образом, известные слова Сталина об «инженерах человеческих душ» приобретают для нас все более глубокий и всеобъемлющий смысл.

Вдохновляемые этой идеей, писатели, композиторы, творцы советского искусства становятся более активными, намного превосходя в своей деятельности тех, кого не захватила своим мощным течением эта новая жизнь.

Наше время требует быстрого отклика на события дня как в литературе, так и в искусстве.

Строительство новой жизни на основе исторического и диалектического материализма неизбежно приводило и приводит к созданию «положительного героя».

Китайская патриотка, героиня балета «Красный мак», погибая в борьбе за изгнание американских захватчиков из Китая, поднимает в момент своей гибели символический «красный мак», как бы освещая своему народу путь освобождения из-под гнета империалистов. Она олицетворяет собой всех тех, кто героически погиб

в борьбе за освобождение и независимость своей родины.

«Положительные герои» существуют и в жизни, их нетрудно было встретить во время великой революции на всем протяжении страны; следовательно, писателям и композиторам не было нужды их «выдумывать». В эпоху больших революционных сдвигов одна из задач писателя, говорил мне тот же С. П. Бабаевский, заключается в том, чтобы, не теряя времени, писать о таких людях, изображать подобных им героев в разного рода повествованиях, возможно более кратких и сжатых.

Мне вспоминаются те бесконечные романы, широко распространенные некогда повсюду, зачитываясь которыми допоздна, мы портили себе зрение и отравляли свою молодость болезненным романтизмом. Вспоминаю, как читали мы «Тайны Нарбоннского замка», где главным лицом был король Баварии Людовик II Безумный, или выходившие последовательными выпусками романы, наводнявшие рынок и опустошавшие карманы учащихся вплоть до последнего крейцера...

Встречаются еще и среди наших писателей приверженцы «старого направления», погрязшие в болоте упадочной буржуазной культуры. Для того чтобы переродиться, приблизиться к своим братьям, к своему народу и начать писать по-другому, им надо основательно поработать над собой. Им надо ясно понять задачи, которые поставила перед собой страна, и научиться разбираться в современных проблемах не хуже политических руководителей. Словом, они должны глубоко осознать создавшееся новое положение вещей, вырасти политически, и только тогда им станут понятны героические усилия рабочих, крестьян и прогрессивной интеллигенции, которые строят новую жизнь.

Конечно, нелегко расстаться с укоренившимися предрассудками, отбросить весь старый хлам, отказаться от дешевого успеха, которого они достигали, потворствуя примитивным человеческим инстинктам: Зато какое удовлетворение испытает писатель, почувствовав, что благодаря своему творчеству он оказался в одном ряду с «положительными героями», что он служит своему народу и помогает ему в его движении вперед.

Вот мысли, владевшие мною, когда я смотрел балет «Красный мак» на сцене Большого театра, восхищаясь

великой способностью искусства внушать зрителю идеи путем чудесного художественного изображения. Одной своей музыкой и танцами, без единого слова, это изображение держало нас весь вечер в состоянии самого напряженного внимания. Такое зрелище, являясь источником мобилизующих чувств и идей в сердцах и умах тысяч зрителей, не может идти ни в какое сравнение с теми спектаклями, действие которых на зрителя ограничивается ощущением мимолетного удовольствия и которые оставляют лишь воспоминание о приятно проведенном вечере.

«Иван Сусанин»

Снова в Большом театре. Опера Глинки «Иван Сусанин» с Михайловым в роли Сусанина. Спектакль, не менее впечатляющий, чем «Красный мак».

Опера Глинки представляет художественное воспроизведение патриотических чувств русского народа, который на протяжении истории совершал чудеса, защищая свою родину. Сусанин (легенда, имеющая под собой историческую основу) символизирует русского крестьянина, беззаветно любящего святую русскую землю, для защиты которой он жертвует жизнью.

Этот сюжет помог автору подняться на недостижимую высоту в своем творческом вдохновении и создать одно из величайших и прекраснейших произведений не только русской музыки, но и всего мирового искусства.

Видя, как зрители воспринимали эту оперу, я вышел из театра с убеждением, что образ Сусанина близок и сегодня сердцу каждого советского человека и вдохновляет его.

«Садко»

Вечером в Большом театре. Опера-былина Римского-Корсакова «Садко», феерический спектакль, удостоенный Сталинской премии.

«Фееричность», о которой упоминает в своих заметках моя дочь, достигается как музыкой и игрой, так и

сценической техникой, доведенной до предела возможностей современного сценического искусства.

Это одна из тех опер, сюжетом для которых послужили древние былины и сказки русского и других советских народов.

Эта сказка, рожденная народной фантазией, со своим наивным содержанием и романтическими героями так обработана, что приобретает глубокий смысл и особую привлекательность для современного человека.

Спектакль пленяет своей музыкой, мастерством постановки, талантливым исполнением певцов и танцоров, которые в своих экзотических и богатых костюмах полностью перевоплощаются и своими песнями и плясками как бы воссоздают самую жизнь народа.

По сцене плывут корабли... В гавани высаживаются с покачивающихся на волнах судов купцы, прибывшие из Индии и Венеции...

Проведя несколько часов в мире сказок народа, здорового душой и телом, выходишь из театра вполне отдохнувшим, полным свежих сил.

Мне становится ясно, что, оторвавшись на время от своего повседневного труда, советский человек, которого я видел столь сосредоточенным на работе, находит здесь не только легкое мимолетное развлечение, но и глубокие переживания. Они связывают его с прошлым его народа, с неоглядными просторами родины, где рождались эти сказки, в которых прославляются лучшие человеческие чувства — любовь, преданность делу или человеку, мужество и доблесть в борьбе со злом.

Сказки эти полны вдохновляющих примеров, способствующих поднятию духа до высокого патриотического уровня.

После такого спектакля советский человек выходит из театра, набравшись свежих сил для работы завтрашнего дня.

Все это представляет полный контраст тому действию, какое производят скабрёзные спектакли, любовные драмы, изображения преступлений гангстеров, отравляющие со сцены или экрана души молодых людей в тех странах, где еще господствует декадентская «культура».

«Медный всадник»

Вечером в Большом театре; идет балет «Медный всадник» по поэме Пушкина того же названия, музыка Р. М. Глиэра. В роли молодого Евгения — заслуженный артист РСФСР и УССР, лауреат Сталинской премии В. А. Преображенский. Параша — молодая балерина, заслуженная артистка РСФСР Стручкова.

В «Медном всаднике», как и в опере «Садко», сценическое мастерство проявляется во всей своей полноте.

Грандиозная буря, наводнение переданы на сцене с непостижимым искусством: лодки, опрокинутые волнами, люди, которым кое-как удается спастись, и другие — тонущие тут же, у вас на глазах... Все настолько правдоподобно, что кажется: дыхание урагана вот-вот ворвется в зрительный зал, а волны захлестнут оркестр и обрушатся на зрителей.

Этому впечатлению, естественно, способствует и музыка и игра артистов, которые настолько захватывают, что целиком переносят тебя на место грозных событий.

В этом балете сценическая техника занимает едва ли не равное место наряду с музыкальным, драматическим и хореографическим искусством.

В то же время мы отдаем себе отчет в том, какая глубина таится в творчестве русских классиков — писателей и поэтов.

Те, кто видел, например, на сцене западных театров драму Максима Горького «Дети солнца» или «На дне» (в Берлине, в Малом театре на Унтер ден Линден, одно время изо дня в день шли только эти пьесы), кто читал произведения Толстого, Гоголя и других классиков русской литературы, могут припомнить, как властно захвачены были их ум и чувства и как долго оставались они под впечатлением виденного или прочитанного.

Поэмы великого русского поэта Пушкина блещут не только красотой слога, но и богатством мысли, глубоко проникающей в душу внимательного читателя.

На первый взгляд пушкинский «Медный всадник» может показаться лишь красиво изложенным повествованием о сентиментальном влюбленном, потрясенном гибелью своей возлюбленной во время одного из ката-

строфических наводнений в Петербурге — городе, дерзновенно воздвигнутом Петром Великим на болотистой почве периодически затопляемых берегов Финского залива, на семи рукавах Невы, — словом, там, где, по мнению заурядных людей, не мог быть построен подобный город.

Ночью на площади, где высится конная статуя великого Петра, отчаявшемуся Евгению чудится: медный всадник оживает, покидает свой пьедестал и гонится за ним по улицам. Герой гибнет.

Чувствительный зритель проливал бы слезы, следя за развитием этой печальной повести. Однако отношение к ней советских людей и суждения, которыми они обменивались по поводу этого спектакля, убедили меня, что в этом повествовании они схватывают его главную суть.

В этой психологической повести, завершающейся трагической развязкой, ярко сквозит мысль, что Петр Великий, этот смелый основатель и создатель Петербурга, осуществил необычайно дерзкий замысел, основав на болоте город, где сперва были построены деревянные дома, а затем и великолепные дворцы, по мере того как люди осушали и отводили в каналы воды, периодически затоплявшие город. Однако в уме Евгения, потрясенного гибелью любимой девушки, зарождается и проникает все глубже в его существо мысль, приводящая его к возмущению против великого строителя: он считает, что смерть его невесты во время наводнения явилась следствием упрямства деспота, пожелавшего построить город на этих болотах, в устье капризной Невы. Эта мысль, постепенно заполонив мозг Евгения, доводит его до безумия и гибели.

Он не сумел понять, что, хотя невеста его и погибла в волнах Невы, Петербург вышел победителем в борьбе с темной стихией, бросив гордый вызов векам.

В цирке

Ленинград. Вечер в цирке. В таком цирке, о котором до сих пор мы знали только понаслышке.

Еще полвека назад я познакомился с самыми знаменитыми цирками Европы. С течением времени мне, однако, стало казаться, что усталость, коснувшаяся

своим крылом многих учреждений и предприятий прошлого, полностью сковала и цирковое искусство.

Ведь цирки Западной Европы, некогда прославленные, ныне уподобились обломкам кораблекрушения, носящимся по воле волн. Всеми забытые, они скитаются по селам или, в лучшем случае, находят пристанище где-нибудь на пригородных пустырях и еле сводят концы с концами.

Но ленинградский цирк приковал наше внимание с первой же минуты, заставив забыть о всех цирках прошлого. Перед нами артисты арены, приводящие в восхищение мастерством исполнения, доведенного как будто до предела человеческих возможностей. Однако и заведующие постановкой и сами исполнители способны, чего доброго, перейти и за эти пределы.

Из элегантной ложи закрытого помещения, не имеющего ничего общего ни с большими, ни с малыми шатрами обычных цирков, любуемся живым и интересным зрелищем.

Оно вливает в тебя струю бодрости, как и во всю массу зрителей, которые и здесь, получая вознаграждение за свой труд предыдущих дней, восстанавливают вместе с тем силы, которые потребуются от них завтра для дальнейшей работы.

Этот новый цирк благоприятствует делу создания все более совершенных бытовых условий, ибо в стране социализма под «бытовыми условиями» понимаются не только вопросы, связанные с одеждой и питанием, не только вопросы заработка и жилищные, но и постоянная забота о восстановлении нравственных сил трудящихся.

Спорт

Утром — на теннисном корте стадиона «Динамо». Закончив игру с здешним тренером Морозовым, осмотрели часть многочисленных гимнастических залов и спортивное оборудование вокруг центрального стадиона. Команда молодых боксеров, тренируясь, показывает свое мастерство. Они здоровы, веселы; работают с увлечением, отдаваясь всецело спорту.

Я не раз отмечал особое значение спорта как в частной, так и в общественной жизни, ибо хорошее физическое состояние помогает человеку устранить множество душевных недугов.

Болезни, которых можно избежать благодаря спорту, настолько разнообразны — начиная с праздности, лени и вплоть до настроений пораженчества, скептицизма и всякого рода отталкивающих шатаний, — что среди воспитательных мер спорту должно быть отведено одно из самых видных мест.

Спорт способствует укреплению и развитию смелости, бодрости и жизнерадостности, выковывает характер, повышает работоспособность, производительность и качество труда. Советские руководители это знают.

Революция совершила переворот и в этой области, способствуя небывалому развитию спорта, ставшего в этой стране всенародным делом.

На спортивной площадке московского стадиона «Динамо» я померился силами с искусным молодым мастером спорта Морозовым. Жаркая схватка... Затем руководители этого огромного стадиона предложили нам осмотреть свои площадки, арены и громадные залы.

Стадион «Динамо» имеет оборудованное на основе самой передовой техники футбольное поле с трибунами на 80 тысяч зрителей (но если нужно, они могут вместить и еще 20 тысяч человек). Стадион закончен строительством и вступил в строй еще в 1928 году. Однако сопровождающие нас говорят, что в недалеком будущем большая часть футбольного поля и трибун для зрителей будет покрыта стеклянной крышей.

Многочисленные громкоговорители, мощные рефлекторы, благодаря которым футбольные матчи могут разыгрываться вечером совершенно так же, как и при дневном свете, установки для передачи состязаний по телевидению — все это в буквальном смысле слова переносит тебя в какой-то неведомый мир, охваченный духом изобретательности и располагающий невиданной техникой, и представляется в первый момент таким же порождением необузданной фантазии, как когда-то летательные аппараты и подводные лодки в романах Жюль Верна.

Мы осмотрели все гимнастические залы, залы для работы на турнике, трапезиях, параллельных брусьях, для классической борьбы и убедились, что все они оборудованы самыми усовершенствованными аппаратами, являющимися плодом поистине передовой науки спорта. Молодые борцы, боксеры и гимнасты, демонстрировавшие перед нами свое мастерство, глубоко взволновали пожилого спортсмена, глядевшего на них с нескрываемой завистью, ибо в том мире, где он провел свою молодость, ничего похожего не бывало.

Спортивные клубы, которые я знал в прошлом, например «буршеншафты», спортивное студенческое общество, рядом с членами которого мне приходилось сидеть на университетских скамьях в Берлине и Лейпциге, обслуживали лишь весьма ограниченный круг людей из высшего общества. А поскольку широким массам юношей доступ в спортивные клубы был закрыт, они, не имея должной подготовки и не будучи побуждаемы к спорту разьяснительной работой, проводили свои молодые годы вне всякого соприкосновения со спортом, если не считать случайных гимнастических сеансов, даваемых какой-нибудь заезжей знаменитостью, и нередко заменяли спорт карточной игрой в кофейнях или не менее азартной игрой на бегах и скачках. Немудрено, что игры

эти захватывали многих, а особенно молодежь, и становились настоящим общественным бедствием. В памяти возникает целый ряд молодых неудачников, ставших жертвой этой страсти. Вспоминаю, как однажды мне пришлось сурово отчитать одного из моих друзей. Я упрекал его в легкомыслии, с которым он регулярно проигрывался на ипподроме, оставляя там свои последние гроши. И помню, как он, пожав плечами, мне ответил:

— Что ж, брат, поделаешь, раз у меня такая спортивная натура!

Вспоминаются миллионные толпы подобных «спортсменов» на ипподромах Ипсума и Лоншана, в Англии и во Франции, бесчисленные семейные драмы, нужда и лишения, вызванные этими «западными видами спорта»...

Дома вечером у телевизора мы следим за футбольным матчем, разыгрываемым в свете прожекторов между командами «Торпедо» и «Спартак».

Вернувшись наконец вечером домой после шумного дня, проведенного в движении, мы несколько не оторваны от внешнего мира: усевшись перед экраном телевизора, мы как бы присутствуем в различных театральных и концертных залах Москвы.

Но нас особенно поразило, что, сидя в креслах в своей комнате, мы могли следить за футбольным матчем, разыгрываемым в вечерние часы на гигантском поле «Динамо». На дворе в этот час тьма кромешная. Однако человеческая изобретательность сумела с помощью мощных прожекторов рассеять мрак на такой обширной площади, позволив собравшимся там ста тысячам зрителей следить, как при дневном свете, за игрой этих двух команд, владеющих исключительной техникой.

Достижения науки не только превращают ночь в день, но и позволяют сквозь стены комнат и через все препятствия, стоящие на пути, видеть отдаленный стадион и следить с напряженным вниманием за всем, что там происходит. Инквизиторы и апологеты тьмы и обскурантизма, содрогавшиеся и возмущавшиеся, слыша утверждение Галилея, что земля вертится, окаменели бы при виде такого «святотатственного» поведения лю-

дей, дерзнувших поколебать «божественный порядок». Мы думаем сейчас о десятках тысяч советских граждан, которые благодаря этому новому завоеванию техники, сидя спокойно дома перед телевизором в вечерние часы, наслаждаются содержательной и разнообразной программой.

Все эти открытия не являются, конечно, монополией Советского Союза, но опромные и плодотворные усилия, приложенные к тому, чтобы эти достижения все в большей мере становились достоянием народа, без всяких ограничений спекулятивного характера, как то имеет место в капиталистических странах, свойственны только социалистическому государству.

Дипломаты прежние и нынешние

Посещение нашего посольства. Часть сотрудников посольства Румынской Народной Республики — на лекциях по политической экономии, истории и т. д. Дискуссии.

Хотя я путешествовал неофициально, все же мне хотелось повидать людей, представляющих интересы нашей родины в посольстве РНР, на этом важном посту.

Несмотря на то, что я прибыл сюда без предупреждения, все находились при исполнении своих обязанностей, в точном смысле этого слова. Каждый был на своем месте. Часть работников в этот момент участвовала в дискуссии. Это свидетельствует о том, что они не подходят к своему делу бюрократически, как это было в обычае у наших дипломатов при старом режиме.

Предложенный для обсуждения материал касался не только ближайших задач, но и вопросов, углубленная проработка которых, повышая уровень их политического мышления и знаний в области международных отношений, способствовала бы общей продуктивности работы.

Вне всяких сомнений, в социалистических странах нарождается новый тип дипломата. Он уже не принадлежит к высшему, привилегированному классу — к денежной аристократии или дворянам с громкими именами, — он выдвигается из низов, из широких кругов трудящихся — работников физического и умственного труда. Его отличает основательная подготовка и повышенное чувство ответственности.

Этот дипломат представляет в международных отношениях свою страну и вместе с тем интересы народа. Выполняя столь ответственную миссию, он руководствуется исключительно общественными интересами, в

чем помогает ему получаемое воспитание, и остается совершенно чужд заботам мелочного порядка, стремлению обогатиться, воспользоваться благоприятными условиями, связанными с положением дипломата, обладающего паспортом, обеспечивающим личную неприкосновенность.

Покидая наше посольство с чувством полного удовлетворения, я думал о том, сколько перемен произошло в этой области. Автомашина мчалась вперед, а мои мысли уносили меня в прошлое, воскрешая все то, что я пережил, соприкасаясь с прежними дипломатами.

Всплыл в памяти, между прочим, небольшой эпизод, имевший место в румынском генеральном консульстве в Клуже после присоединения Северной Трансильвании к Венгрии в 1940 году по венскому диктату.

С большим трудом перебравшись через новую границу, насильственно проведенную поперек Трансильвании, разрезанной таким образом пополам Гитлером и Муссолини с допущения двух мачех — бухарестской и будапештской (в противоположность тому, как не был разрезан пополам ребенок в легенде о мудром Соломоновом решении), — я должен был явиться в румынское генеральное консульство в Клуже, отошедшем к Венгрии.

Перед зданием консульства я увидел взволнованную толпу румын и венгров, теснящихся у дверей в ожидании приема.

Я присоединился к ним, ожидая часа, когда откроют двери, хотя, если можно было верить вывешенному официальному объявлению, час этот давно уже миновал.

Двери все не открывались, и в конце концов многие из ожидавших граждан потеряли терпение; их возмущение выразилось в шумных криках протеста против тех, кто, находясь в доме, не подавал никаких признаков жизни.

Это подействовало. В окне нижнего этажа появилось сердитое лицо одного из чиновников. Он коротко заявил:

— Господин генеральный консул уехал вчера на охоту и еще не возвращался. Он вернется только после обеда, часа в четыре.

Мы разошлись в негодовании.

Видя, сколько скопилось просителей, я решил, что лучше будет прийти на час или на два позже, когда тод-

па схлынет. Итак, я отправился в консульство лишь под вечер.

Не без труда проник я в приемную, а оттуда в кабинет секретаря. Оказалось, что он трансильванец, как и я.

Он предложил мне сесть и обещал доложить обо мне немедленно господину генеральному консулу.

Но время шло, а дело не двигалось, и скоро на лице этого чиновника, то и дело выходившего из комнаты и возвращавшегося обратно, я заметил смущение. Он стал бормотать всякие извинения.

Наконец, зная, что генеральный консул на сей раз уже дома, я попросил чиновника сказать, чем же вызвано столь продолжительное ожидание. Бедняга, оглядываясь по сторонам, чтобы кто не услышал, сказал мне вполголоса:

— Что поделаешь! Я знаю, что вы лидер Трансильвании, и я, как трансильванец, вас уважаю, да вот видите же, генеральный консул заявил мне только что, когда я докладывал ему о вас, что у него сегодня нет времени вас принять. Он занят сейчас купанием охотничьих собак. Он всегда это делает собственноручно и очень тщательно, — добавил секретарь, — и мылит их по крайней мере в трех водах.

— Ну а как же поступили вы со всеми теми людьми, что пришли сюда после обеда? — спросил я.

— Точно так же, — ответил мой трансильванец, и в голосе его звучала покорность судьбе. Затем он добавил: — Будь они прокляты, эти бары... Этот ведь тоже из их числа. Одни только глупости у них на уме. Ведь у нас-то, мелких служащих, у самих жизнь отравлена, оттого что приходится отказывать несчастным людям, с которыми генеральный консул не желает разговаривать.

Нечто подобное доводилось мне наблюдать и в других наших дипломатических представительствах. Немало перевидал я дипломатов — и молодых и старых. Почти всегда это были отпрыски боярских родов или люди, принадлежавшие к высокопоставленным семьям. Им свойственны были все пороки и совсем не знаком честный труд. Они жили привольно, в роскоши, среди развлечений, им платили «в твердой валюте», да к тому же у них было немало и других доходов от всяких темных делишек. Правду сказать, главным и общим их занятием была торговля валютой. Одинакова была и внешность:

монокль, фрак и цилиндр. Этого рода типы, встречавшиеся во всех столицах, известны были своими барскими повадками, ночными скандалами в притонах и умственными способностями, обратно пропорциональными накрахмаленности их воротничков и манжет.

Министерство иностранных дел было их прибежищем. Здесь по «лестнице ослов» подымался на командный пост любой ветрогон, если только он обладал геральдическим гербом. Известно, что вплоть до последних дней старого режима в этом министерстве чиновники почти совсем не работали, а лишь отмечали свое мимолетное посещение в не слишком ранние часы дня.

Это был аппарат, который недешево стоил стране, аппарат бесполезный, ибо право «представлять интересы страны» в области международных отношений фактически принадлежало промышленным и финансовым кругам, помещикам и капиталистам, носителям государственной власти, возглавляемой развращенной и продажной чужеземной династией, составившей себе промадное состояние. И так как все дела вершились этими верхами за кулисами, то единственной обязанностью обладателей дипломатических моноклей было «прилагать печать».

К счастью для нашей страны, все это отошло ныне в область предания. Отбросив эти воспоминания, направляюсь с моими спутниками на одну из крупнейших строек советской столицы — к зданию Московского университета.

Университет

Осматриваем одну из крупнейших строек Москвы — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова¹. Он расположен на Ленинских горах и величественно возносится над городом. Площадь стройки очень велика, и по мере приближения к зданию размеры его все больше поражают. Нас сопровождает заместитель начальника строительства. В здании, построенном из специального кирпича, будет тридцать шесть этажей. Строительство ведется с помощью самых усовершенствованных механизмов. Гигантские подъемные краны (которые мы видели и возле других высотных зданий, возводимых в Москве, а также на всех больших стройках страны, на которых мы побывали) помогают транспортировать и укладывать детали. Действуют также всякого рода экскаваторы и бульдозеры.

В главном здании университета будут сосредоточены все учебные помещения: лекционные залы, лаборатории, библиотеки, читальни, спортивные залы, большой крытый бассейн для плавания и т. д. Кроме того — 6 тысяч отдельных комнат для студентов, 700 комнат побольше для аспирантов, а в нескольких отдельных зданиях — квартиры из 3—4 комнат для преподавательского состава. Все жилые помещения оборудуются с максимальным комфортом. При здании имеется несколько внутренних дворов, а перед ним на огромной площади, до самого берега Москва-реки, разбивается парк. Здесь будет посажено 70 тысяч декоративных и фруктовых

¹ В момент описываемого автором посещения университет еще находился в стадии строительства. Как известно, торжественное открытие здания состоялось 1 сентября 1953 года. — *Прим. ред.*

деревьев, а также всевозможных кустов. Скоро строительство будет закончено.

Под музыку, несущуюся из промкоговорителей, работа на стройке идет бодро и весело.

Что еще добавить к этому краткому описанию колоссальной стройки?

Здесь все поражает: и грандиозные размеры здания, возведенного в необычайно короткий срок; и мощный, почти бурный темп работ гигантского строительства, где какими-то доисторическими чудовищами представляются порой эти промадные машины, в особенности экскаваторы с их вытянутыми длинными шеями и страшными челюстями, когда они, впрысываясь в землю, выхватывают целые глыбы, а затем осторожно опускают их на движущиеся колонной большие грузовики; и гул работающих под землей моторов самых разнообразных типов и размеров; и башня головокружительной высоты, сооружение которой идет сейчас полным ходом. На вершину этой башни будет поднята лежащая сейчас перед нами звезда; она тоже поражает своими размерами.

Когда видишь все это, кажется, что машины все делают сами, что они поделили между собой всю работу, человеку же остается наблюдать и согласовывать их действия, лишь изредка кое-что окончательно отделявая да нажимая в случае нужды какую-нибудь клавишу этого гигантского фортепьяно, чтобы достигнуть полной гармонии.

Чувствуется, что современные наука и техника действуют на этой строительной площадке в свою полную силу, на том уровне, который вчера еще нельзя себе было даже вообразить.

В самом сердце огромной страны, в условиях, неведомых старому миру, да и миру современному в других частях земного шара, воздвигается храм науки, который послужит бесконечному ряду грядущих поколений.

Я провел годы молодости в университетах Будапешта, Берлина, Лейпцига, посещал и другие университеты крупнейших столиц Европы и знаю, что многие из них и по сей день остаются такими, как были в то далекое время.

Весьма поучительно сопоставить перспективы в области воспитания молодежи, которые открываются здесь,

в Москве, с теми условиями университетской жизни, которые знакомы нам по собственным воспоминаниям. Эти условия были характерны для большинства университетских центров того времени, они же характеризуют и сегодняшнюю студенческую жизнь в капиталистических странах.

Обычно дело обстояло так. Юноша, выросший в обстановке почти первобытной, с весьма ограниченным кругом интересов и знаний, почерпнутых в провинциальной школе, оказывался внезапно перенесенным в шумную столицу со всеми ее соблазнами. Обосновавшись в случайно подвернувшейся комнате, в окружении, мало подходящем для серьезных занятий, молодой студент был в сущности чем-то вроде случайного гостя в залах университета.

Что касается системы преподавания, знакомой нам по воспоминаниям, то и она с тех пор едва ли в чем изменилась.

Всем бывшим питомцам университетов знакома фигура профессора, уныло и монотонно читающего «курс» по своим личным запискам. Записки эти он ревниво хранит у себя, не допуская их опубликования иначе, как в виде серии примитивно отлитографированных выпусков, за которые он дерет со студентов втридорога. Почти все профессора придерживались такой системы преподавания, и редко кто давал себе труд составить и выпустить печатный учебник, основательно и глубоко трактующий вопросы, которые надлежало усвоить молодежи.

Контакт между кафедрой и аудиторией, между профессором и студентами походил на базарную сделку: профессор, точно дозируя, продавал знания, а студент ловчился, заучивая лишь строго необходимое, да старался потрафлять причудам ученого мужа, чтобы легче было проскочить на весьма формально проводившихся экзаменах. Таким образом, вся учеба сводилась к механической зубрежке случайных обрывков преподаваемого предмета.

В своей же личной жизни студент был лишен совета и поддержки родителей и педагогов, был всецело предоставлен самому себе, брошен на произвол судьбы в джунглях большого города, и ему всегда грозила опасность сделаться жертвой пороков и страстей.

Вспоминаю, как я поступал в университет. Имея в кармане аттестат зрелости, выданный мне средней школой одного из городов Трансильвании, я вместе с моим двоюродным братом прибыл в Будапешт. Чужие в этом незнакомом городе, блуждали мы целый день по улицам и переулкам, читая прикрепленные к дверям записки о сдаче комнат. После долгих поисков мы наконец остановились перед одним старым домом на узкой улочке позади университета. Записка на дверях гласила: «Сдается комната с отдельным входом — 22 кроны в месяц».

Обстановка комнаты показалась нам несколько странной, в воздухе пахло дешевой пудрой, но так как уже стемнело и мы порядком устали, надо было решаться. Мы договорились с хозяйкой, особой внушительных размеров, распространявшей вокруг себя сильный запах духов сомнительного качества, с прической, возвышавшейся на макушке наподобие башни, и заплатили ей за месяц вперед. Перекусив затем в довольно мрачном заведении, мы легли около полуночи и заснули мертвым сном.

В провинции мы привыкли к свежему воздуху, а здесь было так нестерпимо душно, что мы, перед тем как лечь, решили открыть окно. И вот наш первый глубокий сон вскоре был нарушен стуком о подоконник. Вскочив и зажегши свет, мы с изумлением увидели в рамке окна целый букет светлых и темных женских головок. Одетые более чем легко, эти женщины, смеясь и жестикулируя, кричали:

— Что вы там спите, молодые бароны, давайте-ка лучше поболтаем!

Лишь наутро мы поняли, что попали на улицу, которую по давней традиции населяли женщины легкого поведения, обладательницы регулярно оплачиваемого в полиции желтого билета. Улица всю ночь буквально кишела этими особами, прогуливающимися в поисках клиентов, каковую клиентуру составляли преимущественно студенты.

Несомненно, решающую роль в «стратегическом» расположении этой веселой улицы играла близость университета, со стороны которого, впрочем, никогда не раздавалось никаких протестов, поскольку проституция в странах буржуазной демократии является вполне уза-

конечным учреждением. Она — неотъемлемая часть общественного порядка, допускающего, таким образом, свободную эксплуатацию некоторых человеческих слабостей и пороков.

В подобных условиях особенно легко загрязняется молодежь, которая — как показывает случай со мной, — прежде чем переступить порог университета, попадает в преддверие его, полное опасных искушений.

Посещение занятий обычно всецело зависело от доброй воли студента. За исключением периода экзаменов, университетские залы бывали почти совершенно пусты. Профессора не имели никакого общения с молодежью и были глубоко равнодушны к вопросу, много или мало студентов посещает их лекции.

В немецкой столице, в университете на Унтер ден Линден, один из профессоров, человек нервный и капризный, взойдя в один прекрасный день на кафедру, увидел, что перед ним всего-навсего три студента. Одним из этих трех был я, и, скажу откровенно, мне стало стыдно за отсутствующих. Но сам профессор, по-видимому, давно к этому привык. Он раскрыл свой портфель с бумагами, оперся локтями о кафедру, близоруко уткнулся носом в свои записки и принялся читать тихим, монотонным голосом, лишенным всякого выражения, пока не прозвучал звонок, возвестивший конец лекции. Тогда он нервными движениями собрал свои записки и с полным безразличием к аудитории, в которую он за все время чтения не бросил даже взгляда, поспешно удалился с портфелем под мышкой.

Мой коллега немец, заметив мое изумление — я ведь приехал в Берлин, чтобы поднять уровень моих знаний, — с улыбкой утешил меня:

— Если вас смущает вид этого пустого зала, вы спокойно можете в дальнейшем не являться, так как у наших коллег можно купить курс этого профессора. Ведь профессор читает свои лекции, даже если в аудитории нет ни души.

Вспоминаю еще, как в Будапештском университете в начале учебного года толпа студентов, явившихся записаться на лекции, штурмом брала двери университетской канцелярии, так называемой «квестуры». Студенты эти в своем большинстве были или сыновья крупных

помещиков из венгерских степей, или же съехавшиеся с окраин, населенных другими национальностями, отпрыски более или менее родовитых дворянских семей. Барабаны палками и кулаками, они орали: «Квестор, квестор! Двери!» Затем, тесня и давя друг друга до полного изнеможения, они врывались через стальную вертящуюся дверь в канцелярию и, получив зачетную книжку, с тем же шумом и криками устремлялись к выходу. Так продолжалось несколько дней, и их явно забавляла вся эта суматоха. Но после этого они уже не появлялись в университете до тех пор, когда в конце семестра требовалось получить отметку профессора в зачетной книжке о посещении курса.

На сей раз сцена атаки разыгрывалась уже в самих лекционных залах вокруг кафедры профессора. Студенты наваливались на него со всех сторон и буквально душили его, протягивая свои руки с зачетными книжками и сопровождая все это диким ревом. А несчастный перепуганный профессор, осажденный провинциальной ордой, подписывал вслепую, не глядя, чью зачетную книжку он держит в руках. О какой-нибудь проверке тут не приходилось и думать. Поэтому многие студенты не находили нужным являться в университет даже и в конце семестра и получали подпись профессора, не выходя из дому, через подставное лицо: какой-нибудь коллега из числа нуждающихся за небольшое вознаграждение охотно брал на себя проведение этой операции.

Случалось порой, что какой-нибудь студент по ошибке обращался за подписью не по адресу — к постороннему профессору. Такая путаница вызывала немало смеха и шуток. Всех очень веселило, что в конце семестра, а то и в конце учебного года студент даже не знает своего профессора в лицо.

Конечно, были и добросовестные студенты, желавшие учиться и исправно посещавшие лекции. Но таких было немного, ибо сохранить выдержку при существовавших порядках было делом нелегким. А поскольку никто не требовал от студентов регулярных занятий, город с его соблазнами быстро деморализовал молодежь.

Были, безусловно, и хорошие профессора, но и их нравственная стойкость слабела в этой обстановке анархии. Было бы слишком долго рассказывать, например,

о том, как продавали и покупали на хорошо организованной бирже докторские диссертации¹.

Результаты такой системы образования, не имевшей ни малейшей связи с жизнью народа, мы все могли видеть, возвратившись в родные края. Молодые «выпускники», получившие с прехом пополам свои дипломы, оказывались лицом к лицу с неведомым им миром и, не имея никаких практических навыков, были совсем неспособны к делу: недостаток знаний им приходилось наверстывать уже на опыте своей практической работы, за кото-

¹ Приведу все-таки один красноречивый пример:

(«Не признаю тебя философом, если ты не приведешь мне конкретного случая», — говорил один ученый.)

Заметка

«Официальный вестник», № 33 от 29 сентября 1932 года.

Чрезвычайная законодательная сессия: 30 июня — 10 октября 1932 года. Страница 1174.

Д-р Н. Лупу: «Я не могу ничего сказать и не могу ответить г-ну Соломону до тех пор, пока он не представит палате диплом доктора медицины и не укажет факультет, который он окончил, так как у меня имеются сведения, что он проводит больше времени в Египте, чем на своем посту, и даже не является доктором медицины».

Страницы 1189 и 1267.

В ответ на это Соломон представил палате диплом доктора медицины, выданный медицинским факультетом Клузского университета. По этому поводу д-р Лупу заявляет, что данный диплом не имеет никакой цены, так как Соломон показал перед палатой, что он завершил свое образование на медицинском факультете в Вене, а перед тем был студентом университета в Граце.

Факты таковы: на медицинском факультете в Клуже, которого политикан Соломон никогда не посещал, ему был выдан — под политическим давлением Маниу, как это всем известно, — «липовый» диплом, но с обязательством, которое взял на себя этот «лидер» партии Маниу, бывший министр и т. д., никогда не заниматься медициной. К «чести» его надо сказать, что действительно этот «врач» никогда не видел ни одного пациента и ни одного врачебного кабинета, ибо проводил все свое время в окружении Маниу — в ресторанах, клубах, в залах заседаний и кулуарах палаты депутатов, устраивая повсюду скандалы и вместе с другими разыгрывая «друзей народа».

И он не представляет собой исключения. Д-р Михаил Попович, д-р Илие Лазар, д-р Ракитан, д-р Леукуция, д-р Поп и многие другие — весь генеральный штаб Маниу — представляли собой букет, составленный из таких «вождей народа» с университетскими дипломами, но без специальности и каких-либо занятий, кроме афер и закулисных политических интриг. Ясно, что подобные типы ничего хорошего оставить после себя не могли.

рый их клиентам и пациентам — короче говоря, обществу — приходилось платить дорогой ценой.

Видимо, буржуазия, охваченная единой и всепоглощающей страстью к обогащению, плохо отдавала себе отчет в том, что она оставляет в загоне капитальнейший вопрос общественной жизни — воспитание молодежи. И нет ничего удивительного, что эта молодежь в дальнейшем становилась легкой добычей самых диких обскурантистских движений, руководимых всякого рода фашиствующими авантюристами.

Это отсутствие заботы о подрастающем поколении проявлялось и в застое строительства университетских зданий, а также в том факте, что оборудование наших старых университетов ничем не обогащалось. А между тем в эти же годы столько воздвигалось дворцов, столько увеселительных заведений, столько баров, бирж и других всевозможных зданий, ничего общего не имевших с делом воспитания молодежи!

Вот оно, наше прошлое во всей своей неприглядной наготе. Отворачиваясь от него и, преисполненный надежд, смотрю с восхищением на открывающийся перед моим взором в полном разгаре строительства Московский университет — этот гигантский храм культуры, предназначенный для воспитания советской молодежи.

Осматриваем жилые комнаты для студентов и квартиры для преподавателей и профессоров. Они обставлены изящной и разнообразной мебелью. Отобрано все самое новое, стильное и отвечающее самым строгим требованиям комфорта.

Никелированные и деревянные кровати для студентов, ночные столики и книжные шкафы в их комнатах — на всем лежит печать вдумчивой заботы и безупречного вкуса. Входим в квартиры для преподавателей и профессоров. Столовая, спальня, кабинет с креслами, обитыми дорогими сортами кожи. Кухня и другие подсобные помещения с полами, выложенными кафелем, снабженные наиболее практичным оборудованием для приготовления пищи, стирки и т. д. Благодаря всему этому работа домашних хозяек становится значительно легче и приятнее. Мы и представить себе не могли, чтобы государство могло уделять столько внимания преподавательскому составу, заботливо обдумывая все до мельчайших деталей, организуя его домашний уют под кровом уни-

верситета, рядом со студентами, пользующимися таким же совершенным комфортом.

Таким образом, как для студентов, так и для профессоров создаются бытовые условия, максимально способствующие развитию всех их творческих возможностей. Освобожденные от повседневных мелочных забот, они смогут отдать своему делу все силы и способности. Известно, что в капиталистических странах к лицам, принадлежащим к преподавательскому составу, отношение самое пренебрежительное. В бюджетах этих стран им отведена роль золушки, в то время как на безумную гонку вооружений выбрасываются миллиарды.

Должен сознаться, что, стоя перед этим гигантским зданием, предназначенным служить делу распространения высшего образования среди молодых поколений, как нынешнего, так и грядущих, я не мог преодолеть горького чувства, что уже не принадлежу к числу молодежи.

Для нас школа прежде всего означала целый ряд стеснений и ограничений. Педантично дозируя, с механическим бесстрашием автоматов отпускали наши наставники сухую материю, оставаясь глубоко равнодушными к запросам и потребностям молодых существ, жаждущих живого знания.

Учебный процесс, навязанный нам старой педагогикой, был лишен для нас какого-либо внутреннего содержания. И никакой духовной связи между профессором и студентами! На лице профессора написано было лишь сознание своего несоизмеримого превосходства над нами. Все это было настолько тягостно, что единственным днем, когда мы испытывали душевный подъем и чувствовали себя счастливыми, был тот, когда мы покидали стены университета. Хорошо помню этот восторг и клики радости, когда мы размахивали в воздухе «индальгенцией», знаменовавшей для нас свободу. Повторяю, были и среди профессоров исключения, но они лишь подтверждали общее правило. Добрые намерения разбивались о суровую систему автоматической классификации, не принимавшей в расчет ни личных интересов, ни личных способностей. За все годы ученья не припомню случая, чтобы студента спросили, чем он интересуется и что хотел бы изучать.

Тем же холодным равнодушием дышали на нас и стены учебных зданий, построенных без всякой мысли о

гигиене или эстетике. Ни одной картины или хоть какого-нибудь украшения, радующего душу и глаз, ни одного мобилизующего лозунга на этих неприветливых стенах! Расшатанные скамьи, изрезанные нашими предшественниками, как бы молчаливо приглашали нас продолжать в том же духе дело разрушения. Все это, вместе взятое, превращало университетские помещения в тюрьму нашей молодости, в которой и сами профессора чувствовали себя не лучше и вполне разделяли нашу радость, когда звонок возвещал конец лекции.

Десятиминутный перерыв между лекциями считался вполне достаточным для освежения наших легких, заплесневевших в этих затхлых залах.

Спорт? Два часа гимнастики в неделю в закрытом помещении, где мы задыхаемся от пыли, поднимаемой собственными ногами.

Не профессора, конечно, были виноваты в том, что эта «фабрика», как выразился один писатель, была так уныла и мрачна. Виновно было буржуазное общество, которое в эпоху передовой науки и техники, лицемерно провозглашая принцип «в здоровом теле здоровый дух», калечило жизнь своих собственных детей, если уж не упоминать о тех опромных массах молодежи, принадлежавших к слоям эксплуатируемых и немущих, которые не могли проникнуть даже и в такую «школу»...

Оторвавшись от этих мыслей, вновь гляжу на здание Московского университета, поднимающееся на наших глазах в головокружительную высь. Нет, это не сон, не волшебное видение. Это — явь, возвещающая новые времена, светлую жизнь, невиданные возможности для сегодняшней и завтрашней молодежи страны Советов.

Вот оно, великое дело построения коммунизма. Оно воплощено и в этом мирном достижении советского человека! Этот университет послужит не только ярким опровержением всего потока клеветы империалистической и антисоветской пропаганды заокеанских королей доллара. Он будет служить и побудительным примером. Миллиарды долларов, вложенные в смертоносные орудия и лживую пропаганду, бессильны помешать распространению истины из этого грандиозного светоча науки, который гордо высится не только над Москвой, не только над необъятной родиной советского народа, но и над всей землей, озаряя путь всему человечеству...

Горки Ленинские

Мы посетили Горки, расположенные в тридцати пяти километрах от Москвы (Горки Ленинские). Из-за полученного в 1918 году ранения и исключительно напряженной работы здоровье Ленина пошатнулось. Начиная с зимы 1921 года он часто бывал вынужден прерывать работу. По настоянию врачей он переселился в Горки. В доме, окруженном чудесным парком, хранится много личных вещей Ленина и все поддерживается в том виде, как было в то время, когда он там жил: кабинет, где он работал, окруженный заботами Надежды Константиновны Крупской; столовая, в которой стол накрыт на троих: для Ленина, его сестры Марии и Н. К. Крупской; кровать, на которой он лежал во время болезни и умер от кровоизлияния в мозг 21 января 1924 года в 6 час. 50 мин. вечера. У изголовья кровати — пузырьки с лекарствами, которые он принимал в последние дни. В углу телефон. Очень старый телефонный аппарат, который едва действовал и в те дни, когда им пользовался Ленин. И этот телефон и вся обстановка дома точно такие, какими они были в момент перехода от прежнего владельца, царского сановника Рейнбота. Ленин не позволял производить никаких изменений в доме, избегая излишних затрат. Он всегда помнил о больших экономических трудностях, которые переживала страна. Зимой 1921 года, когда в Советской России был топливный кризис, Ленин, чтобы сократить расход топлива, перебрался в небольшой флигелек во дворе. Здесь, в Горках, Ленина часто навещали

Сталин, Максим Горький. Вспоминается известная фотография, изображающая Ленина и Сталина, беседующих на террасе дома. Болезнь не могла сломить волю Ленина и его огромную работоспособность. В Горках, несмотря на болезнь, Ленин писал статьи, письма, составлял руководящие указания, здесь написан его труд «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Когда позволяло здоровье, он перебирался в Москву. В последний раз был он в Москве 19 октября 1923 года. В верхнем этаже дома в Горках устроен музей, где можно видеть ряд документов, фотографии, картину, изображающую Ленина и Крупскую, беседующих с крестьянами села (здесь основан колхоз имени Владимира Ильича), статую Ленина в натуральную величину, его одежду (свидетельствующую о его необычайной скромности). Парк вокруг дома находится в очень хорошем состоянии, как и сам дом. Мы прошли по любимой аллее Ленина, где он играл в свою любимую игру — городки. Спустившись по аллее, откуда открывается чудесный вид; выходим к речке, где он любил ловить рыбу и кататься на лодке. Лодка, которой он пользовался, как и две автомашины — из которых одна была специально изготовлена рабочими одного московского завода и снабжена гусеничным ходом, ибо русские дороги зимой нередко заносит снегом, — хранятся в гараже при доме. Два часа, проведенные здесь, были для нас часами подлинного, глубокого откровения.

Откровение... Оно так глубоко, что трудно выразить словами всю сложную совокупность мыслей и впечатлений, охватывающих тебя, когда попадаешь в эти места, где прожил последнюю часть жизни этот человек, где он мыслил и работал, отдавая русскому народу, народам Советского Союза и всему трудовому человечеству последние искры своего гения. Здесь продолжал он свою исполинскую работу по укреплению социалистического государства, и по мере того, как приближался конец, работа эта становилась все интенсивнее, была все более проникнута стремлением сплотить и укрепить великую страну Советов, направить пролетариат на верный путь к лучшему, счастливому будущему. Находясь здесь, с

особенной ясностью представляешь себе величие этого человека.

Когда-то в молодости, на похоронах одного банатского политического деятеля, мне довелось слышать выступление крестьянина-активиста из Сату Мик, близ Лугожа, участника фронта сопротивления румынского народа в Трансильвании против гнета венгерского феодального режима. В памяти запечатлелись следующие слова, сказанные этим крестьянином:

— Мы и раньше знали, что ты большой человек, еще когда ты жил среди нас; но лишь теперь, у твоего гроба, когда смерть тебя скосила, мы по-настоящему поняли, чем ты был для нас. Так бывает с деревом в лесу: только когда оно повалится, можно охватить глазом всю его высоту.

Вся атмосфера в Горках заставляет посетителя остановиться в изумлении, задумавшись о значении Ленина в истории человечества, значении, которому сама смерть не только не могла положить предел, оставив нам лишь воспоминания прошлого, страницы истории вчерашнего дня и музейные экспонаты, но неизмеримо его усилила. Потому что лишь глухие не слышат и лишь слепые не видят того, что происходит ныне под широко развернутым знаменем, поднятым Лениным, имя которого вдохновляет сотни миллионов людей на труд, на большие дела, на борьбу за создание и укрепление нового социального строя.

С именем этого человека, с его учением связаны все достижения в области политической, экономической и социальной жизни в тех странах, где народ с решимостью вступил на испытанный путь, пройденный советским народом.

Громадные сдвиги, вызванные ленинским учением и усилиями людей, им вдохновляемых, сдвиги, начало которым положил Великий Октябрь, распространились ныне далеко за пределы этой страны и все осязаемее становятся на всем земном шаре — в колониях Африки и Азии, во всех угнетенных странах, повсюду, где люди поднимаются на борьбу за достойное существование. Они осязаемы и в капиталистических странах, не исключая Соединенных Штатов Америки. Как сердечны и справедливы слова знаменитого певца Поля Робсона, опубликованные недавно в печати:

Каждый день приносит новые доказательства того, что великое дело мира и освобождения... непобедимо. Во всей Азии обвинительный приговор империализму уже вынесен, а скоро и Африка и другие колониальные страны, которые пытаются сейчас сбросить с себя сковывающие их цепи, поднимутся во всем величии завоеванной свободы.

И кажется, что и здесь, в нашей стране (в США.— *Прим. авт.*), те, которые хотят «по собственному почину» развязать новую мировую войну, не смогут рассчитывать на поддержку американского народа; что же касается других народов, то они уже сказали свое «нет».

Ленин не умер! Ибо он продолжает жить во всем, что им создано, продолжает жить в сердцах и мыслях народов, устремившихся к светлому, счастливому будущему. Ленин жив, он изо дня в день, из минуты в минуту неизменно подтверждает свое присутствие в мире, свою живую связь с человечеством.

Творческий дух ленинского учения тем более реально ощутим, что это учение находит свое дальнейшее развитие в мудрой деятельности Коммунистической партии Советского Союза, в политике советского правительства.

Покидая Горки, освященные любовью народов Советского Союза и рабочих всего мира и ставшие благодаря этому местом паломничества, мы отдаем себе отчет в том, насколько силой своего влияния на человеческие умы они в настоящее время превосходят значение «святых мест». Мекка и Иерусалим порождают мысли и чувства абстрактного характера, более касающиеся «потусторонней жизни». Там налицо стремление оторвать людей от реальных, жгучих вопросов их существования. А все то, что проповедовал Ленин и что излучает вокруг себя его имя, составляет вопрос огромного жизненного значения, нашего конкретного существования на земле, вопрос поднятия человеческой жизни на новый уровень, создания человеческого счастья.

Уезжая из Горок, этого последнего пристанища, где работал Ленин, посетитель, как бы далеко он ни отправлялся, уносит с собой частицу исходящего отсюда света, ибо нет такой точки на земном шаре, куда бы не достигал свет с Востока!

Прихоть Екатерины II

По дороге в Москву проезжаем мимо стен недостроенного дворца Екатерины II, которая повелела начать работы, но впоследствии, найдя место неподходящим, приказала прекратить их.

Итак, значит, цари и царицы могли позволить себе роскошь возвести постройку почти до конца — так как стенам, которые мы видели, не хватает лишь крыши — и потом по своему капризу бросить ее на произвол судьбы.

Во время наших поездок мы видели немало монументальных построек, возведенных в результате мимолетной причуды того или иного царя или царицы. Они повествуют о мире, навеки отошедшем в область прошлого, когда всемогущие самодержцы огромной страны неограниченно распоряжались имуществом и жизнью своих подданных.

Режим самодержавия делал законом любое желание этих деспотов. А поскольку желания российских самодержцев чаще всего носили характер самодурства, созданное ими ни в какой мере не отвечало общественным интересам.

Весьма многие из виденных мною здесь старых поместий и дворцов отмечены этой печатью необузданных капризов русских царей и цариц. Эти сооружения, отделанные с безумной роскошью, красноречиво говорят о пропасти, лежавшей между правителями и их подданными. Подобно тому как фараоновым рабам, с такой невероятной затратой труда воздвигавшим храмы и пирамиды Египта, они не приносили никакой пользы, точно так же и для русского народа тех времен были совершенно бесполезны пышные дворцы и парки царей.

Лишь теперь эти дворцы и парки со всем, что они содержат ценного и прекрасного, стали достоянием народа, которому удалось разрушить преграды, скрывавшие от его взоров художественные и культурные сокровища и делавшие их исключительным достоянием деспотов и ограниченного круга их приближенных.

Позднее, в Ленинграде, я видел массивную железную решетку, ограждавшую некогда сад Зимнего дворца. Сегодня она окружает большой, заново разбитый народный парк и народ имеет свободный доступ в бывший дворец, превращенный ныне в богатейший музей. Впрочем, об этом музее речь впереди.

Но нам можно было и не ездить так далеко, чтобы познакомиться с нравами императоров и королей, располагавших неограниченными возможностями и средствами обогащения, которые, однако, далеко не всегда служили культу красоты, а гораздо чаще лишь удовлетворению их капризов и мимолетных прихотей, лишенных подчас даже отдаленного подобия вкуса. В нашей маленькой Румынии после освобождения ее в 1877 году от турецкого ига поселился некий бедный родственник одной из германских династий и тотчас же по горло погряз в болоте всяческих спекуляций, обычно питавших при буржуазно-помещичьем режиме высшие слои общества.

Прибыв в страну с одним чемоданчиком, он в короткий срок составил такое опромное состояние, что мог позволить себе, удовлетворяя своим прихотям, сооружать фантастические дворцы и парки, представлявшие разительный контраст с лачугами крестьян, живших под пнетом боярской эксплуатации.

Правда, некоторые из этих дворцов и замков как в архитектурном отношении, так и по внутреннему убранству не лишены эстетической ценности, но они никогда не были доступны для посторонних, а уж тем более для тех широких масс, чьим трудом они были созданы.

Была у нас и королева, дававшая — с помощью «цивильного листа» — полный простор своей фантазии и наполнившая страну, от горных вершин до морского побережья, всякого рода замками, тяжело обременявшими государственный бюджет. Фактически «цивильный лист» благодаря щедрости некоторых угодливых правительств далеко выходил за пределы сумм, предо-

ставляемых по этой статье членам правящей династии и многочисленным ее отпрыскам. Достигалось это путем переключения в их пользу тех или иных сумм, имевших совсем другое назначение в государственном бюджете, статьи которого и без того были бедны, в особенности когда дело касалось вопросов здравоохранения, народного образования и т. д. Чтобы удовлетворить королевскому капризу, приходилось лишать целые области элементарнейших санитарных учреждений, учебных заведений, мостов и шоссежных дорог.

В начале моей политической деятельности, десятки лет тому назад, когда я прибыл из Трансильвании в Бухарест, мне довелось в качестве молодого министра руководить различными ведомствами. При этом меня всегда поражало несоответствие между опромными суммами, ассигнуемыми государством на расходы членов королевского дома, и теми скромными средствами, что расходовались на общественно полезные нужды — например, на оборудование нескольких десятков добавочных коек в больнице, постройку небольшого моста через речку, разделяющую пополам какое-нибудь село, постройку сельской школы или оснащение этой школы всем необходимым...

Однажды, когда мне был вверен портфель министра общественных работ, я обнаружил в бюджете этого министерства не оправданную документами недостачу в десятки миллионов. Деньги эти были ассигнованы на проведение в течение бюджетного года неотложных строительных работ.

Я потребовал объяснений у генерального директора этого министерства Банеску, бывшего в течение тридцати лет его главным заправилкой. Его положение было очень прочно, так как он был приятелем и однокашником всесильных Братиану, их ставленником и, как и они, находился в фаворе при королевском дворе.

Он ответил мне, понизив голос:

— Господин министр, речь идет о суммах, которые мы обычно предоставляем по требованию их величеств на их личные нужды без всяких формальностей. Например, эти сорок миллионов были выданы недавно ее величеству королеве Марии, которая хочет достроить зигзагообразное шоссе к Синайскому дворцу, а также построить дорогу в Мамаю.

Я указал ему на незаконность негласного перечисления сумм, ассигнованных по бюджету на общественное строительство, в пользу членов династии, и без того имевших в своем распоряжении гражданский лист, иными словами, свой собственный бюджет, достигавший 12 процентов всего государственного бюджета. Я потребовал немедленного возврата этой суммы. Очень удивленный, этот столп министерства (министры приходили и уходили, а он неизменно оставался на своем посту), несколько сбавив тон, заметил, что мы не вправе этого требовать от ее величества.

— Но с тебя-то, отвечающего за такие незаконные действия, можно потребовать, — возразил я ему тогда.

Я возбудил против него дисциплинарное преследование и, несмотря на все ходатайства и давления, начиная с дворца и кончая главой правительства, он был присужден к максимальному наказанию — к «немедленному устранению от должности без права на пенсию».

Инцидент этот вызвал в свое время много шума в парламентских и общественных кругах и живо комментировался в печати, тем более, что в связи с этим премьер-министр спустя три дня потребовал от меня, чтобы я подал в отставку, указывая, что в противном случае под угрозой ставится существование всего правительства.

В случае с Банеску впервые в истории старого королевства применялась подобная мера наказания в отношении высшего чиновника. Решение вступило в силу, однако и я лишился портфеля.

Впоследствии я пытался разузнать, была ли сумма, присвоенная королевой из государственной казны, действительно обращена на дорожное строительство. Насколько мне удалось установить, сооружение зигзагообразной горной дороги в Синае было приостановлено, а также не строилось и какой-либо новой дороги в Мамаю. На сей раз причуда королевы не касалась ее замка, а выразилась в расходах другого порядка.

В то время она готовилась к поездке в Америку, куда и отправилась в 1926—1927 годах. И там она приобрела те пресловутые поместья, перешедшие впоследствии к ее сыну Каролю, которые стали в настоящее время объектом бесконечного процесса о наследстве. До сих пор в лиссабонском и других судах идет спор и препирательство по поводу этих поместий, причем претендентами на

королевское наследство выступают как члены бывшего королевского дома, так и лица посторонние.

У Кароля материнские причуды получили еще более яркое выражение. Доказательством может служить дворец, который он построил в центре столицы, пренебрегая элементарными требованиями архитектуры и нормами городского благоустройства.

Ныне этот дворец перестроен и превращен в национальный музей. Здесь выставлены образцы нашего народного творчества, а также богатейшие коллекции зарубежного искусства. Музей привлекает массы посетителей со всех концов страны, способствуя подъему народного творчества и культурного уровня масс. Но для того, чтобы все отторгнутое у народа их сумасбродными властями могло снова стать достоянием масс, нужно было, чтобы в историю человечества была вписана великая революция народов, составляющих ныне Советский Союз. Освобождение нашей страны с помощью этих народов от фашистского ига позволило нам затем освободиться и от господства грабительской династии.

... Мысли эти владели мной, когда я слушал объяснения нашего проводника и милого спутника, товарища Кубышкина, между тем как машина наша следовала вдоль стен недостроенного дворца Екатерины II.

Для всякого изучающего ход истории вывод из всего сказанного напрашивается сам собой: избавившись от всякого рода «божьей милостью» династий и сломив преграды, освященные суеверием и «династическими традициями», народ сможет свободно идти вперед по пути к счастью. Живым примером этого могут служить грандиозные достижения советского человека.

В санатории

Я вошел сюда, в сущности, только из любопытства, ибо ни одна часть моего тела не нуждалась в медицинской помощи и у меня не было необходимости испытать на себе действие какого-либо принудительного режима. Я всегда считал, что лучший врач — это здоровый образ жизни. Но так как слава этого учреждения за короткое время разнеслась далеко за пределы Советского Союза, чему способствовали и отзывы врачей-специалистов, мне захотелось лично ознакомиться с его работой. А потому я и решил уподобиться на время подопытному кролику.

Вот как случилось, что я два утра подряд провел в этом санатории и подверг себя самому тщательному исследованию с помощью всевозможных аппаратов, производящих серьезное впечатление даже на человека, хорошо знакомого с этого рода учреждениями.

Внутренность здания с его оборудованием и обстановкой поражает с первого взгляда. Но что особенно удивляет и трогает до глубины души — это отношение к пациенту, кто бы он ни был, как со стороны светил советской медицинской науки, так и всего персонала. Человеколюбие советских врачей проявляется во всем, вплоть до мелочей. Во врачебных кабинетах, в палатах, где размещены больные, в коридорах — повсюду видишь приветливых людей, на лицах которых написана радость сознания, что они своей практикой и знаниями приносят пользу человеку.

Здесь нет и следа холодной чопорности санаториев западно-европейских стран, где мне приходилось встречать столько неприятливых взглядов, мечущих молнии сквозь стекла очков, столько кичливо-самодовольного

величия медицинских знаменитостей, труд которых так высоко оплачивается и так мало доступен рядовому человеку.

Беседуя с советскими врачами, я мысленно сравнивал их с теми «акулами» буржуазной медицинской практики, репутация которых всецело определяется получаемыми ими фантастическими гонорарами и которые предоставляют свои услуги в прямой зависимости от этих гонораров.

Впервые экземпляр подобного рода я встретил, будучи студентом, в Лейпциге. Заразившись незнакомой мне болезнью глаз, я позвонил у дверей известного окулиста, о котором с большой похвалой говорили в городе. Очувшись под его испытующим взглядом, я робко начал:

— Господин доктор...

Подняв руку, он резко оборвал меня:

— Пожалуйста, прошу вас... Господин гехеймрат... (то есть «господин тайный советник»).

Оробев от этого сурового приема, я понял, что упустил из виду его звание, указанное на табличке у входной двери. Этим званием короли и императоры награждали некоторых из своих любимцев, точно так же как они давали пользующимся их благосклонностью коммерсантам и промышленникам право именоваться «поставщиками двора его величества»...

Я видел, что в этот момент врачом владеет скорее желание оградить свое высокое звание от непочтительной небрежности, чем стремление помочь больному. Когда же, в довершение всего, он узнал, что я всего лишь скромный студент, он почти вытолкнул меня за дверь, строго заметив:

— Надо было сперва посмотреть внимательно на досщечку у дверей. Я врач не для студентов. Вы, студенты, имеете своего врача при университете.

Какой глубоко человечный прием встречает советский гражданин, переступая порог здравоохранительных учреждений, я мог убедиться, посетив ряд санаториев, больниц, домов отдыха и родильных домов.

Советские врачи пришли к заключению, что, несмотря на мой возраст, я, вероятно благодаря спорту, усиленные занятия которым видны по моему телосложению, ни в каких лекарствах и ни в каком режиме не нуждаюсь.

— Природа сама вам поможет, — сказали они мне, улыбаясь.

И я с легким сердцем покинул санаторий. Однако я продолжал размышлять обо всем, что узнал здесь, и мысленно сравнивал увиденное с тем, что было в прошлом и что можно наблюдать и сейчас в других странах.

Хотелось бы, чтобы и наши врачи брали пример с советских и еще больше повысили интерес к вопросам охраны народного здоровья.

Не мешает при этом вспомнить, что советские ученые и врачи, работающие сейчас в самых благоприятных условиях, не получили готовыми все эти условия. Беседуя с ними, я узнал, в обстановке каких трудностей и лишений вынуждены были они налаживать дело в первые годы советской власти, в период разрухи, вызванной империалистической и гражданской войной. Им приходилось тогда работать в совершенно непригодных и неотопливаемых помещениях (топливный кризис), не снимая пальто, почти без медикаментов, пользуясь подчас самыми примитивными инструментами, и при этом даже без уверенности, что вечером найдешь дома кусок хлеба...

Но все эти трудности не обезоружили их, а, наоборот, закалили. Самоотверженно работая, они вышли с честью из испытаний. Силу им давала любовь к родине и народу. Своей героической повседневной работой они немало помогли укреплению нового строя.

Таким образом, при содействии самих врачей были созданы теперешние условия их работы. И они вполне заслуженно пользуются сейчас теми большими преимуществами, которые, как мы убедились, предоставлены им как в их практической работе, так и в области бытовых условий.

Колхоз и колхозники

По пути в колхоз им. Молотова, Раменского района, Московской области, проезжаем через Жилино, Балятино, Островцы и другие населенные пункты. Нас сопровождает почти весь состав нашего посольства, два сотрудника из румынского посольства в Пекине, на днях отправляющиеся в отпуск домой, и еще несколько лиц. Всех радует эта поездка.

Колхоз был создан в 1931 году. Каким образом? Объединились 72 единоличных хозяйства; 12 хозяйств в колхоз не вошли. В 1950 году он слился с тремя соседними, образовав один укрупненный колхоз.

Сегодня этот колхоз имеет семь грузовых автомашин и одну легковую «Победу» (еще не так давно каждый колхоз имел только по одной грузовой машине). Колхозу принадлежит 669 га пахотной земли, 65 га садов, 143 га пастбищ, 12 га леса, 184 га под культурой картофеля, 74 га огородов и пр. Производительность сельскохозяйственных машин на этой большой площади значительно возросла. Всего в колхоз входит 292 хозяйства.

Колхоз имеет 145 лошадей, 271 голову рогатого скота (в том числе дойных коров — 142), 204 свиньи, 125 овец, 1545 штук домашней птицы.

Производительность: хорошая корова дает 7300 литров молока за 300 дней, прочие — 6500, 5800, 4000; в среднем 14 кг молока в день от каждой коровы. Свиньи: в среднем 14 поросят в год от каждой свиноматки.

Каждый колхозник имеет свой приусадебный участок, и колхоз оказывает ему помощь в перевозке на рынок продуктов, полученных им на этом участке и предназначенных к продаже (то же и в отношении излишка продуктов, полученных им на трудовни).

В течение 1950 года в колхозе было отработано 116 тысяч трудодней, за 8 месяцев 1951 года — 85 тысяч трудодней. Колхоз этот является колхозом-миллионером. Годовой доход в 1950 году — свыше 2300 тысяч рублей. Главная часть дохода получена от животноводства.

Колхоз сдает государству примерно 10 процентов своих молочных продуктов, 20 процентов яиц, 8,5—9 процентов урожая зерновых. Уплачивает деньгами подоходный налог, страховые и прочие взносы — всего около 18 процентов от общего дохода колхоза.

Обходим помещения для скота. Сперва осматриваем старые коровники. Они довольно примитивны (их не стесняются нам показывать), однако содержатся в большой чистоте; затем видим постройки, возведенные позднее, и, наконец, коровник, построенный в прошлом году, с автоматическими поилками в каждой кормушке и с оборудованием для электродойки. В этом году (после уборки урожая) будет возведен новый коровник из белого камня. Строительные работы выполняются в большинстве самими колхозниками, труд которых хорошо оплачивается. Например, за одну поездку на каменоломню и обратно засчитывается $\frac{3}{4}$ трудодня, за две поездки — полтора трудодня. В свинарниках чисто, как в гостиной. Заведующая животноводством колхоза, Валентина Сергеевна, окончила семь классов и дважды проходила специальные курсы. Это молодая, здоровая, подвижная женщина. Она дает нам объяснения, и щеки ее то и дело заливают румянец.

То же цветущее здоровье, живость, любовь к труду, соединенную с нескрываемой гордостью за свои достижения (с постоянной ссылкой, что добиваться непрерывных улучшений их прямая обязанность), наблюдаем и у ее товарищей по работе. Здесь и мужчины и женщины, молодые и старые. Их бодрый вид, живое отношение к людям и делу, радушие, с каким принимают они гостей, их замечания и шутки, полные здорового народного юмора, — все это привлекает наше внимание. Сколько прекрасных типов для талантливого скульптора или писателя!

Однако время идет. Мы отрываемся от созерцания, которое согревает нам душу, наполняя ее верой в живые силы человечества, в созидательные возможности народов, объединившихся в могущественный фронт за-

щиты мира против воинственной истерии обезумевших поджигателей войны.

Наши взгляды обращаются к цифрам ведомостей, таблицам, графикам.

Культивируется много картофеля, урожайность — 18 тысяч кг с гектара. Как раз сейчас ведутся работы по ссыпке картофеля нового урожая на зиму в большие ямы, имеющие вентиляционные каналы, выходы которых прикрыты деревом и соломой. Много разводится смородины, что дает большой доход: в Москве один килограмм стоит 10 рублей, урожайность — от четырех до пяти тысяч килограммов на гектар.

Председатель колхоза, человек цветущего здоровья, спокойный, немногословный, поднявшийся из народа, дает нам все необходимые разъяснения. Осматриваем контору с ее графиками, планами сельскохозяйственных культур, карточками учета ежедневных работ и т. д. Клуб. Зал для собраний. Здесь висит в рамке на стене государственный акт, которым земля передается в вечное пользование колхозу. Напротив здания конторы (совершенно так же, как и перед главной конторой на стройке университета) — доска почета с фамилиями отличников, и их немало (как немало их записано и на стройке университета).

Заходим в дом к председателю колхоза, а затем к свинарке Клавдии Никитичне Котовой. Это статная и проворная женщина. Ее платок и передник сверкают белизной, так же как скатерти в доме и занавески на окнах, обрамленных снаружи тонкой резьбой по дереву. И в сенях и в комнатах, обставленных красивой мебелью, — чистота; на столе, конечно, самовар. Возле дома опороженный двор для хозяйственных надобностей.

Собираемся уходить, но задерживаемся на минутку, чтобы поговорить с одним инвалидом. Алексей Николаевич Колпаков — инвалид Великой Отечественной войны. Получает пенсию, изучил бухгалтерию, теперь работает счетоводом в колхозе. Так как он лишился одной ноги, колхоз предоставил ему лошадь, чтобы он мог приезжать на работу.

Если не считать национализации промышленности, наибольший отзвук в мире и самые разнообразные комментарии по поводу революционных достижений Советского Союза вызвало создание коллективных сельских

хозяйств — колхозов. Уже с первых дней установления в этой стране диктатуры пролетариата внутренние и внешние враги первого в мире социалистического государства искали уязвимое место в этой системе, чтобы легче было нанести удар. И они решили, что нашли наконец-то эту ахиллесову пяту: крестьянство. Сектор сельского хозяйства был одним из самых отсталых. До революции на громадных просторах России сельское хозяйство велось примитивно.

Ясно, что переход от архаических форм сельского хозяйства к его механизации на основе коллективной обработки земли не мог произойти без жестокой борьбы. В этой борьбе изменилось и умонастроение крестьянства, был побежден индивидуализм мелкого собственника, были ликвидированы деревенские эксплуататоры — кулаки.

Мы помним, что и у нас в стране еще совсем недавно происходили убийства из-за клочка земли. Большинство гражданских и уголовных дел в деревне возникало на почве ссор из-за спорной межи и сведения всякого рода счетов из-за земли; некоторые из этих тяжб тянулись с незапамятных времен. Дети ссорились с родителями, братья подавали в суд на сестер, семейные узы порывались, и вся жизнь деревни была отравлена всякого рода тяжбами и преступлениями из-за ненасытных стремлений хозяев-одиночек завладеть возможно большим количеством земли.

Эта психология крестьянина, хорошо изученная на протяжении веков, являлась камнем преткновения и при построении социализма в сельскохозяйственном секторе СССР. На этом и основывали свои надежды все враги первого в мире социалистического государства, пророчившие крушение социалистического строя. Но по мере того, как механизация сельского хозяйства и организация коллективной обработки земли двигались вперед, врагам приходилось с горечью констатировать все новые успехи в деле построения социализма. И постепенно перед лицом этих успехов клеветническая пропаганда выдохлась окончательно. Успехи эти, в которых убеждаются все, кому довелось посетить страну Советов, явились в результате роста продукции сельского хозяйства, организованного на новой основе, общего подъема в деле обработки земли и повышения ее урожайности.

За последние годы много тысяч крестьян нашей родины посетили колхозы СССР. Вернувшись домой, они не только делятся впечатлениями со своими односельчанами, но и сами становятся на путь создания коллективных хозяйств, которые растут численно и все более укрепляются у нас в стране.

Вымыслы врагов о питании колхозников из общего котла или из одной и той же миски, о «коммунизации» кур, детей и даже жен все меньше пугают деревенских жителей. И поэтому совершенно естественно нетерпение иностранца, приехавшего в Советский Союз, увидеть колхозы собственными глазами и самому проверить на месте все, что он слышал и читал за и против колхозов.

...Перед нами возникает группа больших зданий. Некоторые из них еще строятся. Пока мы смотрим издали, кажется, что идет кладка стен какого-то дворца, подобного воздвигнутому по прихоти Екатерины II, который мы видели, возвращаясь из Горок.

Приблизившись и остановив машины, мы убеждаемся, однако, что эти дворцы имеют совсем особое назначение: здесь будут размещены целые стада коров, табуны коней, птицефермы и пр.

Входим во «дворец», предназначенный для свиней. Прежде чем переступить порог, тщательно вытираем ноги, не ожидая предупреждения. У меня уже есть опыт в этом смысле. Не так давно в селе Акацарь, неподалеку от Тыргу-Муреша, когда я хотел войти в свинарник, меня остановил один из свинаярей, коренастый крестьянин с большими усами, и попросил вытереть предварительно ноги. Он указал на находившийся перед входом кусок жести, покрытый известью, о которой и следовало отирать подошвы ботинок... Итак, вытираем ноги и входим в колхозный свинарник.

Когда оказываешься в этом помещении, является мысль, что следует, пожалуй, снять и шляпу, настолько все внутри этих безупречно белых стен поражает своей чистотой. Мы начали с осмотра различных экземпляров хряков и свиноматок с множеством сосущих поросят. В это же время других свиней мыли водой с мылом. Тщетно мы пытались найти хоть пятнышко в каком-нибудь углу помещения. Не найдя нигде признаков грязи, я скоро понял, в чем дело, увидя, как «постояльцев» уводят в специальное место для отправления естествен-

ных потребностей. Это повторяется ежедневно и пунктуально — утром, в полдень и вечером. Итак, образцовая чистота в свинарнике является результатом тренировки животных, которую настойчиво проводит советский человек — инноватор. При этом он умело использует инстинкт свиньи к поддержанию чистоты. Ибо, хоть и распространено мнение, будто свинье доставляет удовольствие валяться в грязи, однако известно, что свинья, запертая отдельно, всегда стремится к чистоте и пачкает только в одном углу своего помещения.

Но вот появляется вызванная откуда-то заведующая этим сектором хозяйства. Румяная, пышущая здоровьем, чисто одетая, свинарка радостно приветствует нас, охотно отвечает на наши вопросы, посвящает во все подробности своей работы.

Невольно переношусь в недалекое прошлое нашей страны и сравниваю. Вспоминаю, как выглядели наши свинари и свинарки. Одетые в лохмотья, страдающие зобом, они вербовались обычно из числа людей придурковатых, так как в те времена профессия свинаря считалась зазорной. Вот почему и сейчас в наших разговорах мне было как-то неловко произносить слово «свинарка». Однако меня тут же успокоили, объяснив, что в этом звании нет ровно ничего унижительного. Когда мы увидели, каким авторитетом пользуется эта свинарка, удостоенная, кстати сказать, наград за свои достижения, мы почувствовали, что личность ее становится для нас все более обаятельной.

Затем мы сидели у нее в гостях, чувствуя себя совсем как дома, и испытывали какое-то радостное удовлетворение. Само собой понятно, что хозяйка приняла нас и дома с тем же радушием. Потом она повела нас показать свой двор, по которому разгуливала домашняя птица, свинарник, где находился на откорме боров, маленькое овечье стадо и пр. Мы увидели солидный запас продуктов, дров, кормов — во всем этом чувствовалась заботливая рука хозяйки.

Уходя, мы бросили восхищенный взгляд на огород, прилегающий к дому, видя и тут следы все тех же умелых рук.

Позже, посетив дома руководителей колхоза и разговаривая с ними, в частности с председателем, я убедился, что небольшие приусадебные хозяйства колхоз-

ников ведутся с той же заботливостью, с какой все эти люди привыкли работать в своем колхозе. Над их семейным очагом не нависает та черная туча тревоги о завтрашнем дне, которая и сегодня в ряде стран так омрачает жизнь многих крестьян и фермеров...

Советское крестьянство распростилось навсегда с невежеством, отсталыми взглядами, неграмотностью, оно все время находится на подъеме, и его будущее озарено светом. Разумеется, все это стало возможным лишь в результате успехов коллективизации, а в первую очередь благодаря созданию передовой социалистической промышленности, обеспечивающей механизацию сельского хозяйства и электрификацию деревни. Я сам наблюдал, как доили коров с помощью электрических аппаратов в помещениях, построенных по всем требованиям зоотехники; удои при этом получаются небывалые.

Темпы развития колхозов весьма поучительны. Наглядное представление об этом можно получить при виде различных хозяйственных построек, имеющих внушительные размеры и возводимых почти исключительно силами самих колхозников. Рядом со старыми постройками мы видим новые, частью уже законченные, частью строящиеся полным ходом. Эти новые постройки намного превосходят прежние как своими размерами и материалом, так и архитектурой и оборудованием. Не забудем при этом, что следы далекого прошлого уже исчезли и сравнение можно проводить только с недавним прошлым, когда колхоз не был еще объединен с соседними.

В короткий срок сделан большой скачок, который, кстати, отображен в таблицах и графиках, находящихся в правлении, и в подробных ведомостях, образцово ведущихся самими крестьянами — людьми, которые, сбросив с себя ветхое обличье «деревенщины» и заслужив право называться колхозниками, не без гордости носят это звание... Беседуя с ними, я все время видел на их лицах отпечаток этой гордости: чувствовалось, что они отлично сознают и этот прогресс и то, что они сами своим повседневным трудом добились таких быстрых успехов. Вместе с тем они с большой признательностью говорят о значении тех указаний и той помощи, которые они получают от партии и правительства. Эта

гордость, заметная в каждом их жесте и в каждой фразе, рождена сознанием, что их работа в колхозе является неотъемлемой частью общего дела народов Советского Союза, что труд каждого из них способствует грандиозному строительству великой советской родины.

Прощаемся, окруженные собравшимися со всех концов села мужчинами и женщинами, стариками и молодежью, раскрасневшимися школьниками с учебниками под мышкой...

Однако они не забывают дать нам поручение, которое мы принимаем с радостью: они просят передать нашему народу их дружеский привет, сопровождаемый наказом нашим крестьянам работать так, как работают они, чтобы сделать жизнь счастливой, а родину — могущественной. Просят передать, что они искренне любят наш народ, видят в нем друга, равноправного члена великой семьи народов, строящих социализм и защищающих мир.

Когда садились в машины, мое внимание привлек крестьянин с протезом вместо ноги. Наш разговор длился недолго, но об этом можно было бы написать целые страницы. Из его манеры держаться, из каждого слова и жеста мне стала понятна, с одной стороны, забота, которую оказывает благодарная родина тем, кто для нее жертвовал собой, а с другой — признательность этих сынов советской родины за оказываемую им помощь и за социалистический строй. Слушая его, вновь делаю сравнение с тем, что происходит в других странах мира, вспоминаю, как относятся там к инвалидам, вдовам и сиротам — наследию войны. В памяти встают безобразные сцены, имевшие место во время похода американских инвалидов войны к Белому дому в Вашингтоне, когда их бесчеловечно разгоняли еще по дороге в столицу. Возникает перед глазами печальная и возмутительная картина из времен буржуазно-помещичьей Румынии, когда полиция на улицах Бухареста разгоняла с помощью пожарных насосов колонны беспомощных инвалидов войны — а ведь те просили всего лишь о насущном хлебе! В условиях старого режима инвалиды буквально были обречены на нищету. Чем, как не издевательством, было ежемесячное пособие, которого не хватало, чтобы прокормиться даже в течение одного дня,

Из колхоза я уехал с твердым убеждением: эти люди — вернейшая порука в том, что неприкосновенность их страны обеспечена на вечные времена.

Все то, что я видел и понял во время пребывания в колхозе, в непосредственном соприкосновении с людьми и их делами, настолько красноречиво в своей реальности, что способно многому научить крестьян во всех странах мира. Благодаря многочисленным посещениям советских колхозов крестьянами различных стран, включая и нашу, великие достижения социалистического сельского хозяйства становятся все более широко известны, являя собой живой пример для подражания.

Уже и сегодня в коллективных хозяйствах нашей страны крестьяне имеют возможность, используя технический прогресс и передовую науку, при меньшей затрате труда достигать значительно большего как качественно, так и количественно. Их пример поможет и остальным трудящимся крестьянам освободиться наконец от примитивного плуга, держась за который их отцы, деды и прадеды в течение веков в удручающем однообразии бороздили землю от зари до зари, согбенные под бременем вечной, безысходной нужды...

Кремль внутри

Мы в Кремле. Сейчас тут проводится большая работа по реставрации.

Соборы Кремля украшены фресками XVI, XVII и XVIII веков и иконами кисти Феофана Грека, Андрея Рублева и Симона Ушакова; Успенский собор, построенный при Иване III в 1479 году, хранит роспись начала XVI века.

«Царь-пушка» (работы Чохова), калибр — 890 миллиметров, длина — свыше 5 метров, вес — 40 тонн. Была поднесена в дар царю Федору Ивановичу в 1586 году. Каждое ядро весит 2 тонны, ствол пушки опирается на львиную голову. В некотором отдалении видны расставленные вдоль стены одного из зданий пушки, отбитые русскими войсками у армии Наполеона в 1812 году. В другой стороне — гигантский «Царь-колокол», отлитый в Кремле. После отливки, продолжавшейся несколько лет, колокол во время пожара сорвался с лесов, с помощью которых его устанавливали, прямо в яму, где был он отлит, причем большой кусок откололся. Весит 200 тонн, отлит из бронзы с большой примесью золота и серебра для придания звучности: звон его должен был быть слышен на 50 километров вокруг.

Входим в большое здание, построенное сто лет назад. Раньше оно было резиденцией царей, ныне же это дворец Верховного Совета СССР. Над главной лестницей возвышается картина Репина (она находится в галерее, соединяющей все три дворца — XV, XVII и XIX веков) «Царь Александр III говорит со старостами». В правом крыле

дворца — большой зал, в котором Петр I праздновал победу над Карлом XII. Интересно окно, специально пробитое в одной из стен и предназначенное для женщин, не имевших права присутствовать на подобных торжествах, но желавших видеть происходящее в этом зале. В старом крыле дворца, построенном при Михаиле Романове, имеется окошко, из которого опускался в дворцовый двор ящик, куда люди простого звания имели право класть свои жалобы. Пройдя обширный Георгиевский зал с досками из белого мрамора в нишах продольных стен, где высечены имена прославившихся воинских частей и героев различных войн, с громадными хрустальными люстрами и паркетом, художественно выложенным двадцатью сортами дерева, мы попали в зал заседаний Верховного Совета, очень большой, залитый светом, выдержанный в простом и строгом стиле, с мебелью из полированного орехового дерева. Здесь над всем доминирует статуя Ленина работы С. Д. Меркурова. Затем осматриваем комнаты, предназначавшиеся в прошлом лично для императора, и Екатерининский зал. Любуемся массивными дверями, выполненными из орехового дерева без единого гвоздя и без клея. Много зеленого уральского малахита и пр. В Оружейной палате: трон Ивана Грозного из слоновой кости, трон, подаренный иранским шахом Борису Годунову; короны царей, золотые, усыпанные рубинами и другими драгоценными камнями. Подарки: парадный конский убор, поднесенный одним из султанов Екатерине II; карета, подаренная английской королевой Елизаветой Борису Годунову; открытая карета, поднесенная в дар Екатерине II ее фаворитом Орловым, и пр. Парадная царская одежда, например коронационный наряд императрицы, покрытый великолепным золотым кружевом ручной работы, и множество других ценностей. Древнее оружие: доспехи разных веков; шлем Александра Невского, который надевал и Михаил Романов, боевые трофеи, взятые под Полтавой в 1709 году; сабля и скипетр Карла XII и пр. Далее работы из русской эмали, большое золотое

блюдо весом в четыре килограмма — подарок Екатерины II своему фавориту после одной из побед; столовый прибор, состоящий из трех тысяч предметов, — подарок той же царицы Орлову; вещи, собственноручно изготовленные Петром Великим, знавшим четырнадцать ремесел (пуговицы из слоновой кости; сапоги и пр.).

Московский Кремль является живым свидетельством той заботливости, с какой охраняет русский народ все связанное с его историей.

Выдумано бесконечное число небывлиц о разрушении большевиками церквей и всех исторических памятников Кремля, о разграблении огромных и бесценных сокровищ, находившихся в его хранилищах, о продаже американским миллиардерам диадем, бриллиантов, украшавших короны царей, их троны, седла и шпоры.

Всем нам припомнился этот поток фантастических измышлений, распространяемых с помощью печати и всех прочих средств пропаганды капиталистических стран. Эта кампания клеветы, начатая тотчас после революции, продолжается и поныне, принимая формы чистой истерии.

Но даже самые наивные слушатели «Голоса Америки» поспешили бы выкинуть из головы всю эту досужую болтовню, вступив под своды больших ворот главной башни Кремля. Когда оказываешься внутри Кремля с его дворцами и соборами, носящими печать архитектуры разных веков, в том числе и весьма отдаленных, с его площадями, украшенными такими памятниками, как «Царь-колокол» и «Царь-пушка», которые своими размерами как бы символизируют величие русских масштабов, — перед тобой раскрывается картина, какой не увидишь ни в одной из стран мира.

Здесь явственно ощущаешь дыхание истории этого великого народа, и это чувство охватывает каждого, кто, прибыв издалека, переступает порог Кремля.

В 1945 году, вскоре по окончании второй мировой войны, я во главе правительственной делегации нашей страны нанес визит советскому правительству. Этот официальный визит, имевший задачей разрешение ряда деловых вопросов и к тому же кратковременный, не располагал к неторопливым прогулкам и осмотру достопри-

мечательностей Москвы. Все же и тогда я остановился — признаюсь, не без удивления — перед лесами, воздвигнутыми вокруг кремлевских соборов, еще хранивших следы войны. Глядя на верхолазов, забравшихся на купола и кресты и тщательно очищавших их от краски, которая маскировала эти позолоченные купола и охраняла их от яростных фашистских бомбардировщиков, наблюдая, с какой энергией ведется работа, я решил заглянуть и внутрь соборов. Внутри на искусно сооруженных лесах, доходивших до самого верха куполов, шли работы по реставрации старинных икон и фресок византийской школы, не имеющих себе равных по красоте.

Таким же заботливым уходом окружены все несметные богатства Кремля, его произведения искусства и предметы исторического значения, от золотых тронов, усыпанных жемчугами и алмазами громадной ценности, до доспехов древнего воина и сапог с железными шпорами Петра Великого его собственной работы.

Для каждого непредубежденного человека, умеющего наблюдать действительность собственными глазами, это заботливое внимание служит неопровержимым доказательством горячей любви советских народов и их руководителей к историческому прошлому, ко всему, что создано этими народами на протяжении веков.

Это один из элементов стабильности и мощи советского строя, одна из черт советского человека, отличающая его от тех, кто, покинув родные края, переплывает океан, чтобы вторгнуться в чужую страну и пройти ее огнем и мечом, уничтожая плоды труда ее коренного населения.

Грабя покоренные ими страны и колонии, эти захватчики достигли высокой степени цивилизации. Но когда я думаю об этом здесь, в сердце Советского Союза, мне представляется, что этим «цивилизованным» захватчикам и колонизаторам определенно не хватает чего-то весьма существенного, без чего они оказываются едва ли не на самой низшей ступени. Жители же колониальных и полуколониальных стран — корейцы, индокитайцы, малайцы, персы, египтяне и другие, которых так презирают эти «цивилизованные», — создали замечательную и разностороннюю культуру, корни которой уходят в их многовековое прошлое. Если же они не до-

стигли уровня материальной цивилизации захватчиков, то уж это не их вина, ибо те до последнего времени держали их под своей пятой, на положении закабаленных народов. А их древняя культура, отразившаяся в их обычаях и памятниках искусства, в архитектуре, поэзии, старинных песнях, послужила, как известно, колыбелью культуры многих более молодых народов.

Московский Кремль, бросая мощный луч света всем народам мира, указывая им путь, учит их на примере народов Советского Союза пользоваться на великом пути преобразования культурой своих предков, непрерывно черпать из этого источника, неустанно изучать опыт прошлого, углубляя и развивая все лучшее, что было в этом прошлом, и отбрасывая все негодное, и в то же время шагать в ногу с прогрессом, используя все завоевания передовой науки.

В стенах Кремля прошлое этой страны сочетается с ее сегодняшним днем. Рядом со старинными дворцами и церквями находится Верховный Совет. Бьющая ключом жизнь Советского Союза, созидającego мир будущего, направляется из этого могущественного центра, из окруженного вековыми стенами сердца громадной страны. Во всем этом, как в раскрытой книге, можно почерпнуть много поучительного.

Счастливы народы, умеющие сочетать славные традиции прошлого с самой передовой цивилизацией.

Такая связь прошлого с настоящим и будущим возможна потому, что в сознании советского человека пролетарский интернационализм тесно переплетается с горячей преданностью своему народу и родине. Выдвигая на первый план творческий гений своего народа, советские люди в то же время относятся с глубоким уважением к культуре и традициям других народов, осуществляя таким образом давнишнюю мечту человечества о мирном сосуществовании народов и о мире на земле.

Осмотрев соборы и богатейшие исторические коллекции Оружейной палаты, о которых в наших заметках нам пришлось говорить в самом лаконичном, телеграфном стиле, отмечая лишь немного из виденного, между тем как на их осмотр мы затратили не менее пяти часов, входим в старое крыло дворца, где находятся древние царские покои. Вид этих мрачных комнат с низкими сомкнутыми сводами воскрешает в памяти эпоху,

полную смут, интриг и преступлений, о которой мы знаем из повествований летописцев и из книг историков и писателей; изображению этой эпохи посвящена и опера «Борис Годунов».

Проходим несколько покоев с тяжелыми металлическими или массивными деревянными дверями, петли которых скрипят от вековой древности, и задерживаемся на несколько минут в помещении с длинным столом, окруженным креслами внушительных размеров, среди которых возвышается небольшой трон, — здесь царь совещался с боярами.

Затем осматриваем опочивальню и другие покои, нередко становившиеся свидетелями трагедий в шекспировском духе, вызванных борьбой между претендентами на престол — между родителями и детьми, братьями и сестрами, борьбой вокруг скипетра, отмеченной мрачными и кровавыми преступлениями.

Ковер перед одним из царских диванов вызывает в памяти ужасную сцену, воспроизведенную великим русским художником Репиным в его замечательной картине, изображающей убийство Иваном Грозным своего сына — недостойного наследника русского престола. Вспоминается жуткое выражение глаз царя, полное потрясающей родительской скорби при виде окровавленного трупа сына. Невольно наш взор ищет следы кровавых пятен на этом ковре.

На момент задерживаемся у небольшого окошка, через которое из царских покоев опускался на веревке во внутренний дворик, куда допускался простой народ, ящик для «челобитных прамот». В этот ящик клали свои жалобы обиженные люди, чтобы сообщить царю о своих невзгодах, после чего с помощью той же веревки ящик снова попадал к царю. Впрочем, эти жалобы долго лежали здесь, никем не читаемые, и обычно оставались без последствий.

Порядок этот, видоизменявшийся в зависимости от страны и эпохи, являл собой один из испытанных способов держать народ в повиновении.

Так, например, в Венеции во Дворце дождей имелась «львиная пасть», куда доведенные до отчаяния люди опускали свои жалобы, а злонамеренные — свои доносы. В результате много невинных попадало на «Мост вздохов» и исчезало без возврата.

Покидаем полные мрачных воспоминаний покои московских царей и вступаем в монументальное здание Большого Кремлевского дворца. Пройдя через огромный Георгиевский зал, названный так в честь военного ордена Георгия Победоносца, и миновав роскошный коридор, мы оказываемся на пороге еще более грандиозного зала — зала заседаний Верховного Совета. Он поражает не только своими размерами, но и замыслом зодчего, гармонично сочетавшего красоту и величественность с теми требованиями, которые обусловлены самим назначением зала. Когда окидываешь взглядом этот зал, начиная со скамей депутатов и кончая балконом, внимание привлекает специальное радиотехническое оборудование, которое не только помогает оратору, выступающему с трибуны, но и позволяет вести передачу одновременно на нескольких языках. Это доказывает большую заботу руководства страны о представителях многочисленных народов, прибывающих сюда со всех концов страны, для которых созданы здесь все условия, способствующие успешной работе.

Говоря о работе советских депутатов, входящих в верховный законодательный орган Союза Советских Социалистических Республик, невольно вспоминаю о том, что творилось, да творится еще и теперь в парламентах и сенатах различных капиталистических стран.

Я провел много лет в кулуарах и залах заседаний этих парламентов. Еще и сегодня в ушах у меня стоит гул голосов бесчисленных дельцов, наполнявших эти кулуары, увивавшихся вокруг «народных представителей» и вечно чем-то взволнованных, всегда кому-то противоречивших и споривших порой в сдержанном тоне, а порой и в весьма беззастенчивом. Эта сутолока делает буржуазные парламенты более похожими на биржу, чем на законодательное учреждение.

Весь этот шум, все эти стычки, доходящие нередко до потасовок, все театральные выступления ораторов не имеют ничего общего с заботой о благе страны, являя собою не более как демагогическую инсценировку (кроме случаев, когда сводятся личные счёты) с целью пустить пыль в глаза избирателям. Весь этот фейерверк парламентской борьбы организуется с единственной целью — отвлечь внимание народа от весьма невзрачной подоплеки политической жизни страны.

В последние годы «парламентского режима» в Румынии извержение политических страстей, казалось, приняло прямо-таки истерический характер; в этой парламентской игре все чаще стали принимать участие не только нервы «народных представителей», но и их бицепсы. А так как режиссеры этих зловещих инсценировок считали, что по окончании спектакля, данного перед публикой в зале заседаний, актерам необходимо освежиться, то при библиотеке, кроме обильно и изысканно оснащенного буфета, оборудован был игорный зал, то есть попросту притон. И вот те, что только что воевали друг с другом в зале заседаний, на виду у всех спустились сюда обнявшись, чтобы дружно мошенничать за карточным столом. Все это, несомненно, продолжается и сейчас на Западе, о чем свидетельствует печать капиталистических стран, отмечающая, например, скандалы в вашингтонском парламенте вокруг всякого рода темных дел, которые теперь пускают все более глубокие корни в связи с безумной гонкой вооружений, вызванной захватнической империалистической политикой и подготовкой к войне, ведущейся под руководством промышленных и банковских кругов Уолл-стрита. Из этих-то кругов и вербуются в подавляющем своем большинстве «представители народа».

Однако вид и атмосфера зала, в котором мы находимся сейчас, заставляют нашу мысль отвлечься от этого грязного болота и темных дельцов, процветающих по обе стороны океана, и вновь обратиться к светлой действительности Советского Союза.

В течение десятилетий мы внимательно следили издали за всем, что происходило в этом величественном зале. Известно нам и то, какие задачи вдохновляют ныне верховный законодательный орган Советов.

Всем известно, что здесь получали утверждение величайшие достижения Советского Союза, что в этом зале облекались в форму закона самые передовые идеи и самые смелые замыслы, направленные к устранению эксплуатации человека человеком, к дальнейшему подъему страны и росту материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Здесь утверждались пятилетние планы, блестящее осуществление которых говорит о твердой решимости народов СССР создать у себя счастливую жизнь.

Все это может служить примером для народов, стремящихся сбросить с себя ярмо капиталистической эксплуатации. За дверями этого зала нет ни кабаков, ни подземных притонов. В кулуарах Верховного Совета не кишат дельцы или их подставные лица. Тут не инсценируются демагогические спектакли, имеющие целью скрыть подлые и жульнические махинации банковских и промышленных трестов.

Здесь вопросы обсуждаются со всей серьезностью, здесь принимаются конкретные решения подлинными представителями трудящихся; это — инженеры, техники, колхозники, отличники соцсоревнования, ученые, люди искусства, органически спаянные с местом своей творческой работы, лучшие из лучших людей страны, для которых процесс построения коммунизма является делом жизни. Для них политика — это не авантюра, не повод, чтобы уклониться от общественно полезного труда, а обязанность, за выполнение которой они отвечают перед теми, кто сделал их своими избранными, кто послал их в Верховный Совет и требовательно следит за их работой. Из сердца, из мозга этих людей-борцов, народных избранников, могут исходить лишь решения, способствующие благу народов, пославших их сюда.

Все они люди труда, физического или умственного. Они не состоят на службе у банковских или промышленных концернов, не толпятся вокруг жирного пирога каких-то темных дел, как люди, дорвавшиеся до власти в странах Запада. Сама природа советского строя делает этих депутатов невосприимчивыми к соблазнам, владеющим умами охотников за миллиардами. Все это обеспечивает им неоспоримое превосходство перед политическими деятелями капиталистических стран и позволяет отдать все силы и способности делу коллектива. Служа верой и правдой народу, их избравшему, они и сами, как сыны этого народа, пользуются все более благоприятными условиями как в своем труде, так и в личной жизни.

Вот она, настоящая и прочная связь народа со своими руководителями. В ней и находит свое выражение подлинное народное представительство и подлинная демократия, не имеющие ничего общего, к счастью для народов, ни с системой «веревки», соединявшей ящик для челобитных с царским окошком, ни с системой шутовского парламента капиталистических стран.

На одном из московских текстильных комбинатов

Посещение московского текстильного комбината Трехгорная мануфактура имени Ф. Э. Дзержинского. За самоотверженную работу в годы Великой Отечественной войны комбинат награжден орденом Трудового Красного Знамени и в связи с 150-летием со дня основания — орденом Ленина. Комбинат расположен на Красной Пресне. Здесь в дни революции 1905 года рабочие этой фабрики сражались на баррикадах с войсками царского правительства. Сопровождаемые директором комбината Анной Алексеевной Северьяновой, дважды награжденной орденом Ленина, мы посетили несколько цехов. Видели замечательных рабочих нового типа, советских людей, работающих с улыбкой на лице, глубоко сознательных и полных достоинства. Подходя и беседуя с ними; мы не замечали в них и тени смущения, а одна молодая ткачиха, поглощенная своим делом и вдруг увидевшая возле себя постороннее лицо, сказала: «Смотрите внимательно! Работайте и вы по-нашему!» Когда же ей сказали, кто стоит перед ней, она заметила так же спокойно: «Я думала, это кто-нибудь из наших, из русских. Ну, ничего, может, и он чему-нибудь научится у нас».

Старая Романовна трудится на фабрике много лет. Участвовала в забастовке 1914 года. Она рассказывает нам, как жила и работала до революции: «Раньше-то нам идохнуть не давали. А теперь сам видишь, как работаем! И квартиры у нас хорошие. А в старину бывало — четыре семьи

ютятся в одной комнате». Все они отлично сознают, что дал им советский строй. Дурнесова — мать девяти детей. На сегодня осталось в живых шестеро. Один из сыновей погиб, защищая Ленинград. Сказав нам об этом, женщина добавила с глубоким чувством: «Зато Ленинград теперь свободен, как и вся советская земля». Начальник мощного цеха, инженер, прежде был простым рабочим в этом цеху... Всюду чистота, свежий воздух; рабочие хорошо одеты.

Улучшаются непрерывно не только условия труда рабочих и служащих комбината, но также условия их отдыха и культурное обслуживание. Ночной санаторий, оборудованный во дворе, в здании, где жил когда-то владелец фабрики, обслуживает ежегодно более тысячи двухсот рабочих. Здесь делается все для укрепления их здоровья. Прекрасным уходом пользуются тысяча двести детей рабочих и служащих в принадлежащих комбинату трех детских яслях и пяти детсадах; в течение лета две тысячи детей побывали в пионерлагерях комбината, расположенных на море и в окрестностях Москвы.

В яслях и детсадах дети здоровы, румяны и веселы. Чувствуется большая забота о них.

Эти отрывочные заметки дают лишь самое общее представление об одном из крупных текстильных комбинатов Москвы; нескольких часов, что мы здесь провели, конечно, было недостаточно, чтобы собрать более подробные данные и цифры; хотелось полюбоваться подольше людьми и вещами — всем, что так привлекало нас своей новизной.

Общее настроение, царящее на этом комбинате, есть результат отношения к своему делу всего коллектива — рабочих и работниц, техников, инженеров, руководящего персонала, их горячего единодушного желания поставить на службу прогресса все, что создано наукой и техникой. Люди эти, каждый на своем посту, изо дня в день содействуют обогащению современной науки и техники своими новшествами и изобретениями.

Получаемые достижения отражены в развешанных повсюду разного рода графиках и плакатах, в фотогра-

фиях передовиков и героев социалистического труда, выдвинувшихся благодаря своим производственным успехам, благодаря проявлению инициативы, энергии, таланта — творческих сил, заложенных в рабочем классе, истинные размеры которых мы порой и не представляем.

В различных цехах фабрики я видел своими глазами результаты их личной инициативы и с глубоким чувством пожимал руки многим передовикам труда. Вглядываясь в лица рабочих, читаешь в них удовлетворение от полученных результатов и вместе с тем решимость идти все дальше вперед, не останавливаясь на достигнутом. Они счастливы и горды за все то, чем могут похвалиться перед посторонними, а особенно перед иностранцами.

Во время наших поездок по необъятной стране советских людей я повсюду видел те же счастливые и гордые лица. Таким образом я убедился, что люди эти, работающие с полным напряжением сил, ясно понимают, что делают это на благо себе и своим детям. Они сознают, что, способствуя делу своего коллектива, они поднимают все выше и свой жизненный уровень.

Душа этих людей не отравлена горечью эксплуатируемого человека; эксплуататоры давно изгнаны отсюда. Уходя после смены, рабочий уже не сталкивается в дверях с заплывшим жиром хозяином, которому знакомо только одно побуждение — жажда наживы.

Здесь нет «высшего общества», выставляющего напоказ свою спесь, — людей, которые, развалясь в роскошных лимузинах, разъезжают по улицам с раскормленной шавкой на коленях. Отдых рабочего здесь не нарушается истерическими и пьяными криками, доносящимися из всякого рода темных притонов и аристократических клубов.

Вместе с тем человек наблюдательный повсюду видит здесь особую заботу в области социального обеспечения и охраны здоровья трудящихся. Люди всех возрастов, начиная от грудных детей и кончая стариками, имеют свои отлично организованные учреждения: здоровым предоставлены условия для необходимого отдыха и полезных развлечений, переутомленным — для восстановления сил, больным же обеспечен образцовый медицинский уход.

В противоположность всему, к чему мы так привыкли в капиталистических странах, здесь широко пропагандируется бесплатная медицинская помощь. На каждом шагу видишь призывы и цветные плакаты. Матерям предлагается привести своих детей на осмотр в зубо-врачебный кабинет. Рабочим и работницам рекомендуют услуги стоматологов, врачей по внутренним болезням и т. д. с указанием часов приема и адреса, где они могут получить бесплатный совет.

В учреждениях, призванных охранять здоровье трудящихся, здесь не встретишь равнодушных и бесчувственных лиц. Навсегда исчезла стереотипная фигура страхового врача, неохотно и ненадолго наведывавшегося во врачебный кабинет при фабрике или заводе. Врачи эти, помню, в часы своих кратковременных приемов всегда работали с сердитой и кислой миной, и только если пациент начинал рыться в карманах, доставая «гонорар», лица их прояснялись. В этих случаях они даже нисходили до выдачи рецепта, тогда как всем прочим давался один и тот же устный и краткий совет: аспирин или английская соль.

Заходим в санаторий для рабочих, нуждающихся в кратковременном отдыхе для восстановления сил, и наблюдаем, как проводят здесь время женщины и мужчины этого комбината. Это не только место для восстановления физических сил, но вместе с тем и настоящая школа, всесторонне расширяющая кругозор рабочего. Книжки, музыка, самые разнообразные развлечения (спортивное оборудование, шахматы, бильярд и пр.) — все это предоставлено в распоряжение отдыхающих, и думаю, что нет человека, побывавшего в этих санаториях-клубах, который не вышел бы отсюда обогащенным знаниями и укрепленным в добрых чувствах к своему трудовому коллективу и своей стране.

Во время осмотра детских яслей этого комбината нас прежде всего поразил вид этих сотен и сотен ребятишек, необыкновенно здоровых, упитанных и румяных. Через некоторые спальни мы проходили на цыпочках, так как их маленькие обитатели крепко спали в этот час на своих расставленных длинными рядами кроватках, сверкающих чистотой.

Других мы застали в часы, отведенные для развлечений, с игрушками в руках соответственно возрасту

каждого. Наблюдать за их игрой было так приятно, а сами детишки были так приветливы с посетителями, что трудно было от них оторваться. Когда мы уходили, они не хотели нас отпускать. Можно сказать, что дух гостеприимства владеет ими с пеленок. Высоко развито у них и чувство порядка. Об этом свидетельствует вид их чулочков и платья, аккуратно сложенных каждым на специальной скамеечке или ночном столике, перед тем как лечь в постель.

Если при этом указать еще на превосходную подготовку персонала, на его душевный, заботливый подход к детям, а также на чуткое отношение к ним тех, кто руководит этими учреждениями, мы уясним себе и еще одну важную черту, характеризующую социалистическое общество: дети здесь окружены любовью не только собственных родителей, но и всего коллектива.

В глазах советского человека и социалистического общества ребенок — это ни с чем не сравнимая ценность. Этот взгляд как раз и находит свое выражение в прекрасно организованных детских учреждениях. В наших поездках по стране мы встречали их во множестве, и не только в промышленных центрах, но и в сельских районах, в деревнях, через которые лежал наш путь.

Любовь к детям глубоко заложена в душе каждого нормального человека. Но в том обществе, где законы диктует буржуазия, поглощенная эгоистическими расчетами и равнодушная к интересам большинства, чувство это извращается. Эти люди тоже заботятся о своих детях и внуках, даже чрезмерно заботятся, но именно только о собственных отпрысках в ущерб всем остальным, чья судьба никого не интересует.

Когда мы оказались среди советских детей, нам стало еще очевидней, как грубо искажается на Западе истина, когда дело касается советского строя. Вспоминаются лживые измышления о якобы имеющем место в Советском Союзе «похищении» детей из их семей, о том, будто детей отбирают у родителей, чтобы воспитывать их в условиях казарменной дисциплины, как растили когда-то турки своих янычар.

Нужно ли говорить, что дело обстоит совсем не так, как изображают это буржуазные легенды?

Эта система ухода и воспитания отнюдь не отчуждает детей от родителей. В те часы, когда родители

находятся на работе, их ребенок не остается предоставленным самому себе. Его не допускают болтаться без присмотра по пустырям и приобретать дурные привычки. Ему систематически внушают любовь ко всем, кто трудится, независимо от расы и религии, и он научается любить людей, по мере того как в нем крепнет чувство любви к собственным родителям...

Мне запомнился один эпизод во время посещения этого комбината. Когда я проходил, быть может, несколько торопливо, мимо рабочего места одной молодой ткачихи, она сказала мне:

— Смотрите внимательно! Работайте и вы по-нашему!

А когда окружающие сказали ей, кто мы и откуда приехали, она добавила улыбаясь и без всякого смущения:

— Ничего, может, и он чему-нибудь научится у нас.

Напоминаю об этой сцене, чтобы подчеркнуть еще одну характерную черту советского человека, черту, которую я наблюдал неоднократно во время моего пребывания в Советском Союзе: все свои новшества, достижения личной инициативы и успехи в работе он не старается скрыть от товарищей с ревностью человека, нежелающего поделиться тем, что открыл его пылкий ум. А ведь мы знаем, что в буржуазных странах заповеди промышленности, руководимые лишь мыслью о личном обогащении, нередко душат в зародыше любое проявление ценной инициативы, любое новшество, а подчас хладнокровно устраняют и самого новатора, если только это новое ставит под угрозу их дела и нарушает их расчеты. Капиталистическая действительность изобилует всякого рода темными историями, в основе которых лежит стремление «задушить конкурента». Известно, что изобретатель мотора Дизель — и это не единственный пример — был убит агентами конкурирующего промышленного объединения.

Молодая ткачиха, слова которой я привел выше, как и старая Романовна или Дурнесова, несомненно, выражают умонастроение советского человека, в особенности первая из них, которая сделала ясным для меня, к моему большому удовлетворению, какие чувства питают советские люди к зарубежным народам, в том числе и к нашему. Зная наше дружеское отношение ко всем

трудящимся, они с радостью делятся с нами своими новшествами.

В конце своего пребывания на комбинате я обратил внимание еще на один факт, упомянуть о котором считаю своим долгом. Здесь имеется здание церкви, восстановленное после бомбардировки. В стенах его размещена выставка, которую, пожалуй, правильнее было бы назвать музеем. Она демонстрирует всякого рода модели и самые разнообразные изделия, изготовленные руками подростков и молодежи. Выставка эта весьма поучительна, особенно для самой молодежи, ибо вдохновляет ее на новые достижения. Все здесь проникнуто любовью к прогрессу, людям и к великой идее мира.

Но если бы при виде этой выставки, расположенной в здании бывшей церкви, у нас возник вопрос: «Где же тогда свобода религии в этой стране?» — мы очень быстро получили бы ответ. Невдалеке от территории комбината стоит другая церковь, тоже пострадавшая от бомбардировок и тоже восстановленная. В ней производятся богослужения, и она открыта для верующих, желающих ее посетить.

Такое решение вопроса справедливо и проникнуто здравым смыслом, ибо удовлетворяет запросы каждого и не ограничивает свободы вероисповедания. Оно находится в полном согласии с тем, как понимается в Советском Союзе свобода религии. И это представляет полный контраст нетерпимости, которая царит в капиталистических странах, где под дымовой завесой библейских текстов и религиозных цитат фактически проповедовались в прошлом и проповеваются ныне прозелитизм, ненависть, фанатизм и обскурантизм, вписавшие на протяжении веков столько кровавых страниц в историю человечества. Отблеск костров испанца Торквемады и инквизиции, картины кровавых «религиозных» войн живы и сейчас в памяти человечества...

Третьяковская галерея

Мы посетили Третьяковскую галерею, где собраны замечательные работы русских и советских художников и скульпторов. Такие картины, как «Всадница» Брюллова, «Охотники на привале» и «Приезд гувернантки в купеческий дом» Перова, «Неравный брак» Пукирева, полотна Шишкина, Куинджи, Левитана, батальная живопись Верещагина, картины Сурикова из русской истории, наконец, грандиозное произведение Репина «Иван Грозный и сын его Иван» — все это свидетельствует о высоком мастерстве русских художников.

Работы советских художников говорят о творческих достижениях нового искусства — искусства социалистического реализма: портреты Бродского (Ленин, Горький и др.), картины Юона («Русская зима»), Ефанова («У больного Горького»), портреты Ленина, Сталина, Дзержинского, Луначарского, работы Андреева и др.

Когда попадаешь в этот богатейший музей живописи и скульптуры русских и советских мастеров и переходишь из зала в зал, кажется, будто совершаешь путешествие во времени — от эпохи тысячелетней давности и до сегодняшнего дня.

Сокровища русского изобразительного искусства захватывают настолько, что трудно оторваться от одного произведения и перейти к другому.

В первом зале останавливаемся в восхищении перед произведениями древней русской религиозной живописи. Некоторые работы восходят к XI веку — ко времени, когда русская земля еще представлялась европейцам

частью Азии и была для них такой же неведомой страной, как и сама Азия.

Вспоминая виденные мною в западных музеях и церквях изображения мучеников, святых и пророков, прихожу к выводу, что произведения древних русских мастеров превосходят их и по рисунку, и по колориту, и главное, по силе выражения. Фигуры и лица, созданные русскими иконописцами, одухотворены и полны жизни. Некоторые настолько выразительны, что могут сравниться с лучшими произведениями мирового искусства. С каким высоким мастерством переданы радость, страдание, все движения человеческой души! Здесь ничто не напоминает те совершенно безжизненные и лишенные пропорциональности фигуры святых с застывшим взглядом, те раскрашенные картинки, что создавались художниками западного средневековья. Творения древних русских мастеров представляют собой образец наиболее зрелого в ту пору византийского искусства. Я основательно ознакомился с большинством памятников, церквей и музеев западных стран, поэтому имею возможность сравнивать.

Точно так же могу сказать, что нигде я не встречал собрания произведений изобразительного искусства, дающего такое полное представление о жизни народа на различных этапах его истории начиная с отдаленных веков, с истоков зарождающейся культуры. В Третьяковской галерее узнаешь о жизни, радостях и страданиях русского народа, на долю которого выпало столько тревожных годин, столько превратностей в борьбе за существование. Картины и скульптурные произведения этой галереи рассказывают нам о людях, которые жили и страдали, о событиях, оставивших глубокий след в истории. Поэтому покидаешь этот музей с таким чувством, будто прочел книгу, в которой волнующе и с большой страстью описана история великого русского народа.

Все виденное помогает лучше понять традиции и ход развития этого народа от мглы веков и до наших дней, от времени бесправия и тьмы, в которых жили деды и прадеды, до сегодняшнего светлого дня страны Советов, от героев типа Александра Невского и строителей размаха Петра Великого до исторических дней Великой Октябрьской революции.

В последних залах Третьяковской галереи размещены современные картины и скульптурные произведения, рисующие грандиозный труд и борьбу строителей новой жизни.

Такая организация музея внушена горячей любовью народа к своему прошлому и традициям, безграничной преданностью родине, а также стремлением, идя по пути исторического развития, сохранить из прошлого все, что способно служить примером и может помочь строителям новой жизни.

Только фундамент, глубоко заложенный в прошлом, может обеспечить устойчивость нового сооружения. Значит, и в искусстве надо не отрываться от прошлого, а, наоборот, брать за основу все лучшее и здоровое, что было в этом прошлом. Советское искусство — новая ветвь на стволе величественного дерева, глубоко уходящего корнями в родную почву и способного выдерживать любые бури.

В этой связи следует сказать о коренном отличии музеев крупных центров Западной Европы, таких, как Лувр или Британский музей, от музеев Советского Союза. В этих западных музеях также хранятся бесчисленные произведения искусства, но весьма многие из них были похищены у других народов во время захватнических войн. Эти предметы являются великолепными образцами искусства народов с очень древней культурой, они созданы в странах, послуживших колыбелью цивилизации, — в Китае, Индии, Египте, Греции и т. д. Но все они не имеют ничего общего с теми людьми, кто их похитил. Более того, будучи выставлены в музее, они являют собой обвинительный акт против захватчиков, вопль скорби народов, которым они принадлежали. Начиная от камня из Розетты с его иероглифами, находящегося в Британском музее, и обелиска фараонов, похищенного Наполеоном и установленного в Париже на площади Согласия, и кончая несравненным шедевром скульптуры — статуей Венеры Милосской, весь этот бесконечный ряд вещественных доказательств хотя и вызывает, конечно, восхищение своей красотой, но в то же время говорит посетителю музея о преступлениях и грабежах, совершенных завоевателями. Этих завоевателей увлекали походы и опьяняла захваченная добыча, но они оставались глубоко равнодушны к культуре собственно-

го народа и не проявляли никакого интереса к сокровищам искусства своей страны.

Покидая Третьяковскую галерею, я испытывал большое внутреннее удовлетворение, чувствуя, что еще лучше узнал русский народ в его прошлом и настоящем, отображенном в искусстве его творческим гением. Чувства, владевшие мной, были совсем не похожи на те, с какими я выходил когда-то из музеев западных центров, преследуемый неотвязными воспоминаниями о захватнических войнах. Осмотр Третьяковской галереи помог мне глубже понять умонастроение советского человека и его отношение к труду.

Третьяковская галерея должна служить примером для работников наших музеев и других учреждений изобразительного искусства, побуждающим их научиться ценить все лучшее и прекрасное в нашем прошлом и находить его связь с настоящим и будущим нашего народа и родины.

Только свято храня творческие достижения нашего народа, мы сможем развивать и обогащать наше искусство, не рискуя сбиться с пути и заблудиться в джунглях космополитизма.

В Ленинграде

В 11. 30 прибываем в Ленинград — город, как бы воплотивший в себе великий образ Ленина и полный отзвуков славных дней великого Октября.

Осматриваем город. Проходим через площадь Финляндского вокзала (ныне площадь Ленина), куда ночью 3 апреля 1917 года прибыл Ленин; мимо здания, с балкона которого выступил он утром по возвращении в Петроград; мимо крейсера «Аврора», возвестившего 25 октября 1917 года громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, начало новой эры, эры социалистической революции; задерживаемся в Петропавловской крепости, построенной почти два с половиной века назад Петром Великим. Некогда грозная крепость превратилась со временем в самую суровую политическую тюрьму царской России. В соборе посреди крепости сохраняются гробницы Петра I, Екатерины I, Екатерины II и т. д. В одной из тюремных камер был заключен брат Ленина, Александр Ильич Ульянов; тут томились Радищев, Чернышевский и др. Здесь же находился в 1905 году Максим Горький, написавший во время заключения свою пьесу «Дети солнца».

Затем направляемся на площадь Декабристов, на которой 14 декабря 1825 года собрались дворяне-декабристы, восставшие против царского самодержавия. Осматриваем воздвигнутый при Екатерине II знаменитый памятник Петру I работы скульпторов Фальконе и Гордеева. Этот памятник воспет Пушкиным в его поэме «Медный всадник».

С купола монументального Исаакиевского собора, на который мы поднялись, открывается вид на весь город. Внутри собора — работы кисти Брюллова, они же воспроизведены в мозаике. Массивные двери, украшенные барельефами работы И. П. Витали. Иконостас, поддерживаемый десятью малахитовыми и двумя ляпис-лазуревыми колоннами. Высота собора более 100 метров. В центре этого собора-музея — маятник Фуко.

Марсово поле — площадь, при входе на которую возвышается статуя, представляющая Суворова в образе Марса, бога войны. Посреди площади гранитный памятник борцам революции, погибшим в феврале и октябре 1917 года.

Задерживаемся ненадолго у маленького деревянного домика, внутреннее убранство которого сохраняется в том виде, как оно было при Петре I. Домик этот, в котором жил Петр, явился первой постройкой на территории нынешнего Ленинграда. Среди хранящихся в нем предметов — распятие из слоновой кости работы Петра I.

Осматриваем Таврический дворец (в неоклассическом стиле «русского ампира», построен в конце XVIII века), подаренный Екатериной II своему фавориту Потемкину. В большом зале этого дворца происходил 3-й Всероссийский съезд Советов и VII съезд партии.

Так же величественно в Ленинграде и настоящее. Много новых сооружений, грандиозных многоэтажных зданий, которые, однако, отлично гармонируют со стилем старого города.

Стадион имени Кирова, поражающий своими размерами, сооружен прочно и устойчиво на песчаном грунте на берегу Финского залива, на месте, где раньше ничего не могли построить. Трибуны в верхней части будут увенчаны галереей со стеклянной крышей. Отсюда открывается великолепный вид на залив; вдали виден Кронштадт.

Вечером — в театре оперы и балета им. С. М. Кирова. Изящный зал, белый с золотым орнаментом и канделябрами и с обивкой кресел синего цвета. Идет опера «Руслан и Людмила».

По дороге в Ленинград. Прибытие

По окончании балета «Медный всадник», находясь еще под свежим впечатлением образа юноши, впавшего в безумие у подножия памятника Петра Великого в Петербурге, мы очень скоро оказываемся на Ленинградском вокзале Москвы в поезде-стреле, который должен нас доставить в подлинный Ленинград.

После нескольких часов сна просыпаемся на рассвете, охваченные нетерпением. С неослабевающим вниманием любимся из окна вагона прелестными видами сосновых и березовых лесов. Мелькают деревни с добротной построенными деревянными домами, прекрасно возделанные поля с различными культурами.

По мере того как гигантский локомотив приближает нас к Ленинграду, живописные пейзажи перемежаются все чаще с промышленными предприятиями. Гигантские силуэты заводов и фабрик указывают месторасположение многочисленных промышленных центров. А густые клубы дыма заводских труб, поднимающиеся со всех сторон, свидетельствуют о кипучей их деятельности.

Но вот среди лесного массива начинают появляться все в большем числе комфортабельные дома и дачи, расположенные на тенистых полянах, окаймленных вековыми соснами.

Все это непрерывной чередой возникает у нас перед глазами и уносится назад со скоростью мчащего нас поезда. Когда же мы, удивленные таким количеством дач, попросили объяснений, нам сказали, что дачи тянутся до самых окраин Ленинграда. Они расположены на участках, которые советское государство за самую незначительную плату отводит трудящимся. Им предоставляется также льготный кредит на постройку дома, где они могли бы проводить свой отпуск и выходные дни. Трудящиеся являются единоличными владельцами этих домов, вид которых говорит о стремлении их хозяев сочетать в строительстве полезное с красивым. Мы почувствовали, как приятно было бы провести здесь один-два свободных дня, а то и весь свой отпуск!

Таково еще одно достижение советского государства, свидетельствующее о заботе, которой окружены здесь люди труда.

Снова заводы и опять дачи...

Труд и вознаграждение — вот наглядная суть раз-
вертывающейся перед нами картины. Ведь эти семей-
ные очаги, такие уютные и привлекательные, служат
убежищем не для трутней общества, которые пресыти-
лись удовольствиями богатой и праздной жизни и не-
способны оценить часы живительного восстановления
физических и душевных сил. Дачи эти принадлежат
трудящимся, которые приезжают сюда прямо с фабрик
и строек, из контор и лабораторий и счастливы осве-
жить свою душу радостями заслуженного отдыха.

Поезд продолжает свой головокружительный бег.
К полудню мы уже оказываемся среди гула обширных
промышленных окраин Ленинграда с их бесчисленными
фабриками и заводами, носящими еще кое-где следы
ран, нанесенных жестокой осадой, длившейся свыше де-
сятисот дней.

Виднеющиеся там и сям развалины и глубокие во-
ронки говорят о громадной разрушительной силе за-
хватчика, об огромном количестве бомб и снарядов,
падавших непрерывно, день и ночь, в черте города.

Однако эти же развалины дают представление и о
мужестве защитников Ленинграда, этих легендарных ге-
роев, которые не только оказались способными выдер-
жать такую продолжительную осаду, но и сами отвечали
сокрушительными ударами на удары врага; ведя жесто-
кие бои на суше, на воде и в воздухе, они в конце кон-
цов взломали это кольцо из стали и огня и обратили в
бегство врага, который уже не смог оправиться от это-
го страшного удара.

Это не только хороший урок вчерашним захватчи-
кам, но и грозное предупреждение для всех, лелеющих
мечту о новых захватнических войнах.

Славную страницу вписали защитники Ленинграда
в историю страны Советов и всего человечества, страни-
цу, повествующую о любви к свободе, о силе, рождае-
мой высоким советским патриотизмом, страницу, полную
вдохновляющих примеров для всех народов мира.

Героизм и стойкость жителей Ленинграда свидетел-
ствуют также о том, что они оказались достойными по-
томками бесстрашных творцов Великой Октябрьской
революции. Стойкость эта, беспримерная в истории,
находит себе ныне, на наших глазах, выражение в ог-
ромной восстановительной работе, в мирном созида-

тельном труде. Ибо на многочисленных стройках, на восстановленных, а в особенности на вновь построенных фабриках и заводах производительность труда прямо-таки изумительна. Все это опять-таки может служить поучительным примером для других народов, также пострадавших от разрушений, произведенных захватчиками.

С такими мыслями и чувствами въезжаем мы в центр Ленинграда. Путь через город, от вокзала до гостеприимно отведенного нам дома на краю большого парка, приводит нас в восхищение. Потому что, как бы ни были точны знакомые нам описания и снимки этого города, то, что мы видим, превосходит все ожидания.

Любуемся широкими и идеально распланированными бульварами, монументальными зданиями и церквами, водами Невы, чарующей своими набережными и бесчисленными мостами. Это напоминает Венецию, прелестную жемчужину Адриатики. Однако Ленинград с его пленительной Невой и Финским заливом свидетельствует о еще более блестящей победе человека над природой, о победе таких масштабов, какой не может похвалиться ни одна из стран мира.

Ленинград вблизи

Краткая стенограмма моей дочери Мии о всем виденном в течение дня содержит лишь перечень зданий, памятников и исторических мест; к этому я должен добавить, что все эти объекты окружены множеством оживленных, дружелюбно настроенных людей с жизнерадостными, ничем не омраченными лицами, пышущими здоровьем; люди эти привлекают и располагают к себе с первого взгляда. В этом грандиозном муравейнике каждый знает, что ему нужно делать, — вот первое впечатление от соприкосновения с ленинградцами.

Населением города руководят люди (с некоторыми из них я познакомился уже в момент прибытия в Ленинград), которые как бы олицетворяют эту бодрость и творческую энергию, неся в себе частицу жизнерадостности, любви к труду и героизма, свойственных ленинградцам.

Они являются руководителями; на теле их следы ран, полученных при обороне своего города, а на груди

боевые награды либо награды за мирный труд; в их ясных глазах отражается любовь к труду и к людям.

Первый секретарь городского комитета партии, председатель и депутаты Ленинградского горсовета — вот люди, с которыми мы близко познакомились за время нашего пребывания здесь, проводя с ними целые часы; некоторые сопровождали нас в наших поездках по городу и окрестностям. Мы навсегда сохраним воспоминание об этих людях, которые помогли нам многое понять на примере этого крупного центра страны и вынести немало поучительного; они предоставили в наше распоряжение большой материал, который позволил нам в дальнейшем лучше разобраться во всем виденном. Они же проводили нас в предоставленный в наше распоряжение дом, приветливо и гостеприимно ожидавший нас среди прекрасного сада, с террасой, поддерживаемой колоннами, с большой и светлой ротондой и комнатами, сверкающими чистотой.

Быстро приводим себя в порядок и, не теряя времени, вновь отправляемся в город, радуясь ясному осеннему дню. Проходим по мостам под лучами яркого солнца, отражающегося в многоводной реке, впадающей в море у самого города.

То и дело задерживаемся у памятников, исторических зданий, заходим в музеи, бегом отмечая все в своих дорожных заметках. Говорю «бегом», ибо то, что мы видим, дает такой обильный материал, что нас все время огорчает мысль о недостатке времени для более основательного осмотра. И все же виденное нами глубоко запечатлелось в наших умах и сердцах.

Входим в небольшой деревянный дом — самый первый из построенных в этом городе. Здесь жил когда-то Петр Великий. Перед нами его рабочий стол, токарный станок, верстак; осматриваем инструменты этого великого царя-строителя.

Вслед за тем попадаем в низкие сводчатые одиночные камеры Петропавловской крепости. Кажется, будто в этих стенах, покрытых вековой плесенью, все еще слышатся вздохи тех, кого истязали здесь на протяжении столетий. Здесь страдало и томилось в кандалах великое множество мучеников русского народа, предтеч и творцов русской революции. В старом соборе Петропавловской крепости, расположенном в непосредствен-

ной близости с застенком, стоя среди царских гробниц, сооруженных самыми искусными мастерами из мрамора и драгоценных металлов, мы невольно задались вопросом: как могли лежать спокойно эти цари и царицы под сводами своих склепов, находясь в соседстве с мрачными камерами, из которых днем и ночью доносился к ним звон тяжелых кандалов и крики страдания жертв их жестокости?

Проходим через площади, не раз орошенные кровью восставшего народа, мимо «Медного всадника», символически изображающего великого Петра, и наконец попадаем в монументальнейшее сооружение — Исаакиевский собор с его величественными сводами, с алтарями и колоннами исполинских размеров из цельных кусков благородного мрамора. По бесконечным ступеням поднимаемся на огромную высоту. С окружающей купол балюстрады открывается вид на город. Созерцаем грандиозную панораму, задерживая взгляд на отдельных зданиях и памятниках, свидетелях истории великого народа. Впечатления стремительно сменяются, оставляя в душе неизгладимый след.

Закончив беглый осмотр центральной части города, к вечеру направляемся на берег Финского залива, к песчаному устью Невы, на Стадион имени Кирова — громадное и дерзкое по замыслу сооружение на песчаном прунте. И на этой стройке чувствуется рука советского человека. Это он, отбрасывая старые предрассудки, напрягая мысль и мускулы в борьбе с природой, превратил силу ума и непреклонной воли эту песчаную Сахару в грандиозное спортивное сооружение, в храм физической культуры, где будет пульсировать жизнь молодых поколений, здоровых душой и телом.

Представляется, будто это титаническое усилие советских строителей вдохновлено все тем же великим Петром, побуждающим жителей Ленинграда не только следовать его примеру, но и далеко превзойти его. Ибо если Петр Великий строил на болоте, то советский человек, покоряющий пески в устье Невы, не только продолжает его исполинское дело, но идет значительно дальше, используя великие достижения передовой науки и техники. Счастлива эта земля, находившая прежде и находящая ныне таких хозяев! Все это кажется сказкой не менее волшебной, чем та, в мир которой мы пе-

ренеслись вечером, любуясь оперой «Руслан и Людмила». Но мы находимся в стране, где вчерашние сказки сегодня становятся явью. Разве освобождение человека от слепого подчинения силам природы и от ига безжалостной эксплуатации, длившейся веками, разве уничтожение нищеты трудящихся масс, отсталости и невежества — разве все это не казалось когда-то несбыточной мечтой? Те, кто побывал здесь, видят собственными глазами, что сила мысли и героический труд советского человека способны превращать в явь наши самые смелые мечты.

Все, что мы видели в дальнейшем на обширных пространствах, которые исколесили вдоль и поперек во время наших поездок по Кубанской степи с ее бесконечными лесозащитными полосами, вдоль Волго-Донского канала вплоть до Сталинграда, по побережью Черного моря и в самом сердце Кавказа, — все это делает понятным чувство глубокого уважения, каким проникается каждый здравомыслящий и беспристрастный гость этой страны к достижениям советского народа в его мирном созидательном труде.

Смольный

Продолжаем осматривать город. Чудесным солнечным утром направляемся прежде всего вдоль берега Невы, мимо Зимнего дворца — в Смольный. По обе стороны аллеи, ведущей к главному входу, — бюсты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В глубине аллеи — здание в стиле русского классицизма начала XIX века. Здание ремонтируется. Комнаты, в которых жил Ленин с середины ноября 1917 года по 10 марта 1918 года, поражают своей скромностью. Он занимал всего две комнаты; рабочий кабинет отделен от спальни тонкой деревянной перегородкой. На столике зеркала (позже оправленное в рамку), полученное Крупской в подарок от одного солдата, который, заметив, что у нее нет зеркала, подарил ей свое карманное. Продолжаем осмотр Смольного (здание, служившее некогда для аристократического пансиона «благородных девиц», стало в 1917 году организационным и военным центром револю-

ции); зал (когда-то актовъй зал), в котором Ленин 25 октября 1917 года, делая доклад о задачах власти Советов, объявил, что социалистическая революция совершилась и начинается новая полоса в истории России. Вечером того же дня в Смольном открылся 2-й Всероссийский съезд Советов, на который прибыл Ленин, а в час ночи были прочитаны первые декреты советской власти — декрет о мире и декрет о земле. В 2 часа 30 минут в ночь с 26 на 27 октября было сформировано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем первого Совнаркома был избран Ленин. В 5 часов утра съезд закончил свою работу. «Так открылась новая эра, так совершилась социалистическая революция!» — этими словами закончил свои объяснения сопровождавший нас Иван Васильев, бывший в дни революции солдатом-пехотинцем и участвовавший во всех этих событиях.

Наши взоры останавливаются на величественных колоннах, украшающих фасад Смольного — бывшего «Смольного института», — в стенах которого развернулись незабываемые события в дни Великой Октябрьской революции 1917 года.

Мы испытываем волнение, какое присуще людям, прибывшим издалека и увидевшим собственными глазами место событий, сыгравших переломную, направляющую роль в жизни и сознании народов. По ассоциации мысль переносится в эти минуты к последователям Конфуция, Будды, к сынам народа Моисеева, к христианам, совершающим паломничество ко гробу господню, или к магометанам, достигшим Мекки...

Однако есть тут и коренное различие.

Различие это заключается в том, что задачи революционеров Смольного строго ограничивались вопросами земной жизни, то есть вопросами действительного счастья людей, в то время как Конфуция, Будду, Моисея, Христа, Магомета, Кальвина, Лютера, а также всех других, менее известных проповедников в первую очередь занимали вопросы «потусторонней» жизни. И даже когда они или их последователи вмешивались в дела земные, они обычно более или менее открыто станови-

лись на защиту существующего политического или экономического порядка и стремились своей проповедью направить мысль невежественного и угнетенного народа на путь усовершенствования духа и на поиски награды в «ином» мире.

А те немногие из этих проповедников, кто находил в себе мужество взглянуть в лицо реальной действительности и пытался открыть глаза людям на противоречия общественной жизни, обличая социальную несправедливость, быстро становились жертвой господствующих классов, в руках которых была сосредоточена вся власть.

Все помыслы и усилия революционеров Смольного и их последователей и прежде и теперь целиком направлены на создание условий, которые бы наиболее благоприятствовали непрестанному повышению материального и культурного уровня трудящихся масс, а отнюдь не на вопросы, связанные с «загробной жизнью».

После всего сказанного читателю понятнее станет эпическая глубина скупых слов летописца-современника, роль которого в данном случае играл ветеран революции, пехотинец Иван Васильев. С революционным жаром, еще не потухшим в его глазах, с убежденностью человека, присутствовавшего при «зарождении» великой эпохи, он сказал: «Так открылась новая эра, так совершилась социалистическая революция!» С этими словами Иван Васильев крепко пожал нам руки на прощанье.

В заметках, приведенных в начале этой главы, кратко упомянуто лишь самое главное из того, что имело место в Смольном осенью 1917 года. В эти дни, в необычайно короткий срок, завершились действия и были приняты решения, предопределившие не только судьбы народов этой громадной страны и народов, живущих в соседстве с нею, но, несомненно, и судьбы всего человечества.

Только теперь, глядя сквозь призму четырех десятилетий, зная ход развития последовавших международных событий, мы начинаем по-настоящему понимать все значение Смольного.

Во время осмотра Смольного нас ни на минуту не оставляла мысль, что все здесь происходившее отозвалось эхом и в нашей стране. Прослеживая ход исторических событий, начало которым положено революцио-

нерами в Смольном, мы видим, что те же революционные идеи охватили и наш народ, заставив его решительно вступить на путь обновления.

Поэтому-то при виде всего, что нам показывают в этом историческом дворце, нас ни на минуту не оставляет мысль о нашей родине. Это и отличает нас как от фанатически настроенных паломников храмов и святых мест, так и от туристов, увлекаемых простым любопытством.

Со времени событий Великой Октябрьской революции прошли десятилетия, но то, что достигнуто за эти десятилетия, заставляет видеть в Смольном не музей, не исторический памятник, а неиссякаемый источник вдохновения для все большего числа народов, где они черпают силы для продолжения борьбы за свое освобождение.

С волнением входим в комнату Ленина.

В наших путевых заметках говорится о двух комнатах. Но фактически в этом большом здании Ленин занимал лишь одну и притом очень скромную комнату, разделенную надвое простой перегородкой, не доходящей до потолка, которая отделяла «кабинет» с несколькими стульями и пишущей машинкой, за которой он сидел сам в эти тревожные дни, от «спальни» с двумя походными кроватями, шкафом, столиком и зеркальцем на нем, подаренным одним из солдат жене Ленина Крупской. И больше ничего нет в этом жилище Ленина. Это говорит не только о скромности великого вождя революции, но и о несокрушимой энергии этого человека, умевшего работать в любых условиях, начиная от тюрем и ссылки, где ему пришлось столько вытерпеть, и до шалаша в Разливе, где он скрывался от своих преследователей и откуда прибыл в решительный момент.

Простота этой комнаты делает еще более живым и близким образ великого гения социалистической революции.

Эрмитаж

Возвращаемся на берег Невы и осматриваем Эрмитаж. В стенах этого дворца хранятся бесценные сокровища искусства. Начинаем с собрания картин Эрмитажа. Время не позволяет нам задерживаться подолгу на одном месте, хотя на

каждом шагу привлекает то ценнейшее полотно, то какой-либо другой предмет искусства, перед которым можно было бы стоять часами. Приходится ограничиться беглым осмотром зал Эрмитажа. Все же в памяти глубоко запечатлелись некоторые из работ таких мастеров, как фра Филиппо Липпи, Пьетро Перуджино, Леонардо да Винчи («Мадонна Литта» и «Мадонна Бенуа»), Рафаэль, Микеланджело, Бенвенуто Челлини, Тициан, Веласкес, Эль Греко, Мурильо, Рембрандт, Рубенс, Ван-Дейк. Переходим к полотнам французской школы, которую представляют Луи Лёвен, Никола́ Пуссен, Клод Лоррен, Франсуа Жирардон; далее — мастера германской школы — Ганс Гольбейн и много, много других. Остановившись перед одним из окон, мы видим площадь — свидетельницу событий 9 января 1905 года. В этот день свыше ста сорока тысяч рабочих и членов их семей — мужчины, женщины, дети, старики — направились к Зимнему дворцу; чтобы подать царю Николаю II петицию о своих нуждах; царь встретил их самым подлым образом, приказав открыть огонь по безоружным людям. В это «кровавое воскресенье» площадь была залита кровью рабочих.

Продолжаем осмотр Эрмитажа. Проходим мимо драгоценных гобеленов (например, один из них выткан узором 14 тысяч различных оттенков и имеет на площади в один квадратный метр миллион петель), мимо статуи Вольтера, исполненной Гудоном по заказу Екатерины II, видим люстру из слоновой кости работы Петра Великого. Останавливаемся перед редчайшим изданием — первым французским энциклопедическим словарем, изданным Дидро и Д'Аламбером. Затем попадаем в Малахитовый зал, откуда открывается прелестный вид на гранитную набережную Невы. 25 октября 1917 года в этом зале укрылись министры временного правительства Керенского и пытались бежать отсюда после залпов «Авроры», но были арестованы революционными рабочими, солдатами и матросами. В зале Ломоносова — замечательное собрание мозаик. В одном из простор-

ных залов выставлены реликвии времен Петра Великого: знамена, трофеи, картины с изображением различных сражений. На стене в глубине Георгиевского зала выполненная из уральских самоцветов мозаичная карта Советского Союза. Она составлена из 45 тысяч кусочков камня и символизирует братский труд советских народов. Среди других сокровищ — серебряная ваза скифской эпохи, относящаяся к 400 году до нашей эры, золотые изделия IV века до нашей эры, статуя богини Афины римской работы по греческому оригиналу мастеров круга Фидия, скифские украшения, предметы ювелирного искусства самых различных эпох, слоновая кость, жемчуга, нумизматическая коллекция неизмеримой ценности.

И на это святилище искусства фашисты сбросили во время войны не менее 32 бомб!

Законы исторического развития непреложны. За последние столетия дворцы императоров и королей один за другим становятся общественным достоянием, а на содержащиеся в их стенах богатства накладывается печать музейной старины. Сами эти надменные властители в их пурпурных мантиях стали историческим воспоминанием. И если бы они в свое время были мумифицированы на манер египетских фараонов, то, вероятно, демонстрировались бы сегодня в этих музеях наряду с прочими диковинами старины.

Дворцы русских царей, наглухо закрытые для народа, безропотно покорявшегося когда-то «божественной власти» своих правителей, ныне широко распахнули двери. В залы этих дворцов-музеев устремились трудящиеся, жаждущие овладеть культурой и узнать прошлое своей родины.

В этом отношении осматриваемый нами дворец со всем, что его окружает, дает немало поучительного.

Площадь перед ним была залита кровью доверчивого народа, завлеченного в ловушку полем-провокатором Гапоном; это свидетельствует о том, что все эти императорские дворцы и несметные богатства, собранные в них, не так-то легко перешли в руки народа.

Все отвоеванное народом на протяжении столетий добывалось в тяжелой борьбе, ценой нескончаемых стра-

даний и жертв, в смертельной схватке с безжалостной тиранией императоров и с режимом народного угнетения, живым олицетворением которого они являлись.

Законы истории готовят всем королевским дворцам ту же неизбежную участь.

Нам, гражданам Румынской Народной Республики, не приходится далеко ходить за примерами. Есть и в нашей стране роскошно обставленные дворцы, созданные тяжким народным трудом и принадлежавшие королям, но тоже обращенные теперь в собственность народа — в музеи, обогащающиеся изо дня в день творениями нашего национального гения.

Различие между Третьяковской галереей Москвы и ленинградским Эрмитажем заключается в том, что в первой представлено изобразительное искусство русских мастеров от самых отдаленных времен и до наших дней, тогда как в Эрмитаже собраны творения искусства многих стран и народов на протяжении нескольких тысячелетий.

Надо отдать справедливость Эрмитажу: в отличие от многих западноевропейских музеев, обогащавшихся за счет ограбления других народов во время захватнических войн, все иностранные шедевры Эрмитажа были приобретены законным путем.

Заметки, приведенные в начале этой главы, лишь бегло упоминают о ряде блестящих мастеров изобразительного искусства, представленных в Эрмитаже. Этот музей непрерывно пополняется, что доказывает большую заботу о нем советского государства. Своими размерами и богатством экспонатов он превосходит едва ли не все музеи, в которых я побывал на Западе.

Нет ничего удивительного, что эта сокровищница привлекает огромные массы посетителей со всех концов необъятной страны Советов, а также, как мне довелось видеть, и из многих других стран. Этот непрерывный поток посетителей производит глубокое впечатление. Рабочие, крестьяне, люди умственного труда большими группами следуют по залам музея, где все до мелочей организовано с удивительным умением и заботливостью.

Экскурсоводы неутомимо и очень подробно дают пояснения группам посетителей, останавливаясь у всех наиболее значительных произведений. В глазах экскурсоводов читаешь удовлетворение от сознания, что они

помогают делу воспитания и повышения культурного уровня масс. Они являются частью той армии пропагандистов культуры, прогресса и достижений во всех отраслях жизненной деятельности, которых мы встречали на каждом шагу при наших посещениях колхозов, заводов, культурных учреждений и пр.

Нельзя не любоваться усердием, с каким они стараются все разъяснить. Уезжая, остаешься под глубоким впечатлением, что в этой стране все подчинено принципу служения трудящимся, что каждый работает на своем посту со всей энергией и с необыкновенным подъемом на благо своего народа, чувствуя свою неразрывную с ним связь.

Тех, кому знакома могильная тишина музеев на Западе, посещаемых лишь скучающими «туристами» из привилегированных классов, поражает эта бьющая ключом жизнь в музейных залах Советского Союза, широко раскрытых для народа. Радостно видеть этот поток людей, стремящихся обогатить себя самыми разнообразными знаниями и глубоко переживающих все, что они видят.

Эта характерная черта советского человека — стремление обогатиться духовно — диаметрально противоположна жажде к обогащению материальному, погоне за миллиардами тех внутренне опустошенных людей на Западе, которые, накапливая огромные состояния, способны только прожигать свою жизнь.

Здесь, в залах Эрмитажа, глядя на поток людей, увлеченных чувством прекрасного, понимаешь особенно ясно, почему потерпели крах все усилия фашистов уничтожить эти несравненные богатства, создававшиеся веками: они разбились о мужественную грудь защитников, отстоявших ценою огромных жертв бесценные сокровища своей родины.

И этим еще более одухотворяется та любовь, которую питают советские люди к памятникам исторического прошлого своей страны и сокровищам мирового искусства.

Петродворец

Направляясь в Петродворец — резиденцию Петра Великого, — следуем через площадь, носящую имя одного из выдающихся борцов коммунистической партии — С. М. Кирова, убитого в Ленинграде в 1934 году членом одной из подпольных контрреволюционных групп, организованных антисоветской троцкистско-зиновьевской группировкой. За городом, вдоль шоссе, много могил героев, павших при обороне Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Их могилы не заброшены. По воскресеньям, в дни отдыха, ленинградцы — мужчины и женщины — приносят сюда живые цветы в знак признательности тем, кто отдал свою жизнь, защищая их свободу.

Приближаемся к Петродворцу. Все чаще встречаются вокруг следы войны, следы варварства фашистских захватчиков; в те дни в одном только этом районе было уничтожено десять музеев. Дворец, полностью разрушенный, ныне восстанавливается. Вокруг него прекрасные парки с множеством фонтанов необычайной красоты. Каскад со стороны дворца, обращенной к Финскому заливу, «Самсон, разрывающий пасть льва», является аллегорическим памятником Полтавской победы. Каскад этот соединен каналом с Финским заливом. Проходим мимо фонтана, имеющего форму пшеничного снопа, и другого — в форме солнца, мимо римских фонтанов и пр. Пересекаем этот чудесный парк, в котором в настоящее время заботливо залечиваются «раны» на старых деревьях; пострадавших во время войны. 16 тысяч

деревьев было здесь сожжено фашистами. Эти варвары намеревались уничтожить весь парк без остатка. Короткий отдых в уголке, называемом Монплеизир; отсюда открывается чудесный вид на Финский залив.

Сооружение Петродворца с его парками и произведениями искусства явилось завершением дерзкого замысла Петра Великого, основателя Петербурга.

Когда вспоминаешь об огромной преобразовательной деятельности Петра, прощаешь ему и то, что он был русский царь, и те неизбежные жестокости, к которым ему приходилось прибегать в борьбе с отсталым боярством, пытавшимся противиться его замыслам.

То же можно сказать и по поводу воздвигнутого им города. Каждый камень, положенный в его основание, мог бы рассказать страшную повесть о мучениях тех, кто, обливаясь потом, работал на этой грандиозной стройке. Но этой ценой была куплена крупная победа над силами природы. Все, чего достиг Петр, отважный человек с железной волей, позволяет высоко оценить деятельность этого царя-новатора. Народ с его чувством реального давно уже вынес свой приговор призванному на суд истории Петру I, присвоив ему звание «Великий». Приговор этот не подлежит пересмотру и останется в силе на вечные времена.

И вполне естественно, что Петр Великий, несмотря на то, что он был царем и деспотом, пользуется уважением советского народа, взявшего на себя титанический труд построения коммунизма.

Такие мысли владеют нами при посещении Петродворца и на обратном пути. Начинаем все лучше понимать страну Советов и находить ответ на вопросы, непрестанно возникающие при виде ее грандиозных достижений, вызывающих столько противоречивых суждений у людей западного мира. Советская действительность в ее наглядной убедительности помогла бы им отбросить все сомнения и преодолеть предвзятость.

И вот вывод, к которому мы пришли: у русского народа не порвалась связь с Петром. Ныне, в эпоху грандиозного строительства, образ этого человека близок сердцу советских людей, и они свято хранят память о великом строителе и его делах; впрочем, ведь и сам этот

царь-труженик, искусно работавший на токарном станке и охотно бравший в руки плотницкий топор, близко подошел к быту трудового народа.

Военно-морской музей

Вернувшись в Ленинград, осматриваем Военно-морской музей, отображающий историю русского флота и историю мореплавания. Здесь в моделях представлено все, начиная с деревянной лодки древних времен и кончая крупными крейсерами, славные имена которых вошли в историю русского народа (крейсер «Варяг», крейсер «Потемкин», на борту которого в 1905 году вспыхнуло восстание моряков Черноморского флота). Полотна Верещагина и Айвазовского с изображением морских сражений, портреты знаменитых мореплавателей, флотоводцев и т. д.

Тень великого Петра, витавшая над нами в Петродворце, сопутствует нам и в этом музее, организованном с той же добросовестностью и знанием дела, как и другие виденные нами музеи Советского Союза. Все тот же неутомимый царь явился и основателем славного русского военного флота.

Всем известно, с какой настойчивостью и пылом Петр Великий еще в дни своей юности приобретал на верфях Голландии первые познания в деле кораблестроения, работая там в качестве простого плотника бок о бок с другими рабочими.

Начало, положенное Петром, позволило России создать на протяжении своей истории мощный морской флот. История его развития наглядно представлена в данном музее, покидая который после внимательного осмотра, мы выносим убеждение, что нынешние продолжатели дела Петра Великого, строители гигантских морских судов, далеко превзошли в смелости и энергии своего знаменитого предка, не имеющего равных в ряду императоров.

Город Пушкин

Утром направляемся в город Пушкин (бывшее Царское Село), расположенный в нескольких километрах от Ленинграда. Проспект Сталина, ведущий к выезду из Ленинграда, застроен большими домами современной архитектуры, которые тянутся до самых окраин и отлично гармонируют с величественным обликом старого города. На краю города два обелиска отмечают въезд в Ленинград.

Проезжаем места, где во время блокады Ленинграда велись героические бои.

В Пушкине в первую очередь осматриваем музей памяти великого поэта. Документы, фотографии, рукописи, книги, картины, личные вещи — все говорит о короткой, но необыкновенно плодотворной жизни великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. Музей был переведен сюда из Эрмитажа в 1949 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения Пушкина. Особое внимание, уделяемое этому музею, свидетельствует о любви и уважении, какими пользуется у русского народа великий поэт.

Направляясь к зданию лицея, где учился Пушкин, проходим через парк, полный глубокой тишины. Здесь прекрасный памятник с изображением поэта, задумчиво сидящего на скамье.

В здании лицея осматриваем зал, в котором в 1815 году Пушкин прочел на экзамене перед престарелым поэтом Державиным одно из своих первых патриотических стихотворений «Воспоминания в Царском Селе», взволновав всех при-

существовавших, а особенно старика Державина. Репин увековечил этот момент на одной из своих знаменитых картин.

Невдалеке — Екатерининский дворец, монументальная постройка в стиле русского барокко, воздвигнутая посреди огромного парка. В дни войны дворец был почти полностью опустошен фашистскими варварами. Только из нескольких залов удалось спасти кое-какие предметы искусства. Осматриваем небольшую выставку исторической живописи (среди других — картина Гине, написанная в 1772 году: Екатерина II возлагает боевые трофеи, взятые в бою с турками, на гробницу Петра Великого) и выставку фарфора.

Короткий отдых на террасе, расположенной перед зданием выставки, на краю аллеи, проходящей перед дворцом, с видом на озеро.

Оставив позади обелиски, отмечающие въезд в Ленинград, машина уносит нас дальше. Снова перед нами зрелище разрушительной и жестокой войны, бесконечные развалины и огромные воронки — следы непрерывных бомбежек, — подобные ранам, трудно поддающимся лечению.

Несмотря на все старания советских патриотов, труд которых по восстановлению разрушенного виден и здесь, им еще не удалось до конца изгладить эти печальные следы.

Разрушения эти заставляют содрогаться зарубежных гостей, которых мы повсюду встречаем в этой стране. Эти разрушения напоминают об ужасах войны, направленной преступной рукой бездушных людей, охваченных ненасытной жадной грабежа, людей, пребывающих еще и сегодня в дурмане от пролитой крови, — а это значит, что недавние трагические события ничему их не научили.

Вместе с тем эти следы побуждают всех не лишенных совести людей стать в ряды защитников мира и настойчиво бороться за то, чтобы навсегда положить конец подобным опустошениям.

Дождь атомных бомб, которыми угрожают поджигатели войны, бактериологическое оружие, истерические вопли преступников, жаждущих войны и боящихся

упустить из рук лакомую добычу в странах, ими покоренных и эксплуатируемых, — все это должно послужить грозным предупреждением для человечества. Мир должен быть защищен!

Мой старый приятель, профессор и известный минералог, показывая мне однажды в микроскоп в своей лаборатории в Клуже краски и красоты, скрытые в простом придорожном камне, сказал полушутя:

— И камень имеет душу, и если его ударить, он чувствует боль.

Подумав над этим, я ему ответил:

— Ты, очевидно, имеешь в виду живущих среди нас совершенно бездушных людей?

— Ну, эти люди не камни, — усмехнулся профессор, — а просто бесчувственные глыбы!

Человечеству, стремящемуся к миру, народам, настойчиво прокладывающим путь к более счастливой жизни, становится все яснее, что эти глыбы, то и дело преграждающие им дорогу, должны быть устранены без всякого промедления...

Наши машины несутся вперед, приближаясь к Пушкину, но грусть, навеянная картинами опустошений, совершенных фашистскими агрессорами, нас не покидает.

В одном из американских журналов было напечатано, что недавно граждане имели случай «развлечься», любуясь при посредстве телевизионного аппарата зрелищем взрыва атомной бомбы в Неваде; в Нью-Йорке была исполнена «атомная увертюра», которая, по словам некоторых компетентных критиков, «открывает эру атомной музыки»; в штате Массачусетс имело место «моторизованное богослужение», во время которого прихожане прослушали, стоя в своих автомашинах, проповедь на тему о божественной роли атомной бомбы...

Зло глубоко укоренилось в душах этих людей, обожествляющих войну. Тем более священной становится наша обязанность бороться против этого зла, разоблачать врагов человечества.

...Но вот мы в городе Пушкине.

В восстановленном после войны дворце бывшего Царского Села, носящего теперь имя поэта, осматриваем музей Пушкина, организованный с большой любовью советскими людьми. Проходим по залам, по аллеям, где

Пушкин, этот метеор поэзии, провел свое отрочество и первые годы юности. Душа освобождается от мыслей, навеянных в дороге, мыслей, неизбежных для каждого человека, озабоченного будущим человечества, и, оторвавшись от следов разрушения, от этих еще кровоточащих ран, жадно вбирает в себя все, что открывается ей в этих местах, священных для каждого русского и в той же мере ценных для истории мировой литературы и культуры человечества.

Рукописи, книги Пушкина, крупные и мелкие предметы, служившие ему при жизни — столь короткой и вместе с тем столь плодотворной, — расположены гармонично, в хронологическом порядке. Все это дает возможность каждому посетителю познакомиться с жизнью и творчеством этого необычайно одаренного человека, бросить взгляд в самую их глубину: нам становится еще понятнее любовь Пушкина к народу и его патриотизм — эти неиссякаемые источники вдохновения, которым проникнуты его гениальные труды.

Здесь собрано все, что напоминает о Пушкине и связано с его именем. Его жизнь и бессмертные произведения оживают перед нашим взором, призывая душу и ум к познанию красоты.

Пушкин, один из самых мощных человеческих светочей, простирает лучи своего гения в самые отдаленные уголки, рассеивает тьму в душах и умах людских, побуждает новые поколения писателей и мыслителей отдать все силы делу построения нового мира, мира без войн, без угнетения народов, того мира, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», как писал он в одном из стихотворений.

Однако город Пушкин является историческим памятником и с другой точки зрения: на протяжении столетий он служил местом отдыха и развлечений царей и их придворных.

Здесь находится монументальное здание, воздвигнутое царицей Екатериной, — грандиозный дворец, который, даже будучи превращен в развалины во время гитлеровского нашествия, своей неподражаемой архитектурой, внутренним оформлением и своими чудесными парками свидетельствует на вечные времена о том блеске и роскоши, которыми окружали себя деспоты старой России. В тот жестокий век в стране бесправия

великий Пушкин, как он сам об этом говорит, «восславил свободу и милость к падшим призывал».

Вот почему советский человек, оказавшись возле всех этих памятников, уносится мыслью к своему гениальному поэту, лирическое и драматическое творчество которого, возносясь высоко над историческими дворцами и красотами природы, вечно будет владеть умом и сердцем человеческим, захватывая их своим вдохновением, полным благородства и фантазии.

На обратном пути в Ленинград у нас в душе, очарованной всем виденным в городе Пушкине, уже не оставалось места для грусти, которой мы были охвачены, проезжая впервые по этим местам, испытавшим все ужасы войны.

Дворец пионеров

Возвращаясь из города Пушкина в Ленинград, мы вновь проезжаем места, хранящие следы опустошительной войны, с их развалинами, свидетельствующими о варварстве гитлеровцев. В душах наших, еще полных очарования, навеянного пребыванием в Пушкине, опять воскресают тяжелые воспоминания, но от них нам помогает избавиться прекрасный солнечный день с его чарующими осенними красками.

У въезда в Ленинград на фоне синего неба высятся два обелиска, как бы стоящие на страже этого города-героя.

Далее перед нами широко разворачивается новый городской квартал, отстроенный уже после Великой Отечественной войны, — свидетельство неутомимости советского человека, возрождающего жизнь на руинах.

Широкий проспект Сталина ведет к центру города. По обе его стороны тянутся ряды многоэтажных современных зданий, достойных служить образцом новой советской архитектуры. Они прекрасно гармонируют с постройками в классическом стиле старого города.

На Невском проспекте останавливаемся перед дворцом с классическим фасадом. К нему примыкает сад. Это монументальное здание (в прошлом Аничков дворец) — Ленинградский дворец пионеров имени А. А. Жданова.

Нам давно уже хотелось побывать в одном из центров пионерской организации. На улицах Ленинграда мы то и дело встречали смуглых и здоровых подростков в белых рубашках и красных галстуках, таких подтянутых и бойких, с открытым и спокойным взглядом, в котором читаешь живую мысль и готовность оказать ус-

лугу. Так выглядят пионеры постарше. Маленькие видят в них образец и во всем стараются им подражать.

Во Дворец пионеров мы приехали без предупреждения. В вестибюле нам встретилась группа пионеров и пионерок, которые тут же предложили проводить нас к директору. Здесь нас ознакомили вкратце с историей и задачами этого учреждения.

Пионерское движение возникло в 1922 году и играет немалую роль в воспитании советских детей. Его цель — направлять детей ко всему хорошему и красивому, пробуждать в них интерес к науке, искусству, технике, тайнам природы, помогать их физическому и нравственному развитию. Члены пионерского коллектива много времени проводят на свежем воздухе, выезжают лагерем на лоно природы. Это закаляет здоровье, развивает в ребенке смелость, находчивость при преодолении трудностей, укрепляет любовь к жизни.

Осматривая Дворец пионеров, мы увидели, как богато он оснащен самыми разнообразными средствами, способствующими всестороннему развитию ребенка, расширению его кругозора, поощрению личной инициативы. Широта постановки дела вполне отвечает почетной задаче воспитания советских детей.

Здесь постоянно ведут работу кружки литературы, физики, химии, естествознания, астрономии, математики, механики, географии, музыки, балета и т. д. Свыше шестнадцати тысяч ленинградских пионеров состоят членами этих кружков и регулярно занимаются в них.

Ежедневно дворец посещает более полутора тысяч детей. Они проводят здесь часы, свободные от школьных уроков, совмещая игры и пение с занятиями в кружках.

Мы с интересом наблюдали, как сосредоточенны и серьезны лица детей за работой и каким искренним и здоровым весельем сменяется эта серьезность в часы игр и развлечений.

До сих пор помню ту чуткую тишину, которая воцарилась в зале, когда руководитель астрономического кружка начал свою лекцию, сопровождаемую показом звездных миров. Зал этот специально оборудован под планетарий. Потолок имеет вид небесного свода и медленно вращается с помощью особого механизма. На темно-синем небе вспыхивают созвездия...

Устройство зала и его оборудование поражают своей оригинальностью и превосходят все, что даже я, человек много повидавший, мог себе представить. Астрономические явления демонстрируются так наглядно, что дети без труда их усваивают.

Я не мог побороть в себе чувство горечи, вспоминая, как мучительно напрягали мы свой детский мозг, силясь понять и охватить эти явления при старой системе преподавания, сохраняющейся во многих странах и поныне.

Переходим в другой зал, наполненный разнообразным механическим оборудованием. Здесь кипит работа. Множество ребят усердно мастерят что-то, каждый у своего рабочего места.

С умилением смотрим на юного токаря, деловито объясняющего нам устройство своего станка; другой маленький механик показывает сконструированный им аппарат, приводящий в движение вагонетку.

В зале литературного кружка запомнилось лицо пионера, прочитавшего нам отрывок из поэмы Пушкина. Это отнюдь не было механическое повторение заученного. Глядя на его сверкающие глаза, мы чувствовали, до какой степени красота стихов и их содержание владеют всем существом маленького чтеца.

Открываем еще одну дверь и попадаем в настоящий огород под крышей. Здесь юные агрономы выращивают всевозможные виды овощей. Гордые своими успехами, они наперебой показывают нам плоды своего труда и изобретательности.

А дальше — цветочное отделение, волшебный сад, пленяющий красотой и разнообразием своих красок и форм.

С неохотой расстаемся с этим миром маленьких мастеров и ученых. Выходим в вестибюль с величественными лестницами белого мрамора.

За открытыми дверями слышатся звуки аккордеона, детские голоса и смех. Привлеченные этими звуками, входим в зал, где множество пионеров и пионерок танцуют с необычайным воодушевлением.

По знаку сопровождавшего нас директора дети приостановили танцы и обратили к нам свои раскрасневшиеся личики со сверкающими глазенками. Это был чудесный живой цветник.

Когда им сказали, кто мы, из толпы вдруг появилась маленькая пионерка, смело подошла к нам и своим детским голоском произнесла приветствие, обращенное к председателю Совета министров Румынии — пост, который я в то время занимал.

Девочка говорила недолго, но так просто и трогательно, что впору было поучиться и иному взрослому. От имени товарищей она просит нас передать привет всем пионерам Румынии, сказать им, что пионеры Советского Союза любят их и помнят о них, что у всех у них одна общая задача — учиться, чтобы быть полезными своей родине.

Потом пионеры обступают нас со всех сторон. Сыплются самые разнообразные вопросы о детях нашей страны. Чувствуется, что советские пионеры действительно много знают о пионерах Румынии. На прощанье все они хором передают румынским товарищам свой «горячий и бодрый пионерский привет».

Во всем, что мы наблюдали в Ленинградском дворце пионеров, осмотрев все его залы, уголки и площадки, видна необычайная забота о детях. Воспитание ведется на высоком уровне, с учетом запросов и способностей каждого и с ясно поставленной целью — сделать жизнь детей возможно более счастливой и содержательной и как можно основательней подготовить их к самостоятельной жизни.

Здесь совершенно отсутствует знакомый нам по детским воспоминаниям бездушный метод принуждения, стереотипный, обезличенный подход к ребенку — все то, что давило и сковывало нас железным кольцом, мешая расти и развиваться. Мы учились всему понемногу и ничему в особенности и подчас не могли усвоить даже этого немногого. С первого класса гимназии и до окончания курса нам вбивали в головы, подчас не без физического воздействия указки, бесконечные формулировки, совершенно для нас непонятные, ибо подносились все это в абстрактной форме, в полнейшем отрыве от жизненной практики. Нам оставалось только прибегать к зубрежке, бесплодно утомлявшей наш мозг.

Одновременно с нами во дворец прибыли и другие группы гостей из-за рубежа. Мы заговорили с группой шведских рабочих, и они поделились с нами своими впечатлениями. Один из них, пожилой токарь, сказал:

«Смотрю на этих пионеров и с грустью вспоминаю собственное детство. Только теперь начинаю понимать, скольких радостей был я лишен, да и не только в детские годы... Зато как радостно на сердце, когда подумаешь, какие перспективы открываются для детей всего мира, при мысли, что, может быть, и мои внуки увидят эту светлую жизнь».

Да, иностранные гости никогда не забудут впечатления, произведенного на них заботой о детях, об их будущем, заботой, основанной на горячей любви к ним и на чувстве ответственности перед ними. Выражением этой заботы и являются пионерские организации. Сеть этих организаций, имеющих, как мы сами убедились, даже в маленьких деревушках, охватывает всю страну с северных границ до южных, с востока до запада.

Направляя развитие детей с самого раннего возраста с учетом запросов и способностей каждого, пионерские организации помогают формированию их талантов и выработке характера.

У гробницы Кутузова

По Невскому проспекту едем к величественному Казанскому собору, воздвигнутому между 1801 и 1811 годами, центральный купол которого, вместе с крестом, достигает 70 метров высоты.

Здесь покоится гениальный русский полководец — генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов (1745—1813).

Стоим у праха его под сенью этого исторического памятника, и в уме воскресает величественная эпопея борьбы русского народа за освобождение родины от нашествия Наполеона; эти события хорошо известны каждому по многочисленным описаниям.

Кутузов был любимым учеником великого русского полководца Суворова, который прошел со своими войсками через Европу. Суворов высоко ценил военное дарование Кутузова, содействовал развитию его, и это способствовало поднятию русского военного искусства на новую, еще более высокую ступень.

Прослеживая в уме историю войн и полководцев, всегда с изумлением останавливаешься на подвиге этого человека, непреклонная воля которого проявилась

при таких исключительных обстоятельствах, в один из самых трагических моментов истории.

Никакие интриги высших кругов не могли заставить его отменять свои решения, которые он принимал всегда самостоятельно, с глубоким пониманием сложившейся обстановки.

Всем известен драматический момент, когда Кутузов вынужден был проявить все свое мужество, чтобы не уступить настойчивым требованиям прекратить отступление перед могущественной армией Наполеона. Вопреки всему и всем он осуществил этот маневр, потребовавший отхода за Москву и оставления древней русской столицы.

Кутузов презирал низкопоклонство и лесть и потому не пользовался симпатиями в придворных кругах. Да и сам царь терпеть его не мог и не скрывал этого. Однако вся эта ненависть и враждебные происки разбились о непоколебимую твердость мужественного полководца.

Во время справедливой, патриотической войны 1812 года, в которой русский народ, разгромив Наполеона, отстоял свою независимость, выдающееся военное мастерство Кутузова в немалой мере способствовало победе героической русской армии над одним из самых жестоких завоевателей, известных истории.

Разгром великой армии Наполеона явился событием мирового значения.

Писатели и историки по-разному пытались объяснить успехи Кутузова, достигнутые в обстановке самого упорного противодействия со стороны правящих кругов, начиная с самого царя. Исключительно ясный и убедительный разбор личности Кутузова находим в романе Льва Толстого «Война и мир». Так как, возможно, не все мои читатели знакомы с этим произведением великого русского писателя, приведу замечательные строки, где анализируется деятельность этого полководца:

«... А между тем, трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно и постоянно была бы направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель более достойную и более совпадающую с волей всего народа. Еще труднее найти другой пример в истории, где бы цель, которую

поставило себе историческое лицо, была бы так совершенно достигнута, как та цель, к достижению которой была направлена вся деятельность Кутузова в 12-м году».

«... Но каким образом тогда этот старый человек, один в противность мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему?»

Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его.

Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту, высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалеть их.

Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история.

Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии».

В глубоком молчании стоим под огромным куполом, у гробницы полководца, отдавая дань преклонения человеку, ставшему олицетворением любви к родине; в такие минуты как-то особенно ясно постигаешь все величие этого чувства, которое всегда живо в сердцах народов.

Но если в душе истинного патриота имя Кутузова рождает гордость и удовлетворение, то для захватчиков всех мастей оно должно послужить грозным предостережением. Пускай же покрепче помнят историю все те, кто и сейчас зарится на богатства этой необъятной страны.

Сумерки, синеющие за окном, побуждают нас покинуть величественный храм, который хранит также ключи и знамена городов, капитулировавших перед Петром Великим в его боях с шведским королем Карлом XII.

Все эти трофеи свидетельствуют о том, как свято хранит в памяти русский народ славные страницы своего прошлого, какая нерасторжимая связь существует между всем, что было великого и достойного в этом прошлом, и его сегодняшним днем. Поэтому никогда не иссякнет в сердце этого народа любовь к родине и решимость встать на ее защиту в любой момент, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

Зарубежный гость, как бы ни влекло его любопытство ознакомиться с другими достопримечательностями, не спешит покинуть это место, наводящее на глубокие размышления.

За последнее время в печати чуть не ежедневно появляются путевые впечатления туристов со всех концов света, осматривавших те же места, где и я побывал недавно. К сожалению, описания некоторых из этих туристов продиктованы враждебностью, порождаемой предрассудками и предвзятыми взглядами и побуждающей их повсюду выискивать мелкие недочеты и иронизировать по поводу фасона ботинок какого-нибудь рабочего или покроя рубашек советского человека.

Обуреваемые злыми чувствами, такого рода путешественники возвращаются домой, ничему не научившись, с пустотой в душе и с чемоданом, набитым безделушками.

Русский музей

В тот же день вечером мы осматривали Русский музей, в котором собрано до трехсот тысяч работ русских художников различных эпох.

Музей помещается в величественном здании, построенном в прошлом веке (1825).

Выставленные полотна поражают нас силой выражения, богатством колорита, разнообразием и глубиной содержания.

Первое место занимают непревзойденные полотна Репина («Бурлаки на Волге» и др.). Трудно оторваться и от таких картин, как «Последний день Помпеи» Брюллова, «Римская легенда» Семирадского, «Христианские мученики в Колизее» Флавицкого, «Девятый вал» и другие полотна Айвазовского, блестящего и столь плодовитого живописца конца XIX века.

Очень сильное впечатление оставляет историческая живопись Сурикова. Народ является главным героем в творчестве этого крупнейшего русского художника. Любуясь полотнами Сурикова, увековечившего наиболее волнующие моменты из бурного прошлого русского народа, переношусь мыслью к нашей живописи. Отдаю себе отчет в том, что в последнее время румынские художники лишь в слабой мере отражали наше историческое прошлое. Кажется, будто они совсем забыли даже о недавних грандиозных событиях.

Ведь после свержения фашистской диктатуры в стране Румынская армия вела бои бок о бок с Советской Армией, борясь за освобождение от фашистского ига не только Трансильвании, но и народов Венгрии и Чехословакии. Лучшие сыны народа сражались как герои. Однако эта славная страница нашей истории еще не нашла достойного отражения ни в живописи, ни в скульптуре.

Находясь под впечатлением всего виденного в Русском музее, я прихожу к мысли, что нашим художникам необходимо вдохновиться примером русских живописцев и поскорее восполнить пробел, не делающий нам чести.

Нам надо воспрянуть духом, вспомнить, сколько славных событий было в нашем прошлом, которые способны вдохновить не одно поколение художников. И тогда наша национальная картинная галерея обогатится работами, которые поведают векам славу нашего оружия.

Вечером, после посещения оперетты «Шумит Средиземное море», полной жизни, движения и чудесных мелодий, выезжаем поездом в Москву.

Наши души переполнены всем, что сумели вместить в себя за три дня пребывания в чудесном, героическом Ленинграде, который так приблизил нас к прошлому русского народа и помог еще лучше понять огромные перспективы советских людей, хранящих такие величественные воспоминания.

Снова в Москве

Парк культуры и отдыха

Железная дорога в Москву, открытая в 1851 году (Санкт-Петербург—Москва), была первой в России железнодорожной линией крупного экономического значения.

Знающие люди рассказали нам, что самая первая железная дорога в России, протяжением в 24 версты, была построена в 1837 году между Петербургом и Царским Селом (ныне город Пушкин).

Магистраль, по которой мчится сейчас наш поезд, была сооружена, как мы узнаем из путеводителя, по приказу одного из самых жестоких тиранов России — царя Николая I. Проведя на карте прямую черту между Москвой и Петербургом, царь приказал, невзирая ни на какие жертвы, строить дорогу точно по этой линии. И хотя сооружение дороги ввиду болотистой почвы представляло и без того большие трудности, Николай I упрямо отклонял все иные предложения, требуя, чтобы дорога была проведена точно по линии, им указанной, даже если она пройдет по трупам тысяч и тысяч крепостных, призванных выполнить эту работу.

И действительно, постройка дороги стоила жизни многим тысячам людей, работавших среди болот, в самых тяжелых условиях в течение девяти лет.

На рассвете из окна мчащегося по этой линии (ныне Октябрьская железная дорога) поезда-стрела любуемся сменяющимися поминутно видами этой необыкновенно живописной местности.

Белая колоннада берез, озера кристальной чистоты, неподвижно сверкающие в лучах встающего солнца, синева высокого осеннего неба, праздничное убранство деревьев самых разнообразных цветов и оттенков,

среди которых преобладает золотисто-желтый, чередующийся с темной зеленью еловых рощ, — все это заставило нас подняться спозаранку и, не отрываясь от окон, жадно вбирать в себя прелесть сентябрьского утра.

В полдень поезд был уже в предместьях Москвы, и мы с грустью расстались с очарованием чудесных пейзажей.

Прибыв в Москву, прельщаемые все тем же голубым небом и ярким солнцем, так щедро согревающим нас, мы после короткой передышки направились в Центральный парк культуры и отдыха имени А. М. Горького. Этот прекрасно оборудованный парк, где такое множество всевозможных развлечений для детей, молодежи и взрослых — открытые сцены, кинотеатры, площадки для игр, танцев и спорта, небольшие выставки, панно и т. д., — создает впечатление огромного культурно-воспитательного центра.

Сюда устремляются, особенно в праздничные дни, десятки тысяч посетителей. Здесь повсюду оригинально сочетаются красота и польза, везде замечаешь стремление руководителей народа предоставить массам, нуждающимся в отдыхе и развлечениях, все, что способно радовать человека и просвещать его ум.

Эта забота о посетителях заметна даже в мелочах. Между прочим, запомнилась практичная и своеобразная форма гигиенических установок, разбросанных по всему парку; помимо установок постоянного типа, имеются другие — на автомашинах.

Аллеи, цветники, газоны, дорожки, разного рода сооружения — все носит следы самого заботливого ухода, повсюду образцовая чистота и порядок, удовлетворяющие самым высоким требованиям. И это заслуга не только администрации и работников парка, но и всей массы посетителей, которые сами охраняют и берегут общественное добро, показывая высокую степень гражданского воспитания.

Люди из-за рубежа, побывавшие в стране Советов, несомненно, и сами убедились в этом и смогут подтвердить, как высоко развито у советских людей сознание гражданского долга. Факт этот неоспорим даже для самого недоверчивого и скептически настроенного иностранца.

Не только в Ленинграде и Москве, но и по всему Советскому Союзу — всюду, где нам только довелось побывать, — мы наблюдали исключительно культурное поведение граждан и уважение их к порядку. Даже в самых многолюдных местах — никакой толчеи. Когда у автобуса или трамвая, перед газетным или табачным киоском скопляется много публики, люди ведут себя сдержанно и спокойно, не толпятся, не пускают в ход локти, не лезут вперед, ругаясь и ссорясь. Разумеется, дело от этого только выигрывает.

Большой театр

«Пиковая дама» П. И. Чайковского

Эту оперу я уже видел на сценах западных театров, а также и в нашем Театре государственной оперы.

Имея сейчас возможность сравнивать, без колебаний отдаю предпочтение постановке московского Большого театра; вместе с тем должен отметить благотворное влияние новой школы и на наш театр, художественный уровень которого заметно повысился.

Либретто оперы написано Модестом Чайковским, братом композитора, по одноименной новелле Пушкина.

На колоннах зала Государственной консерватории, где открыта выставка Чайковского, которую мы посетили днем, вывешены транспаранты со словами, высказанными некогда гениальным русским композитором, в которых отразились его стремления, характер, мировоззрение и душевный склад и которые помогают лучше понять его творения.

Вот некоторые из этих высказываний:

«Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору».

И в другом месте: «Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи».

По поводу выбора либретто для своих опер он говорит: «Я ищу интимной, но сильной драмы, основанной на конфликте положений, мною испытанных или виденных, могущих задеть меня за живое». И еще: «...я могу с любовью и увлечением писать музыку на сюжет хотя

бы и нимало не эффектный, — лишь бы действующие лица внушали мне живое сочувствие, лишь бы я любил их, *жалел*, как любят и *жалеют* живых людей».

Эта последняя цитата не может быть отнесена к творчеству Чайковского в целом; и все же я запомнил ее, так как она характеризует его не только как артиста, но главным образом как человека.

Многие либретто, которыми воспользовался Чайковский для своих опер, не отвечали даже отдаленно его лирическому и психологическому складу. Впервые он увидел воплощенным свой идеал интимной музыкальной драмы в опере «Евгений Онегин», полностью же достиг его только в «Пиковой даме».

В свете мыслей, представленных в цитатах на выставке Чайковского, поняли и мы, может быть впервые, глубокий смысл музыки Чайковского, счарование его идеала, воплощенного в ней настолько талантливо, что она стала гордостью не только русского искусства, но и всемирной музыкальной культуры, торжествующей в его творениях на радость всего человечества.

Мавзолей В. И. Ленина

Те, кому не доводилось бывать в Москве, читали, конечно, о памятниках этой столицы и, таким образом, имеют представление о многих из них. По различным описаниям и снимкам читателю знаком, разумеется, и мавзолей В. И. Ленина. Но есть нечто, чего не может передать ни одно описание, ни один фотоснимок или рисунок. Это — совершенно особенная атмосфера, окружающая мавзолей, то особое благоговение, которое испытывает к нему советский народ и трудящиеся всего мира.

Проникнутый этим настроением, властно охватывающим человека, едва он переступает порог мавзолея, попытаюсь описать свои впечатления для тех, кто не имел случая пережить этого лично.

Ранним утром мы останавливаемся перед мавзолеем. Охватываем глазом не только его внешние контуры, но и весь ансамбль, который, чем дальше в него всматриваешься, представляется все более величественным.

Мавзолей воздвигнут на Красной площади, у самой кремлевской стены, неподалеку от одной из главных башен Кремля.

Та часть стены, которая служит ему фоном, с вделанными в нее мраморными плитами, под которыми замурованы урны с останками многих видных руководителей и деятелей коммунистической партии и советского государства, сама представляет часть истории великой революции. У ее подножия — несколько могил других видных деятелей.

Что побудило воздвигнуть мавзолей?

Сразу после смерти В. И. Ленина на имя Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и в адрес советского правительства стало поступать со всех концов страны множество писем и телеграмм, в которых советские граждане просили сохранить навеки тело Ленина, дабы образ его могли увидеть и люди будущего, стекаясь к его гробу на протяжении веков.

26 января 1924 года на траурном заседании 2-го съезда Советов Союза ССР было утверждено постановление Центрального Комитета о сооружении мавзолея. Первоначально, ко дню похорон, он был построен из дерева, а позднее, в 1930 году, было возведено сооружение из мрамора и гранита, строгое и величественное и как бы воплотившее в себе чувства советского народа к человеку, имя и дела которого будут жить в веках. Чувства эти, так ярко проявившиеся в момент смерти В. И. Ленина, не угасли с ходом времени, а, наоборот, усилились и год от года крепнут.

В этом мы убедились, увидев, какие массы людей стекаются к мавзолею в отведенные для этого дни. Вереница людей в стройном порядке движется через Красную площадь, растянувшись более чем на километр вдоль решеток сада, окаймляющего стены Кремля.

Глядя на этот живой поток, мы видели людей всех возрастов, социальных категорий и наций. Здесь можно встретить людей, прибывших из северных областей и с гор Кавказа, из сибирской тайги и из самых отдаленных уголков Азии, а также зарубежных гостей со всех континентов мира.

Производит впечатление не только число посетителей, но и взволнованное настроение этих людей, терпе-

ливо ожидающих, порой под дождем и на ветру, своей очереди войти внутрь мавзолея и почтить минутой молчания память основоположника первого в мире социалистического государства.

Даже в те дни, когда мавзолей закрыт для посетителей, граждане, находящиеся проездом в Москве, подолгу задерживаются перед ним; они стоят молча, но на их лицах ясно читаешь их чувства к человеку, который указал путь к новой жизни. Ни разу, проходя через Красную площадь, не случилось нам видеть пустующим место перед мавзолеем В. И. Ленина — последним убежищем того, кто заложил основы первого в истории человечества строя без угнетения и эксплуатации и кто поэтому будет жить вечно в сердцах трудящихся всего мира.

Так как правила, установленные для посещения мавзолея, предусматривают исключение для некоторых категорий гостей мы были допущены сюда в утренние часы.

Спустившись по мраморным, дымчатого цвета ступеням в подземную усыпальницу, мы увидели саркофаг из стекла. И как только мы вышли из полосы света, отражаемого ступенями, и оказались посреди зала с его стенами, одетыми в пепельно-черный мрамор и отделанными красным порфиром, нас ошеломил в этой глубокой тишине яркий свет, сосредоточенный на лице В. И. Ленина с огромным лбом и на его руках, словно вылепленных из воска.

Долго, с волнением смотрели мы на него. Мысли, охватившие меня в этот момент, проносились вихрем. В голове возникали, быстро сменяясь, воспоминания о различных этапах жизни и деятельности великого человека, имя которого навеки останется вписанным огромными буквами в историю человечества.

Глубоко взволнованные, мы покинули, наконец, мавзолей с его строгой тишиной и вновь увидели перед собой Красную площадь, озаренную ярким солнцем, с ее движением и звуками, с ее кипением жизни, неустанно стремящейся вперед.

Лицо В. И. Ленина все еще было у нас перед глазами. И это движение и жизнь вокруг невольно ассоциировались в нашем сознании с тем ширящимся движением, с тем бурным подъемом сил жизни в пробудившем-

ся мире, которые созданы им и заключены в его имени и которые он несет в своем облике через вселенную, не имеющую ни конца, ни начала.

Перед нашим мысленным взором встают моря и континенты земли, от севера до юга, от востока до запада, с бурлящей на них жизнью человечества, разделенного на бесчисленные племена и народы, со своими столь разнообразными обычаями и традициями и столь многообразной культурой, начиная от первобытной и до самых высоких ступеней цивилизации нашей атомной эры,— и при всем этом многообразии все и всегда стремятся к одной и той же высокой цели — жить.

В своих каждодневных заботах человек, начиная от самого отсталого, руководимого первобытным инстинктом, и до самого культурного, действующего вполне сознательно, стремится разрешить одну и ту же проблему: создать лучшую, более красивую жизнь, устранить все, что ее омрачает и подвергает опасности.

Это мощное побуждение мобилизует умы честных людей, закаляет их волю и делает их более упорными в борьбе с препятствиями, за достижение более высокого уровня жизни.

Все яснее осознавая свое право на счастливую жизнь, несправедливость нарушения этого права, народы не хотят больше мириться с преградами, поставленными на их пути. Все менее расположенные находиться под чьим-либо игом, они вступают на путь освобождения, а освободившись — спешат помочь и другим народам в их стремлении к свободе.

Вот сущность этого мощного бурления, этого неудержимого социального процесса, родившегося как отзвук беспримерной в истории человечества Великой Октябрьской социалистической революции, руководимой революционерами, создавшими ее и ею же созданными.

Смысл этого процесса, развивающегося все более мощно на наших глазах, совершенно очевиден. И все же находятся люди, которые с помощью всякого рода софизмов и с рвением, достойным лучшего применения, пытаются дать ему ложное истолкование.

Эти люди, принадлежащие к привилегированным классам и группам, рассматривают процесс, по сути революционный, сквозь призму эгоистических интересов своей классовой группировки. Конечно, нетрудно по-

нять, что им хочется сохранить свои преимущества и привилегии, сохранить неизменными условия, дающие им возможность увеличивать свои доходы.

Чтобы подняться выше узких интересов, чтобы уяснить объективный смысл величавой действительности, примениться к ней, понять значение великих потрясений и отказаться от бесполезного сопротивления непреклонному закону истории, необходимо проникнуть глубоко в суть этой проблемы.

Нетрудно видеть всю тщету усилий этих закоренелых упрямец, которые, затевая опасные и безрассудные маневры и используя все свои преимущества в области экономической, социальной и политической, пытаются преградить путь истории.

Бряцание оружием, лихорадочные капиталовложения в самые совершенные орудия массового уничтожения человеческих жизней, атомные бомбы и сверхбомбы — разве не говорит это все ежедневно и ежеминутно об усилиях тех, кто хочет помешать нормальному ходу великого исторического процесса? Здесь, у мавзолея В. И. Ленина, размышляя об этих попытках остановить движение времени, понимаешь особенно ясно, что никакое самое совершенное оружие — ни бомбы, атомные или водородные, ни радарные установки, ни самолеты и военные базы — ничто не в состоянии помешать человечеству обращаться мыслью к этому мавзолею, как и к великому учению человека, почивающего здесь, в своем мраморном храме, под сенью стен Кремля, внутри которых бьется сердце свободной страны.

Мы знаем, что за всю полную треволнений историю человечества ни штыки, ни пушки не в состоянии были одолеть силу передовых идей. Так неужели не отдают себе отчета создатели искусственных препятствий вокруг революционных идей, что в борьбе с этими идеями оружие бессильно и что для одержания победы над ними требовалось бы создать идеи, еще более животорные, отвечающие еще в большей мере стремлениям человечества, чем те, с которыми революционеры обращаются к миллиардам людей на всем земном шаре, сознание которых пробудилось в стремлении завоевать право на лучшую жизнь.

Или они воображают, что за неимением таких полноценных идей им для сохранения своих привилегий

достаточно предоставить ученым — специалистам по атомным вопросам право на сооружение подобного рода преград?

Да и смогут ли они противопоставить силе революционных идей термоядерное оружие? Не упускают ли они из виду, что движущей силой является не бомба, лишенная мышления, а человек, ею управляющий?

Хотелось бы послать этим упрямам на крыльях ветра следующее обращение:

«Не играйте с огнем! Уймите болезненные страсти, вызванные сознанием, что привилегии ваши находятся под угрозой, и замените их здравым смыслом, мудрым пониманием окружающей вас действительности; постарайтесь почерпнуть в любви к человечеству и прогрессу соответствующие средства, которые позволили бы гигантскому валу начавшегося процесса идти своим путем, без напрасного распыления, и откажитесь от иллюзии, будто путь этот вы можете преградить, не вызвав катастрофических потрясений как для вас самих, так и для всего человечества».

Беспокойство кругов, представляющих консервативные силы, вероятно, и происходит от сознания своего бессилия остановить этот стремительный поток, устремившийся во все концы света, преодолевающий радарные сети, кольца военных баз и складов ядерного оружия. Это беспокойство все больше подтверждается гонкой вооружений и созданием военных блоков.

Однако ко всему этому прибавляется и еще одна забота: как и чем преградить устремление к великому революционному центру со всех концов света, со стороны народов, интерес которых к достижениям Советского Союза на наших глазах превращается в восхищение?

Это восхищение, это уважение растет безгранично и в первую очередь у народов, недавно освободившихся от империалистического колониального ига, у народов, которые привлекают к себе внимание не только своей численностью, но в некоторых странах и своей древней культурой, уходящей корнями в тысячелетнюю давность, и к тому же занимают обширнейшие территории.

Вопрос, как задержать прилив такой неудержимой силы, причиняет и еще будет причинять немало забот тем, кто упрямо остается на своих старых позициях,

укрепляя бастионы своих экономических и финансовых интересов безумной гонкой вооружений и тем самым отходя все дальше от понимания великой международной действительности.

Им не хватает смелости взглянуть трезво на вещи; их душевный строй не позволяет им желать блага для всего человечества; им не хватает качеств, которые побудили бы их принять героическое решение, которые дали бы им возможность подняться над своими узкими, эгоистическими интересами, стать на путь великих преобразований наряду с большинством, стремящимся построить жизнь на основах прогресса, пример которой являет им гигантский труд советского человека. Ведь даже самые закоренелые реакционеры не могут отрицать влияния, оказываемого достижениями Советского Союза, одной из самых могущественных стран мира, на народы, которые добились недавно независимости или добьются ее в недалеком будущем, стряхнув с себя иго капитализма.

Опыт, накопленный народами Советского Союза, его неограниченные возможности, его инициатива и энергия, закаленные в труде и борьбе почти четырех десятилетий, являются огромным источником помощи для всех народов.

Поддержка, оказываемая советским народом более слабо развитым народам, исходит из действенной идеи взаимной помощи на основах полного равенства и обоюдной выгоды. Вот почему эта поддержка не может идти в сравнение с «помощью» в долларах со стороны крупных банков капиталистических стран, движимых лишь жадной сказочных прибылей, «помощью», которая ставит своей целью задержание находящегося в полном развитии исторического процесса, сохранение и укрепление экономического рабства в странах, которым оказывается эта «помощь».

Будущее покажет, что поддержка и помощь Советского Союза и стран народной демократии, имея вышеуказанные преимущества, сопровождаемые к тому же ошеломляющим ростом престижа советской действительности, будут влиять и на структуру хозяйственной жизни народов, которым оказывается эта поддержка.

Неэффективность пропаганды реакционных кругов становится все более очевидной перед лицом того факта,

что восторженные взоры подавляющего большинства трудящихся на всех континентах обращены к советским народам, сбросившим с себя после героической борьбы иго царского насилия с его обскурантизмом и бескультурьем. Эти народы создали свое государство, превратив его за несколько десятилетий — срок необычайно короткий по сравнению с известными нам эпохами исторических преобразований — в одну из самых могущественных держав мира.

Это — гигантская гора, которую еще многие, притворяясь слепцами, не хотят видеть, в то время как на нее с надеждой взирают миллионы, а завтра будут взирать сотни и тысячи миллионов, различая на ее вершине отблеск зари своей завтрашней счастливой жизни. Никакие груды долларов не заставят их отвести взоры от пламенеющих отблесков этой зари. Богатый опыт недавно освобожденных колониальных и полуколониальных народов научил их помнить, что «помощь» колонизаторов можно купить только ценой потери собственной независимости. Им становится все яснее, что мина великодушия, с какою предлагают им принять долларовую «помощь», есть не что иное, как лицемерие. Под этим лицемерным фасадом вчерашние колонизаторы скрывают свою жажду возвратить потерянное и стремление к новым империалистическим захватам, сопровождающимся неизбежной конкуренцией в их лагере и противоречиями, порождающими конфликты и войны.

Красная площадь

Музей В. И. Ленина

Охваченные мыслями о бессмертии идей Великой Октябрьской революции, входим в Центральный музей В. И. Ленина возле Красной площади. В этом огромном музее, превосходно организованном, идеи эти воочию материализуются, когда знакомишься с документами, рукописями, фотоснимками, относящимися к жизни и борьбе В. И. Ленина, неразрывно связанными с историей трех русских революций, с историей Коммунистической партии Советского Союза.

Во всех наиболее значительных центрах Советского Союза имеются филиалы этого музея, и, несомненно,

они играют большую роль в деле коммунистического воспитания советских людей, а особенно молодежи.

Осматривая музей, отдаем себе отчет, насколько эта мощная материализация идей большевистской революции способствует их жизненности. Богатства музея В. И. Ленина и его филиалов во всех концах советской страны служат для всего человечества колоссальным арсеналом, вооружающим все новые поколения, идущие неизменно вперед, к новым завоеваниям в борьбе, принимающей уже мировые масштабы.

Храм Василия Блаженного

Перейдя Красную площадь, входим в знаменитый храм Василия Блаженного. Это перл в ряду древних русских памятников.

Внутри храма идет ремонт. Напомним, что Красная площадь существует с конца XV века. Она возникла на месте строений, уничтоженных одним из больших московских пожаров, и поэтому долгое время называлась Пожарной площадью. Только в конце XVII века ее переименовали в Красную площадь. Слово «красный» имеет в русском языке двойкий смысл: оно служит не только для обозначения цвета, но означает также «красивый». Отсюда и произошло название этой площади.

Глядя на леса, воздвигнутые в стенах храма, на мастеров, с большим искусством реставрирующих древние фрески, мы вновь видим заботу советского народа о своих исторических памятниках; факт этот уже не раз подчеркивался мною и раньше. Не сравнивая ни с чем Красная площадь, Кремль с его башнями и церквями, этот храм и многие другие постройки — все они свидетельствуют о самобытной красоте памятников русского зодчества и высоком мастерстве их создателей. И мы вновь убеждаемся в справедливости взгляда, что, создавая будущее, надо бережно хранить и изучать все лучшее в наследии прошлого.

Настоящее не может быть оторвано от прошлого, и поколения творцов, строящих новый мир, всегда будут вдохновляться великими традициями своего народа.

Это полезно усвоить тем, кто ныне ударяется в космополитизм, не понимая, что подлинное уважение к творческим традициям других народов неотделимо от

уважения к историческому наследию собственного народа.

Говоря здесь о высоком уважении советских людей к своему прошлому, доказательством чего служит стиль их новых построек, должен, однако, заметить, что в отдельных случаях творцы новых сооружений, виденных нами, могли бы больше вдохновляться творениями своих предшественников, отображать более ярко и последовательно особенности русского стиля с его неповторимой красотой.

В гораздо большей мере этот упрек заслужили некоторые из наших румынских зодчих, блуждающие в лабиринте космополитических фантазий и порывающие нередко всякую связь с традициями румынской архитектуры; на земле своих предков они внедряют чужеземные образцы, неприятно поражающие взоры не только наших соотечественников, но и тех, кто, приехав в нашу страну, хочет понять ее характерные особенности. В этой области у нас еще проявляется отрыв от прошлого, лучшие традиции которого наш строй стремится сохранить.

Таким образом, пример советского, да и многих других народов мог бы послужить на пользу тем из наших архитекторов, которые довольствуются копировкой чужеземных образцов, не считаясь ни с условиями среды, ни с традициями нашей национальной культуры, и чьи создания напоминают человека, одетого в костюм с чужого плеча. Их не вдохновляет гений нашего народа, одухотворяющий все наше народное искусство.

Ныне, в эпоху строительства социализма, наши города и села должны сбросить с себя уродующие их космополитические одежды и надеть новый наряд, сшитый по собственной мерке.

Московское метро

Мы побывали на станциях новой линии метро: Калужская, Серпуховская, Павелецкая, Таганская, Курская.

Весь комплекс станций московского метро является величавым созданием нового искусства — искусства социалистического реализма. В этом сооружении, как и во всем, что создано здесь в эпоху социализма, получил

выражение глубоко народный характер советской культуры.

Особенно запомнилась нам станция Курская с ее величественным стилем, а также станция Калужская, архитектура которой своими чудесными мотивами русского, талантливо обработанного классицизма выражает идею победы Советской Армии в Великой Отечественной войне.

На всех станциях стены отделаны мрамором, фаянсом или керамикой различных цветов. Некоторые украшены скульптурами работы крупных советских мастеров. Станции оборудованы мощной системой освещения, а свежесть воздуха обеспечивается совершеннейшей системой вентиляции.

Метро имеет огромную пропускную способность — оно перевозит ежедневно примерно 1800 тысяч человек. Несмотря на это, и у входов, и в подземных коридорах, и на эскалаторах — повсюду безупречная чистота; и в этом опять-таки сказывается воспитание граждан.

Московское метро является ярким свидетельством постоянной заботы советского государства о максимальном удовлетворении материальных и культурных нужд граждан.

Оно является единственным в мире, представляющим архитектурный ансамбль большой художественной ценности. Постройка первой линии московского метро была начата в 1932 году, а в мае 1935 года линия уже была сдана в эксплуатацию. Длина ее — 11 километров. С тех пор продолжают строиться все новые линии. В момент нашего пребывания в Москве общая протяженность всех линий превышала уже 50 километров.

О московском метро писали и говорили очень много. Отмечали и, вероятно, будут отмечать и в дальнейшем излишнюю роскошь украшений: есть критики, которые указывают на чрезмерную дороговизну этого сооружения и т. д.

Если отнестись к этому вопросу с холодным педантизмом, исходя из расчета получить возможно больше с минимальными затратами и преследуя при этом лишь строго практическую цель (разгрузка наземного транспорта, быстрота и удобство передвижения), то придется согласиться, что эта цель была бы достигнута и без дорогостоящих украшений.

Однако не следует забывать, что человечество в нашу эпоху бурного развития стремится также и украсить свою жизнь, поскольку и красота является жизненной необходимостью. В понятие жизненного уровня оно включает, помимо элементарных потребностей в жилье, одежде и пище, также и обстановку, в которой живет и работает человек.

Природа радует нас прелестными видами гор и долин, лесов и степей с их сменой красок соответственно времени года, чудесными картинами восхода и заката солнца, лунных ночей и звездного неба. Почему же и нам не следовать ее примеру, неустанно украшая и облагораживая обстановку нашей повседневной жизни всем, что может создать творческий гений человека в этой области?

Повторяю, стремление человека к лучшему, борьба нового со старым включают также и понятие о красоте. Это стремление к лучшему неустанно двигает человеческую мысль вперед во всех областях — в науке, технике, искусстве, — и ясно, что монументальная архитектура также не представляет здесь исключения.

Московское метро не является рядовым сооружением, имеющим только определенное практическое назначение — облегчить передвижение граждан. В этом грандиозном сооружении ежедневно проводят часть своего времени миллионы людей, и, несомненно, они получают душевное удовлетворение при виде красоты, воплощенной талантами советских мастеров в мраморе, мозаике и живописи. Эта красота возвышает и облагораживает человека, помогает ему отдохнуть от суеты повседневных забот, укрепляет и вдохновляет его.

Императорские дворцы, созданные потом и кровью миллионов людей и поглотившие несметные средства, были прежде, а в некоторых странах остаются и поныне доступными лишь для весьма ограниченного круга лиц и наглухо закрытыми для масс. Поэтому их роскошь по справедливости заслужила наше осуждение. Другое дело — метро столицы огромной страны, которое ежедневно и ежечасно находится в пользовании огромного коллектива людей и имеет не только практическое назначение, но и воспитательное. Это его облагораживающее воздействие может быть по-настоящему оценено только в масштабе историческом.

Московский цирк

Вечером — в московском цирке: акробаты, фокусники, жонглеры, дрессированные лошади и собаки. Превосходный оркестр. Все представление, под управлением Осипова, проходит на высоком уровне.

Советский цирк не только развлекает, но и поучает. Вот почему я включаю посещение этого цирка в описание нашей поездки.

Нас в равной мере восхитили и блестящие импровизации Бермана, и гимнасты Бубновы, и акробаты Александровы и многое другое.

Бесстрашие и головокружительные номера артистов советского цирка с их безупречной техникой, предельной точностью и изяществом каждого движения — все это показывает, какого совершенного мастерства может достигнуть человек, настойчиво и терпеливо развивающий свои природные способности.

Цирк, как и любую вещь, можно опознать. Но он может быть и поднят на высоту подлинного искусства.

Побывав в цирках Москвы и Ленинграда, я имел случай убедиться, что государство уделяет цирковому искусству необыкновенно много внимания. Советский цирк совершенно несоизмерим с теми пошлыми балаганами, которые мы встречаем на городских окраинах в западных странах. Здесь это истинно художественное учреждение с широкой инициативой и неограниченными возможностями.

Советский цирк украшает жизнь и укрепляет любовь к жизни.

Помещения советских цирков — это настоящие дворцы. Их ложи и амфитеатр не уступают первоклассным театрам.

Покидая московский цирк, мысленно приносим благодарность тем, кто своими талантами и неустанной тренировкой дал нам столько ярких впечатлений и такой освежающий отдых.

Работники советского цирка — это артисты в подлинном смысле слова, и я жалею тех безнадежных скептиков, которые не понимают, какую серьезную роль может играть цирк в деле воспитания и здорового отдыха трудящихся.

Из Москвы в Сочи

В полдень покидаем Москву — едем поездом на юг. Проезжаем ряд городов: Серпухов, Тулу (один из самых старых центров металлургической промышленности России, известный в старину производством самоваров), затем Орел, немного позже — Курск, Харьков и ряд других населенных пунктов; о них мы много слышали во время войны, когда Советская Армия, поддерживаемая партизанами и всем населением, изгоняла отсюда захватчиков.

Итак, мы проезжаем области, уже известные нам по названиям, ибо в годы второй мировой войны они вписали свои имена золотыми буквами в историю советского народа. С интересом рассматривая карту, находим имена славных городов, в том числе город-герой Сталинград, имя которого известно всему человечеству.

Всему миру памятна его волнующая эпопея, как и оборона народами Советского Союза Москвы, Ленинграда и Киева в дни Великой Отечественной войны.

Мы направляемся в этот новый для нас мир с намерением увидеть не только разрушения и прочие красноречивые следы варварства захватчиков, но и результаты восстановительного труда, о которых мы постоянно узнавали из советской прессы и других источников.

Этот самоотверженный труд, его напряженность и все усиливающийся темп заставили призадуматься даже многих скептиков, с большим вниманием наблюдающих из-за рубежа за развитием первого в мире социалистического государства. Труд этот вдохновил и народы других стран, освободившиеся от ига фашистских захватчиков, в их стремлении восстановить свои города и села, опустошенные этими ордами, оставившими после себя на обширных пространствах Европы столько горя и разрушений.

Поезд мчит нас через черноземные районы, изобилующие колхозными селами; видим из окна лесозащитные полосы — частицу грандиозного плана лесонасаждения.

Вот мы уже в УССР. Проезжаем Беспаловку и Лозовую. Здесь в годы гражданской войны сражались с интервентами и белогвардейцами части Красной Армии, руководимые испытанными командирами во главе с

Ворошиловым и Буденным. Беспрецедентные подвиги легендарных героев, совершенные в этих местах, запечатлены навеки не только в памяти русского народа, но и в истории всего человечества.

В полдень минуем Славянск — курорт, известный своими соляными ваннами. Характер местности резко меняется. Теперь вместо полей и пашен за окном проносятся огромные дымящие заводы, целые рабочие города. Оттачиваем карандаши и напрягаем зрение, чтобы не упустить ни одной подробности.

На остановках пользуемся каждой минутой, чтобы поговорить с местными жителями и подвергнуть проверке на месте все те данные, с которыми мы заранее ознакомились, усвоив их не без труда.

Наши вопросы и замечания порой удивляли наших собеседников. С удовлетворением констатируем, однако, что их патриотическая гордость была польщена, когда они убеждались, насколько хорошо мы ознакомлены с их трудом. По-видимому, и до их слуха дошли отголоски всякого рода скептических утверждений, извращений и клеветы, распространяемой в капиталистических странах с целью дискредитировать с помощью хорошо организованной, а главное хорошо оплачиваемой пропаганды великие достижения народа, героизм которого в период мирного строительства не уступает проявленному им при защите родины в дни Великой Отечественной войны.

Мне бы хотелось иметь рядом с собой этих скептиков, чтобы поставить их лицом к лицу с действительностью, находящейся сейчас у нас перед глазами.

Наши расспросы касались также и бытовых условий рабочих и интеллигенции; мы интересовались их заработной платой, условиями снабжения, питанием, сопоставляя полученные ответы с тем, что мы видели в других местах. Из всего, что мы узнаём, становится очевидным, что и здесь жизнь находится на крутом подъеме, а вовсе не клонится к упадку, как это грезится некоторым матерым идеологам империалистических кругов.

Едем через Донбасс. Здесь находятся самые крупные в Европейской части Советского Союза угольные месторождения; вместе с тем это один из важнейших центров металлургической промышленности страны.

Донецкий бассейн, охватывающий несколько областей УССР и РСФСР, является давним центром угольной промышленности, получившей бурное развитие при советской власти.

После установления власти Советов здесь была поставлена задача — механизировать все звенья производственного процесса. В результате уже к 1940 году добыча угля по сравнению с 1913 годом возросла в четыре раза.

Благодаря патриотическому почину рабочих Донбасса фашистским захватчикам в годы оккупации так и не удалось наладить угледобычу и вообще промышленное производство в этом районе; герои Донбасса срывали все планы захватчиков, мечтавших использовать промышленную мощь Донецкого бассейна.

Советские люди в этих местах вели борьбу с врагом не на жизнь, а на смерть, приводя его в ужас своим упорством. В этой борьбе покрыла себя неувядаемой славой молодая гвардия Краснодона. Осенью 1943 года Советская Армия освободила Донбасс, и с первых же дней после освобождения начался упорный труд по восстановлению заводов и шахт, разрушенных озверелыми врагами, а также по улучшению условий труда и быта рабочих. Бросается в глаза множество новых построек и сооружений.

Проезжаем Краматорск, Константиновку. На всем пути до самого горизонта видны заводские трубы, высокие огнедышащие домны, шахты, терриконики. Волнующее впечатление производят как размеры, так и разнообразие сооружений.

Вид этого гигантского муравейника с его новыми сооружениями и стройками, вырастающими среди еще заметных кое-где развалин, намного превосходит картину промышленного центра, нарисованную Золя. Мы перенеслись в какой-то циклопический мир, где древняя мифология как бы возродилась в броне современной передовой техники, пересоздающей мир.

Находясь под глубоким впечатлением этой картины человеческого могущества, прибываем вечером в Таганрог, тоже крупный промышленный центр, расположенный на Азовском море, а несколько позже в Ростов-на-Дону — город, расположенный у самого устья этой реки.

Яркие огни Ростова бросают с холмов свои отражения в воды тихого Дона, через который мы переправляемся.

Вступаем в область, где развернулось действие эпопеи, воссозданной с таким мастерством Михаилом Шолоховым в его всемирно известном романе «Тихий Дон», повествующем о судьбах казачества до и после революции. В памяти воскресают страницы этой волнующей книги, сделавшие такими близкими нам и эти бескрайние степи и людей, которые здесь жили, боролись и умирали за родную, любимую землю. Не в том ли замечательная особенность этого народа, умеющего так горячо любить свою родину, что он способен и защищать ее и воспевать с одинаковым воодушевлением?

Проснувшись утром, видим, что все вокруг волшебным образом изменилось: мы находимся в живописной местности у подножья Кавказских гор. Из окна любимся чудесным видом на горы. Минуем станции Кабардинская, Индюк и подъезжаем к Туапсе, городу с обширным портом и многочисленными заводами, расположенному на побережье Черного моря.

Сыны народа Трансильвании, живущего с незапамятных времен под сенью вершин Ретезата, привыкшие с колыбели к своим вековым дремучим лесам и скалистым горам, мы с восторгом взираем на вершины Кавказа. Словно в сказочном царстве, вершины эти врезаются в самое небо. Когда сравниваешь их с нашим Ретезатом, кажется, будто мы перенеслись из страны лилипутов в страну гигантов.

Наводим справки о высоте этих горных вершин. Но горы покоряют нас не только своими размерами, но и чарующей красотой своих взнесенных в небесный простор снежно-белых шапок, таких ослепительных на фоне блеклых осенних тонов долины, по которой мы проезжаем.

Далее поезд идет по несравнимому ни с чем виденным нами ранее побережью. По одну сторону пути на всем его протяжении шумят и плещутся волны Черного моря, по другую — высятся величественные горы Кавказа.

В полдень прибываем в Сочи — конечный пункт нашего путешествия на юг.

В Сочи

Сочи — один из знаменитых курортов на побережье Черного моря — находится в Краснодарском крае. Город расположен на возвышенности, которая на юге спускается к морю, а по направлению к северу становится все выше, сливаясь с горами Кавказа. Только перо истинного художника способно было бы описать красоты этих мест.

Улицы и бульвары, которыми мы следуем к дому, отведенному для нас, представляют собой, в сущности, аллеи из экзотических растений. Справа и слева тянутся санатории, дома отдыха, парки. Дом наш расположен на холме в северной части города, среди огромного сада. Два ряда эвкалиптов указывают путь к зданию современной постройки с просторными террасами и колоннадой, окруженному множеством самых разнообразных кустов и деревьев.

От дверей дома тенистая аллея из кипарисов, пальм и мандариновых деревьев ведет к морю. Она заканчивается лестницей из белого камня, спускающейся на пляж.

Волны, ласково набегающие на берег, зовут нас скорее броситься в их объятия. И вот мы уже плещемся в волнах, созерцая панораму озаренных лучами заходящего солнца гигантских снеговых вершин. Это был один из тех моментов, когда хочется, чтобы время остановилось.

Прелесть этих мест привлекает сюда тысячи отдыхающих из самых отдаленных областей страны и даже из-за границы. Мужчины, женщины, дети, старики, молодежь — здесь на берегу все становятся свежи, жизне-радостны и веселы, угодобляясь этим радостно играю-

щим волнам. Здешняя природа щедро расточает свои дары, освежая душу и тело людей, съехавшихся сюда, чтобы получить заслуженный отдых и запастись здоровьем.

Публика на пляже в Сочи самая разнообразная, начиная от шахтеров, заводских рабочих и колхозников и кончая учеными, поэтами и артистами. На этом пляже можно встретить представителей всех многочисленных народов необъятной страны Советов, даже жителей крайнего Севера. С некоторыми из последних я не раз вступал в разговор. Теплое море вознаграждает их за все трудности, которые им приходится переносить в краю вечных льдов и снегов. Однако день, столь щедро дарящий нам радость и красоту, столь же быстролетен. Уже свечерело, и мы возвращаемся домой.

Вечером этого памятного дня мы любовались с верхней террасы закатом солнца — зрелищем, единственным в своем роде. В раме, образуемой ветвями огромных деревьев, медленно опускался, погружаясь в море, диск цвета раскаленной стали, окрашивая облака сперва в огненно-красные, а затем в пурпурные тона. Начиная с этого вечера мы ежедневно с нетерпением ожидали заката, чтобы еще раз насладиться этой картиной, непередаваемое очарование которой всякий раз было новым.

Мы долго еще оставались на террасе, поддавшись чарам этого вечера, с его глухим рокотом волн, бесконечными гирляндами огней вдоль набережной, мелодичными звуками сирен, доносившимися с пароходов, скользивших по морской глади, которая в свете полной луны отливала серебром, как бы соревнуясь в блеске с величественными снеговыми вершинами. Долго еще мы сидели неподвижно, не в силах прервать очарование этих минут.

В этот вечер милейший наш спутник Александр Иванович Кубышкин, находившийся с нами на террасе, рассказывал нам о жизни, обычаях и легендах здешнего края, помогая лучше понять духовный облик людей, населяющих эти места. Сопровождая нас в этом путешествии, он своими интересными рассказами дополняет все, что мы видим и наблюдаем. Выходец из народа, достигший благодаря своим способностям ответственного поста, он являет собой яркий тип русского человека с его неистощимым юмором и несокрушимым телесным

и душевным здоровьем. В разговоре он то и дело употребляет русские пословицы и поговорки, полные житейской мудрости и здравого смысла.

Утром, любуясь с террасы горами Кавказа, останавливаем взгляд на вершине горы Ахун, куда нам сегодня предстоит подняться. Накануне мы бегло осмотрели Сочи, но только сегодня, проезжая неторопливо через весь курорт, мы имеем возможность по-настоящему оценить его своеобразную красоту.

Выезжаем из города. Шоссе, по которому мы едем, обсажено пальмами, эвкалиптами, кипарисами и другими субтропическими деревьями.

Побережье осталось позади, мы петляем, поднимаясь к вершине горы Ахун, высота которой 656 метров.

Достигнув вершины, взбираемся на башню высотой в 20 метров. Отсюда глазам открывается необозримая ширь. Далеко внизу — море. Когда глядишь с высоты, оно все изборозжено извилистыми полосами течений и напоминает огромное поле с бесчисленными речушками и ручьями. С другой стороны — бесконечные цепи гор, все более высоких. Самые высокие, поднимающиеся на горизонте, достигают четырех-пяти тысяч метров. Они все в снегу, между тем как холмы под нами тонут в зелени мандариновых деревьев, среди которых змейками выются смело проложенные по крутым склонам асфальтированные дороги.

Непрерывно подъезжают открытые автобусы, подвозя радостно возбужденных экскурсантов. Легко знакомимся и заводим дружеский разговор. Расспрашиваю, каковы условия и возможности для желающих путешествовать. Один из экскурсантов, ленинградец, рассказывает нам, что он приобрел в Ленинграде туристскую путевку и за свой отпуск успеет побывать в ряде мест Кавказа. В стоимость путевки включается путь в оба конца, а также питание, гостиницы и экскурсии.

На южной стороне горы Ахун — прекрасно оборудованный ресторан с широкой террасой, где играют музыканты, с танцевальным залом и с многочисленными столовыми залами, которые очень элегантны и содержатся в безукоризненной чистоте.

С террасы ресторана любимемся видом отдаленных долин с их зелеными пастбищами, игрушечными домиками и сеткой извивающихся дорог. Все дышит там ти-

шиной и миром под защитой круто обрывающихся гор, увенчанных вечными снегами.

Пускаемся в обратный путь по той же извивающейся дороге, мимо лугов и рощ с их прелестными осенними красками.

И вот снова Сочи. Проезжаем мимо театра, построенного после революции,— здания с красивой колоннадой.

Живя в Сочи, я убедился, что театральная жизнь бьет здесь ключом. Во время купального сезона, который, кстати сказать, тут очень продолжителен, сюда приезжают на гастроли театральные труппы и художественные ансамбли из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов. Программа очень богата и разнообразна: классические и современные драмы и комедии, много музыки.

Вечером смотрим пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты» в исполнении артистов Центрального театра Советской Армии. Наблюдая публику в зрительном зале, я замечаю в этих разных людях то неуловимое сходство, какое накладывает на лица фамильное родство или одинаково близкое всем общее дело. В спокойном облике этих людей читаешь горделивое сознание, что они честно исполняют свой долг. С тем же спокойным достоинством носят советские люди свои ордена. В Сочи на лицах отдыхающих читаешь: «Чудесно провести отпуск здесь, мы счастливы, но мы и заслужили это, ибо честно исполняли свой трудовой долг».

В стране Советов отдыхом и развлечениями пользуются люди, которые работают. Как это необычно для тех, кто привык к порядкам, царящим в западных странах, где и театры, и другие места развлечений, и курорты — хотя бы, например, те, что расположены на Лазурном Берегу, — переполняет специфическая публика, которая никогда не работает,— привилегия, связанная с богатствами, сосредоточенными в руках немногих.

Жизнь учит нас, что труд без отдыха — это не труд, точно так же, как и отдых без труда не является отдыхом, поскольку отдых — это процесс восстановления физических и духовных сил человека, удовлетворенного тем, что он выполнил свои обязанности, и с легким сердцем пользующегося часами досуга.

Развлечения, предоставляемые отдыхающим тут людям труда, так же способствуют отдыху, как и сама

здешняя природа. На каждую веселую шутку, брошенную со сцены, зрительный зал отвечает взрывом здорового смеха. Это чистосердечный смех народа, который развлекается, глубоко сознавая свое право на это.

Я искал и не мог обнаружить ни одного лица с выражением скуки или пресыщения. Здесь совсем не встречаешь тех одержимых мрачными мыслями людей, которые, чтобы избавиться от тоски, прибегают к всякого рода возбуждающим средствам или азартным играм.

Вспоминаются виденные мной на Западе вереницы рано пресытившихся людей, никогда не знавших никаких забот и имеющих в своем распоряжении средства, доставшиеся им без всякого труда. Эти баловни судьбы бродят по свету без цели, убивают время в увеселительных путешествиях, тщетно стараясь излечиться от специфической и распространенной, как эпидемия, болезни, именуемой сплином. На побережье Средиземного моря встречаешь много подобных господ, гонимых призраком скуки. Немалое их число кончает самоубийством, наполняя своими трупами кладбища Монте-Карло и Ниццы.

Итак — два образа жизни. По одну сторону — обстановка роскоши, довольства и пресыщения жизнью. По другую — любовь к жизни, труду, борьбе, динамизм, мужество и инициатива в разрешении всякого рода проблем, преследующих самые благородные цели. Вот сравнение, на которое наталкивает нас все, что мы видим в Сочи.

Которому же из этих двух образов жизни принадлежит будущее? Тот, кто верит в человечество, не затруднится ответить на этот вопрос.

Курорт Мацеста

Мы посетили Мацесту, курорт с сероводородными источниками, применяемыми с большим успехом при лечении сердечно-сосудистой системы, гинекологических, кожных и некоторых других болезней.

Тысячи мужчин и женщин проходят тут курс лечения, предписанный врачами Сочинского курортного управления.

Новая Мацеста расположена в восьми километрах от Сочи; Старая Мацеста — в одиннадцати километрах

от Сочи и в трех — от моря. Главные источники находятся в Старой Мацесте, где три больших здания оборудованы специально под ванное заведение. Центральный корпус построен в 1937—1940 годах по проекту архитектора Голубева. Здесь имеются современного типа ванные комнаты, а также оборудование для местных процедур (руки, ноги, голова, ингаляции, микроплазмы и пр.). Корпус обслуживает до 7 тысяч больных ежедневно. Недавно я где-то прочел, что теперь летом, в разгар сезона, пропускная способность всех бальнеологических установок достигает уже 5 тысяч полных ванн в сутки и 4 тысяч частичных. Работа кипит в этих бальнеологических учреждениях; непрерывным потоком подходят пациенты.

Для лечения используется вода разной насыщенности — высокой или средней; кроме сероводорода, она содержит углекислоту, метан, азот и небольшое количество йода и брома. Температура воды при выходе на поверхность 23—27°; на глубине, превышающей 1400 метров, температура источников достигает 38°, а содержание сероводорода — 406 мг/л.

Осматриваем и оборудование, существовавшее до революции. В те времена не делали буровых скважин; серные воды, выходящие на поверхность земли в районе Старой Мацесты, собирались в нечто похожее на примитивные гроты, а все оборудование сводилось к четырем деревянным кадкам.

Источники находились тогда во владении частных лиц, которые, получив монопольное право на них, эксплуатировали их самым примитивным образом, как о том свидетельствует виденное нами оборудование. Тем не менее эти бары-грабители взыскивали с больных хорошую плату; не скупясь на усилия, чтобы узаконить свои ничем не оправданные заработки, они в то же время не видели необходимости вкладывать в дело хотя бы небольшие средства. Все это тормозило развитие курорта.

Волна революции смела эти феодальные пережитки, открыв широкий простор для общественной инициативы. От былых гротов и кадок до бальнеологических установок сегодняшнего дня — дистанция поистине огромная. Буровые работы неизмеримо повысили поступление воды, позволив оборудовать, главным образом в

Новой Мацесте, установки самого новейшего типа. Мы осматривали их с большим интересом.

Вернувшись из Мацесты в Сочи, мы оказались в праздничной обстановке: жители выбирали депутата в местный совет.

Безоблачный день и жаркое солнце влекут нас на пляж, и мы, конечно, не устояли от соблазна броситься в объятия морских волн. Уже начинаем привыкать к прикосновению медуз и к игре дельфинов, кувыркающихся на поверхности моря невдалеке от берега и напоминающих веселых акробатов.

Как раз из-за дельфинов нам нередко приходилось наблюдать на лицах наших спутников выражение тревоги и даже порицания всякий раз, когда мы чересчур далеко заплывали в море; с дружеской улыбкой, но очень настойчиво они старались вернуть нас к установленным границам.

К вечеру произошло событие, наиболее значительное за все время нашего пребывания в Сочи. С этим событием связан ряд незабываемых часов, проведенных в семье одного человека. Трудно решить, что привлекало нас больше к нему — чувство личной симпатии или преклонение перед его политической деятельностью. Думаю, что то и другое в равной мере, ибо этот человек одинаково обаятелен и в частной жизни и как общественный деятель.

Однако передаю слово моей дочери Мии, делая выписку из ее путевых заметок:

«В Сочи нас посетил маршал Климент Ефремович Ворошилов. Он проводит здесь свой отпуск, проходя курс лечения на курорте Сочи. Дача его по соседству с нашей. Замечательный человек. Ясный взгляд, спокойные и здравые суждения, простота в выражении мысли, внимание к окружающим, скромность — все это вместе характеризует большого человека».

Позже я узнал, что дача, в которой мы жили, предоставлялась обычно ему на время его отдыха. Видимо, на этот раз допущено исключение, чтобы сделать наше пребывание здесь возможно более приятным.

Вечером смотрим фильм «На арене цирка». Этот цветной советский фильм, безукоризненный как в смысле постановки, так и техники, был нам показан у нас на даче.

Вполне естественно, что после стольких солнечных дней выдался наконец и пасмурный денек с низко навис-

шими тучами. Зато мы имели случай наблюдать на море очень любопытное и неизвестное нам раньше явление — смерч. Смерч на море — это гигантский водяной столб, поднимающийся с поверхности моря до самых облаков; он образуется в результате мощных воздушных течений. Местные жители рассказывают, что вихрь, сопровождающий это явление, обладает огромной силой и, когда проходит вблизи берега, вызывает подчас большие опустошения, сметая на своем пути дома и вырывая с корнем деревья. Естественно, все его боятся; к счастью, смерч редко приближается к берегу.

Когда это грозное явление прекратилось, мы, несмотря на начавшийся дождик, пошли выкупаться. Прибой был так силен, что отбрасывал нас далеко на берег.

Вечером мы присутствовали на эстрадном концерте в городском театре. Программа, включающая скетчи, пение, танцы, балет и выступления жонглеров, была составлена со вкусом и имела огромный успех. Нам особенно понравились: спортивный танец в исполнении Кабанцевой и Титенко, песня о Миссисипи, исполненная певицей с отличным mezzo-сопрано, азербайджанская песня о счастье и свадебная песня, исполненные Верой Плещевой, которая не только превосходно поет, но также декламирует и танцует с большим мастерством. Сатирические номера талантливых Рудакова и Нечаева на темы: критика бюрократизма, критика критики и самокритики, а также посвященные некоторым злободневным вопросам — прошли на высоком художественном уровне.

«Замечание отца: здоровый народ, здоровое искусство», — пишет Мия в своих заметках.

Опять дождь. Но наперекор всему мы снова купаемся. Продолжаем наши упражнения среди разбушевавшейся стихии, соревнуемся в забавных прыжках, увлекаемые волнами, выкидывающими нас на берег, словно огромных рыб. Наше поведение озадачило даже добрейшего нашего друга Кубышкина. После купанья — прогулка на лодке.

Немного позже осматриваем санаторий им. К. Е. Ворошилова. Здание, которому придано сходство с капитанским мостиком корабля, прекрасно гармонирует с окружающей обстановкой. Санаторий расположен на холме и занимает вместе с парком площадь свыше 90 гектаров.

Связь с пляжем, расположенным по другую сторону шоссе, осуществляется специальным фуникулером санатория. Он проходит в туннеле под шоссе и непрерывно доставляет к морю отдыхающих. Санаторий рассчитан на 600—700 человек, имеет богатое и самое совершенное медицинское оборудование и содержится в образцовом порядке. Комнаты для одиночек и квартиры для семейных комфортабельно обставлены и уютны. При каждой имеется ванна и душ. У входа в столовую привлекает внимание очень занятное приспособление для мытья рук, устроенное наподобие артезианского колодца.

Кухня — настоящая фабрика с рядом цехов, находящихся под управлением опытных мастеров кулинарного искусства. Специальный зал для варки супа, другой — для выпечки хлеба, третий — для чистки овощей и т. д.

Старший хлебопек, крепкий семидесятилетний мужчина с круглым румяным лицом, в халате и высоком колпаке безупречной белизны, показывает нам с гордостью, не скрывая удовольствия от нашего посещения, как им организована быстрая и бесперебойная выпечка хлеба. В нашем присутствии он тут же выпек хлеб, соблазнительный вид и свежесть которого сразу пробудили наш аппетит; видимо, угадав это, он с добродушной улыбкой сунул его нам под мышку.

В кондитерском отделе та же чистота и та же отличная постановка дела. Старший кондитер уже 55 лет работает по своей специальности; ныне он услаждает своими шедеврами проводящих здесь отпуск героев Советской Армии.

В столовой я ознакомился с здешними порядками. Имеются отпечатанные меню, составленные на неделю по всем категориям диетического стола. Посетитель делает заказ на завтра, выбирая блюда из этого меню. У каждого свое место за столом. Рядом с салфеткой стоит номерок на подставке. Этот номер вы и указываете, сдавая свой заказ. Благодаря такой системе обед вам подают без промедления, не спрашивая, какие блюда выбрали вы накануне.

Растительность в санаторном парке богатейшая и самая живописная. Это главным образом деревья субтропиков, перевитые цветущими гирляндами гигантских лиан. Аллеи, фонтаны, скамьи — все это содержится в чистоте, доведенной до предела,

Санаториев, подобных этому (например, санаторий шахтеров), немало как в Сочи, так и по всему советскому побережью Черного моря, а особенно вдоль берегов Кавказа. Санаторий шахтеров, расположенный среди парка с богатейшей растительностью, выглядит так же величественно.

Мы поинтересовались, сколько же всего имеется санаториев на живописных склонах этих гор. Оказалось — 67. Но что нас поразило еще больше, это факт — кстати, проверенный нами, — что в этом районе до революции существовало всего лишь семь санаториев. Остальные 60 были созданы уже после свержения царского режима.

Нужно обладать большой долей предвзятости, чтобы не преклониться перед достижениями советского режима, осуществленными в такой относительно короткий срок. Уже один этот факт должен был бы заставить задуматься даже самых закоренелых клеветников, берущих под сомнение творческие возможности советского человека, а ведь то, что мы видели, — лишь незначительная часть в ряду других таких же красноречивых достижений.

В сочинском краеведческом музее мы узнали много интересного о растительном и животном мире этих мест, об ископаемых богатствах, о развитии различных отраслей хозяйства. О многом мы раньше читали, но только видя все собственными глазами, мы получаем истинное представление о щедрости природы этого края и трудолюбию здешних людей. Узнаем, что в Черном море, глубина которого местами доходит до двух километров, обитает примерно 196 видов живых существ, из которых некоторые особо примечательны, например живородящая рыба катран. Узнаем, что в лесах этого края, состоящих из сосновых, буковых, самшитовых, тисовых и других пород, водились некогда зубры. Как и у нас, они вымерли, но теперь благодаря некоторым скрещиваниям в зоологических садах на юге Украины получено уже второе поколение чистокровных зубров. Их пока еще немного, всего пять или шесть экземпляров.

Музей этот свидетельствует о том, что в Советском Союзе созданы кадры специалистов, заботливо охраняющих и изучающих природные богатства страны, столь щедро представленные на этом участке Черноморского побережья.

Дом-музей Николая Островского

Среди ряда музеев Сочи следует упомянуть еще об одном, расположенном в одном из садов на побережье Черного моря. Цитирую по заметкам дочери:

«...В Сочи находится дом-музей писателя Н. А. Островского, автора романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», хорошо знакомых и читателям нашей страны. Дом был построен специально для писателя и подарен ему правительством Украинской республики. Позднее, когда дом был превращен в музей, к нему была сделана пристройка.

Короткая, но чрезвычайно плодотворная жизнь Николая Алексеевича Островского (1904—1936) служит ярким примером борьбы, мужества и преданности народу. Четырнадцать лет от роду он уже участвует в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Украине. 20 июля 1919 года Островский вступает в комсомол одним из первых в родном городе. Его комсомольский билет хранится в этом доме-музее. Все знавшие его говорят о его необыкновенно прямом характере. В характеристике, написанной при вступлении его в партию (1924), также хранящейся в музее, между прочим, сказано: «склок не любит».

Как простой боец он сражался в рядах Красной Армии — сперва в дивизии Котовского, а затем в Первой конной, под командой другого славного сына Украины — Буденного, ныне маршала. В 1920 году был тяжело ранен, а по выздоровлении отдавал все силы работе по восстановлению страны. К несчастью, в 1924 году он заболевает очень тяжелой болезнью, вызвавшей окостенение суставов, а в дальнейшем также и полную потерю зрения.

Но мужество и боевой дух его не были сломлены ни тяжкими мучениями, ни полной неподвижностью, на которую обрекла его болезнь. В обращении к своим читателям, переданном по радио 12 октября 1935 года из комнаты в Сочи (комната эта сохраняется в том виде, как она была в то время, когда он, беспомощный, лежал в ней), он говорит: «Если бы кто-нибудь спросил меня, в чем наибольшее счастье человека, я ответил бы: это счастье работать в нашей великой Советской стране, это бороться за дело социализма...» Он боролся с болезнью, так как любил жизнь, боролся, чтобы найти возможность служить и дальше народу. Так ему пришла мысль записать собы-

тия, свидетелем и участником которых он был, чтобы его опыт содействовал воспитанию советских людей, а особенно молодежи. И все это — уже будучи слепым, не имея даже возможности перечитать текст, пользуясь исключительно своей изумительной памятью. Помогали ему его мать и сестра. В музее хранится его книга (один из первых экземпляров романа «Как закалялась сталь») с такой надписью: «Ольге Осиповне Островской, моей матери, бессменной ударнице и верному моему часовому. 22 декабря 1932 года»; и другой экземпляр, подаренный лечившему его врачу: «Дорогому Ивану Сергеевичу Персиану от человека, который никогда не был и никогда не будет по-настоящему больным» (в ноябре 1935 года, то есть совсем незадолго до смерти).

Когда роман «Как закалялась сталь» вышел из печати (1932), Островский в таких словах выразил охватившую его радость: «Дверь жизни широко распахнулась передо мной. Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась... Жизнь моя теперь наполнена до краев. Вперед, к труду, за рост и достижения! Пожмите крепко мои руки, товарищи! Моя победа — ваша победа! Слышите, как горячо стучит мое сердце?»

Так, сменив винтовку на перо, Островский вернулся в ряды борцов за построение новой жизни.

Роман «Как закалялась сталь» — это в сущности его автобиография в художественной форме. В лице Павла Корчагина, героя романа, Островский стремился (и это ему удалось) дать образ молодого борца, который мог бы служить примером для молодежи. Вот как смотрит Павел Корчагин на жизнь: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: «Вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить».

Книга Островского имела огромное влияние на советскую молодежь. В годы Великой Отечественной войны во многих частях Советской Армии вошло в обычай называть «корчагинцами» лучших бойцов.

В этом музее хранится несколько документов, удостоверяющих присвоение звания «корчагинец», а также по-

слания юных советских героев, посвященные памяти Островского.

Среди многих других имеется послание Зины Тусноловой, потерявшей на войне руки и ноги. Она рассказывает, какое влияние оказал на нее пример Николая Островского, уже после того, как она сделалась инвалидом. Для многих из числа советской молодежи лозунгом жизни стало: «Жить и работать, как Павел Корчагин». Такими словами заканчивает, например, свое письмо от 26 марта 1944 года, адресованное сестре Островского, заведующей музеем, один юный комсомолец.

Мы видели тут снимок дома, в котором родился Николай Островский (29 сентября 1904 года), а также удостоверение, выданное в Шепетовке 3 июля 1920 года, в котором ему поручалось собирать книги для организуемой комсомольской библиотеки; здесь же копия грамоты Реввоенсовета СССР от 5 мая 1928 года о награждении Ленинского комсомола орденом Красного Знамени за боевые заслуги и многие другие документы.

Выходим из музея, пожав с благодарностью руку сестре Островского, благожелательно настроенной и крайне внимательной женщине, сопровождавшей нас по залам музея и дававшей самые подробные объяснения. Вся ее жизнь посвящена памяти брата.

Вечером были с ответным визитом у нашего милого соседа, маршала Ворошилова. Мы нашли его в кругу семьи, как это и подобает хорошему отцу и деду. Жена его Екатерина и невестка Надежда Константиновна много содействуют атмосфере теплого гостеприимства, царящего в этом доме.

Сегодня мы снова отправились в огромный местный парк культуры и отдыха. Парк этот содержится так же заботливо, как и все парки, виденные нами; здесь имеются спортивные площадки, залы кино, киоски, плакаты, но главным украшением его являются великолепные аллеи с цветами всевозможных оттенков и растениями, характерными для этого края, которые своей красотой ставят этот парк на первое место среди всех прочих. Аллеи полны публики, все скамьи заняты. Необычайное разнообразие типов: многие прибыли из отдаленных краев страны и привлекают внимание своей живописной одеждой. Люди

здесь самых различных профессий, однако большинство, по-видимому, составляют заводские рабочие и шахтеры, а также инвалиды войны.

Беседуя с ними, я узнал, что многие приезжали сюда уже не раз, проходя курс лечения в санаториях Сочи и Мацесты, помогающих им избавиться от закоренелых болезней. Между тем как раньше, говорят они, мы могли передвигаться лишь с помощью костылей, теперь мы уже ходим на собственных ногах, опираясь только на трость. Они полны признательности к тем, кто их лечит, и подробно рассказывают о достигнутых результатах. Все они не сомневаются в пользе здешнего лечения и настроены очень оптимистично, что в свою очередь помогает им одолевать свои недуги.

Экскурсия в тисо-самшитовую рощу, расположенную недалеко от Сочи. Проникая все глубже в этот поистине девственный лес по все более извилистым тропам, входим в соприкосновение с отдаленнейшими веками, веющими на нас, жалких смертных, дыханием тысячелетней древности — древности, почти граничащей с вечностью.

Самшит — огромное декоративное дерево, живущее 500—600 лет. Древесина его необыкновенно тверда, а листья вечно зелены. Из самшита, как и из тиса, с которым самшит чередуется в этом лесу и с которым он находится в родстве (тис — дерево, живущее до 4 тысяч лет, с красной древесиной и красными же мелкими плодами), выделывают разные декоративные предметы домашнего обихода (мебель и пр.).

Продвигаясь все дальше в глубь леса, попадаем в настоящий лабиринт. Самшит растет густо, стволы его увиты лианами и одеты волокнистым мхом; корни подчас выходят на поверхность и похожи на извивающихся змей. Все это создает атмосферу сказки.

Временами стволы расступаются, открывая чудесный вид на Кавказские горы, а то вдруг перед нами возникает пропасть, и мы боязливо ступаем по узеньким мосткам, словно повисшим в воздухе.

По краю леса растут, кроме тиса, вековые дубы и буки. Они очень живописны в ярких лучах солнца.

Покинув этот сказочный мир, едем вдоль берега, минуем реку Хосту и приближаемся к Адлеру. Проезжаем

мимо огромной птицефермы, поставляющей свою продукцию во все прибрежные курорты района. Настоящая фабрика птицы; по-русски она так и зовется — «Птице-завод».

Адлер — это громадный совхоз, выращивающий южные культуры и снабжающий все побережье и другие области страны семенным, черенковым и посадочным материалом.

В обширном и живописном Адлерском парке произрастают тысячи самых разнообразных кустов и деревьев, завезенных сюда со всего земного шара. Специалист, конечно, дольше бы задержался возле них и, вероятно, смотрел бы на них другими глазами, нас же привлекали только самые редкие, самые диковинные экземпляры: гигантская дугласова пихта, родом из западных штатов Америки, где она достигает 90 метров высоты (из одного такого ствола можно изготовить мебель для четырнадцати комнат); гинкга — дерево, почитаемое на Востоке священным: под ним принимают самых почетных гостей; болотный кипарис; стеркулия, привезенная из Китая; ликвидамбар, родом из Греции, — из него американцы изготавливают свою жевательную резину; туя, называемая по-русски «деревом свиданий»; секвойя, родом из Калифорнии, где она достигает 100 метров высоты и живет до 4—5 тысяч лет, и т. д.

Размеры и долголетие этих деревьев поражают воображение европейца. Георгий Эдмондович, заведующий этого богатейшего ботанического парка, — пожилой и очень знающий человек, страстный исследователь; с отцовской нежностью заботится он о деревьях, вывезенных сюда с других континентов.

Прежде чем распрощаться с нами, Георгий Эдмондович провожает нас по чудесной аллее, ведущей к морю. Уже вечерет. Набегающие сумерки еще усиливают обаяние этого райского уголка.

К озеру Рица

Настал долгожданный день экскурсии, обещающий нам столько разнообразных сюрпризов. Отправляемся к высокогорному озеру Рица. Утром выезжаем из Сочи в автомобиле и первые 60 километров, до Адлера, едем знакомыми местами.

Дорога, которая вьется вдоль побережья, взбегая порой зигзагами на холмы, покрытые богатейшей растительностью, становится все более живописной. Это просторная, отличная автострада, обсаженная елями, пальмами и эвкалиптами.

Местами на развилках и поворотах шоссе видны укрытия для персонала, регулирующего движение, в виде ярко окрашенного и похожего на гриб деревянного зонтика, защищающего как от солнца, так и от дождя. Вдоль шоссе много скамеек и беседок.

Проехав речку Псоу, попадаем в Абхазскую автономную республику, входящую в состав Грузинской ССР и занимающую северо-западную часть ее территории. Цветущий, непрерывно развивающийся край. Трудолюбие его населения не уступает щедрости здешней природы. В Сухуми, столице Абхазии, строится мощная гидростанция, которая поднимет еще выше благосостояние республики.

На остановках беседуем с местными жителями, знакомимся с некоторыми особенностями решения национальной проблемы в СССР. С 1937 года Абхазия, как и все другие автономные республики, имеет собственную конституцию и собственные органы государственной власти, а именно Верховный Совет автономной республики с его Президиумом, Совет Министров, районные и местные Советы.

Указатели вдоль шоссе меняются: теперь сверху — надписи на абхазском и грузинском языках, ниже — на русском. По внешности здешние жители сходны с грузинами — смуглый, румяный, здоровый народ. Говорят, они очень долговечны. Старики носят на голове большой тюрбан, а молодые — род квадратного платка, слегка свисающего назад и дополняющего их живописный костюм.

Привлекаемый бодрым видом стариков, имеющих никак не меньше столетия за плечами, я заговаривал с ними, а с некоторыми успел даже подружиться.

Помню, что сказал мне один из них, дружелюбно улыбаясь и похлопывая меня по плечу: «Поздно вставать по утрам, пить и болтать с глупцами в полдень — это значит тратить попусту свои дни и преждевременно состариться».

В свою очередь и я рекомендую вставать до рассвета, не пить в течение дня, не терять времени на разговоры с пустыми людьми, с упрямыми, не желающими видеть ничего хорошего и разумного (а таких еще немало), ибо

всегда найдешь людей здравомыслящих, готовых поддержать дружеский разговор и дать дельный совет.

Миновав Гантиади, въезжаем в Гагру. Этот курорт своей красотой, богатством растительности и изяществом дач смело может соперничать с Сочи.

Здесь мы прошлись по бульвару, обсаженному пальмами, затем спустились к морю. На пристани у нас завязался оживленный разговор с местными рабочими. Мне хотелось познакомиться с их бытом, и на все вопросы я получал исчерпывающий ответ.

Пускаемся снова в дорогу по все более круто петляющему шоссе. Этот самый извилистый участок пути, носящий название Тещин язык, может привести в ужас слабонервного туриста. Глядя на отвесные скалы, встающие перед нами по одну сторону, и бездонные пропасти — по другую, начинаем понимать, почему эти места получили такое странное прозвище.

Проезжаем через Колхиду. Здесь, по словам сопровождающих нас лиц, еще недавно были сплошные болота, но за годы второй пятилетки район этот был превращен в богатейший плодовой сад.

Вдали виден мыс Пицунда; здесь находится самый большой на этом побережье совхоз цитрусовых и фиговых культур.

Доехав до реки Бзыбь, сворачиваем с главного шоссе, которое уходит за мостом в сторону Сухуми и Батуми, и углубляемся в горы, держась правого берега этой реки. Проезжаем несколько новых селений с колхозными домами, построенными в своеобразном, весьма грациозном стиле, с изящными балконами; вокруг них — мандариновые и лимонные сады и табачные плантации.

В этом районе много горных озер.

У Голубого озера делаем короткую остановку. Любуемся чудесной окраской его воды, наполняющей созданный природой бассейн среди серых скал. Далее следуем долиной реки Гега. Горы громоздятся все выше. Въезжаем в туннель, пробитый в скале, и попадаем в теснину Юпшарских ворот. Дорога проходит здесь по дефиле среди отвесных скал, поднимающихся на высоту 400 и более метров. Рядом с шоссе шумят горные ручьи. Останавливаемся, чтобы полюбоваться единственным в своем роде видом — узкой полоской неба между двумя стенами опромных скал. Вглядевшись, различаем ряды елей, ка-

рабкаяющихся по уступам этих скал; некоторые из этих деревьев нависают над бездной и, кажется, готовы сорваться в любой момент. Нельзя не восхищаться смелостью людей, пролагавших здесь путь.

Озеро Рица

После перевала дорога пошла вниз. Приближаемся к озеру. Мы так много слышали о нем, что теперь напрягаем зрение, чтобы ничего не упустить из картины, которая должна перед нами открыться. И вот на одном из поворотов озеро Рица предстает нашим глазам во всем своем величии.

Остановившись на берегу, среди дач и домов отдыха, построенных с большим вкусом, видим здание гостиницы современного типа, расположенное на южной стороне озера. Осматриваем эту гостиницу. Террасы ее находятся у самой воды, так что обитателям гостиницы, желающим выкупаться или заняться водным спортом, остается только сойти по ступеням.

Внутренний вид гостиницы, комфортабельно обставленной, светлой, ослепительной чистоты, побуждает нас остановиться именно здесь. Однако наш друг, Александр Александрович, говорит нам с застенчивой улыбкой: «Нас ожидают в другом месте, еще более красивом».

Продолжаем путь по берегу озера, не переставая восхищаться картинами, открывающимися нашему взору. Озеро Рица расположено на высоте 950 метров над уровнем моря. Ширина его — от 425 до 1000 метров, длина — около 2700 метров; оно окружено рядами гор, все более высоких, доходящих до 3000 и даже 3500 метров.

Горы круто поднимаются под синим небосводом, отражаясь в зеркальной глади озера. Буковые рощи у их подножия стоят в осеннем золотисто-желтом уборе, выше темнеет зелень елок, а еще выше ослепительно сверкает снег, который покрывает вершины, спускаясь, однако, местами почти до буковых рощ.

Ровная белизна снега, сверкающего в лучах солнца, темно-голубое небо, зеленый и золотисто-желтый наряд лесов — все это отражается в озере, создавая единственную в своем роде картину, от которой трудно оторваться.

Однако время летит, и наши провожатые предлагают продолжать путь. Развив скорость, прибываем на южный

берег озера — укрытое и укромное место в тени гор, возвышающихся над ним.

Видим прелестный, из дерева и камня, уединенный дом с террасами; одна его часть, построенная только из дерева и обращенная к озеру, как бы плавает в воде. Вскоре мы убедились, что она действительно построена на понтонах и связана небольшим мостиком с главным зданием на берегу.

При доме большой цветник и фруктовый сад.

Входим в обширный холл, откуда нас вводят в светлые комнаты, обставленные скромно, но с большим вкусом. С балкона открывается вид на горы и озеро. Рассаживаемся в стоящие вокруг круглого стола кресла и не можем оторвать глаз от чарующего зрелища.

С той же застенчивой улыбкой наш спутник предлагает нам отдохнуть здесь в качестве гостей И. В. Сталина. Узнаем, что сюда приезжает он на отдых или для работы в спокойной обстановке.

Все в этом доме скромно, но уютно и привлекательно. Рабочие комнаты и гостиные, биллиардная, плавучий павильон, цветник и фруктовый сад создают чудесные условия для отдыха и работы.

Сталин был здесь и этим летом, но, к сожалению, незадолго до нашего приезда вынужден был по состоянию здоровья переехать в один из санаториев близ Москвы.

Чувствуя во всем до мелочей необычайную теплоту гостеприимства и необыкновенное внимание и догадываясь, что все эти меры диктуются за тысячи километров отсюда, пытаемся свести до минимума наши требования; однако нам неизменно по-приятельски говорят: «Нужно, чтобы вы чувствовали себя здесь как можно лучше».

Чудесное осеннее солнце зовет нас в сад с его богатым урожаем фруктов и золотистой листвой.

Из сада проходим в павильон, построенный на понтонах. Затем, спустившись с его террасы, усаживаемся в моторный катер и мчимся по глади озера вдоль берегов.

Останавливаемся перед высокой горой, на склоне которой возвышается промадный, высотой до 70 метров скалистый столб в форме большого пальца руки. Столб этот так и зовется — Чертов палец, а сама гора называется Пшегишхва.

Любуемся домами отдыха, расположенными на северном берегу озера, под сенью вековых деревьев и обрыви-

стых гор. Они окружены чудесными цветниками, спускающимися до самой воды.

Сопровождающие нас местные жители (и в их числе матрос, управляющий катером, видимо тоже абхазец) настроены дружелюбно, общительны и очень гордятся своим райским уголком. Они рассказывают нам, что во время гитлеровского нашествия захватчики пытались пробиться и сюда. Указывают направление, где, в нескольких десятках километров от озера, находится населенный пункт Псху, до которого доходили части гитлеровской армии. Они пробовали проникнуть сюда долиной одной из речек, но были остановлены частями Советской Армии и партизанскими отрядами грузин и абхазцев.

Нам подробно и с законной гордостью рассказывают о том, как мужественно боролось с захватчиком местное население. В дни Великой Отечественной войны свыше семи тысяч абхазцев было награждено медалью «За оборону Кавказа», а тринадцать сынов этого народа были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Восторженное выражение на лицах наших собеседников говорит лучше всяких слов, что в душах их так же горячи и сегодня героические чувства, одушевлявшие их в дни защиты родины.

Проведя несколько часов на озере Рица и в гостеприимном доме на его берегу, обогащенные впечатлениями, пускаемся в обратный путь.

Вновь въезжаем в теснину Юпшарских ворот, снова видим те же фантастические нагромождения скал уже в сумеречном освещении. Но вот прорываемся к морю. Уже стемнело. Мчимся по автостраде через Гагру, и нас заливают феерический свет фонарей, расставленных по обе стороны шоссе на участке в 4—5 километров.

Цветы на клумбах при электрическом свете кажутся еще более фантастическими. Гирлянды фонарей на лесистых склонах отражаются в море. Мы словно путники, попавшие в сказочный лес. Наконец въезжаем в Сочи.

Следующий день проходит спокойно. Спустившись в город, вливаемся в поток пешеходов. Пересекаем город во всех направлениях, бродим по бульварам с их пышными цветочными клумбами. Останавливаемся перед киосками, заходим в магазины вместе с другими отдыхающими, то и дело вступаем в разговор с ними. Они отвечают охотно и

дружелюбно и на все наши вопросы дают самые подробные пояснения.

Так мы проводим несколько часов и только к вечеру возвращаемся к себе. Неторопливо проходим по аллее эвкалиптов, ведущей к нашему дому, любуясь их грациозными очертаниями в свете полной луны. Вместе с дуновением морского ветерка вдыхаем аромат роскошной и буйной растительности. День заканчивается просмотром фильма «Выборгская сторона».

Так же спокойно, согласно обычной программе, проходит и еще один день. Вечером по приглашению нашего доброго соседа, маршала Климента Ефремовича Ворошилова, присутствуем вместе с ним и его семьей на показе фильмов «Смелые люди» и «Медведь» (этот последний создан по одноименной пьесе Чехова).

Фильм «Смелые люди», показывающий патриотические подвиги казаков и их высокое мастерство в искусстве зерховой езды и владения саблей, нас чрезвычайно заинтересовал.

Маршалу Ворошилову все это хорошо знакомо. Чувствую это, глядя в его голубые глаза, отражающие мягкую и открытую душу. Он сам был участником событий этой бурной эпохи, сражаясь рядом с другими ее героями.

Из его отрывочных замечаний перед нами встала история жизни этого человека — жизни суровой, но постоянно согреваемой любовью к людям, жизни человека, наделенного таким же пылким сердцем, как у этих казаков, сроднившихся со своей степью и конями.

Вид этих коней на экране, маневрирующих с такой легкостью и быстротой на поле боя, увлек его. В антрактах он нам много рассказывал о замечательных качествах и характере этих животных. Вспоминал время, когда он находился на обучении у кузнеца и должен был ездить степью за почтой. Слушаем его и начинаем понимать, как из хрупкого мальчика, друга степных соколов, познавшего уже на заре жизни все ее тяготы, выковался и закалился борец и полководец — нынешний маршал Ворошилов.

В одну из таких поездок он изрядно отхлестал упрямого коня, и тот, казалось, покорился. Но когда, вернувшись домой на взмыленном коне, он хотел отвести его в конюшню, тот вцепился зубами ему в папаху, захватив вместе с папахой и волосы, и стал трясти, как бы дружески укоряя его.

Другой случай, рассказанный им, относится уже к периоду службы в армии. Нервный и норовистый конь сдерживаемый искусным ездоком, испытал на себе, то ли на маневрах, то ли на смотре, хлыст и шпоры, впивавшиеся ему в бока в большей мере, чем обычно. Когда же всадник спешился и хотел в знак примирения погладить коня по храпу, тот вдруг взвился на дыбы и занес передние копыта над его головой, а затем, чуть не коснувшись его лица, с силой опустил их, не позволяя себе его задеть, но как бы предупреждая, что мог бы, если б захотел, посчитаться с хозяином.

Действие на экране продолжает развиваться. Мы видим, как в разгар боя раненый всадник падает с коня и уже не в силах подняться. Но тут конь резко останавливается и ложится рядом со своим хозяином, чтобы тот мог взобраться на седло.

Параллельно с развитием фильма бегут и наши мысли. Казаки, хозяева этих коней, хранят в душе память вековых волнений и борьбы, которая связывает их кровно с любимой родной землей, с традициями предков, с верными конями — их боевыми товарищами. Этим людям свойственны черты, поднимающие их на самую высокую ступень патриотизма, героизма и любви к жизни.

Вот почему никакая сила на протяжении веков — ни великое переселение народов, ни нашествия татар и гуннов, ни меченосцы, ни Карл XII шведский, ни Наполеон, со своей разноплеменной армией, ни, наконец, грозная военная машина Гитлера, — ничто не в силах было оторвать их от родных степей, изгнать из долин и гор их родины.

Когда я слушал овеянные теплотой рассказы Ворошилова о конях, меня охватило чувство любви к ним и мне казалось, что я уже читал где-то об этой нежной привязанности сынов степей. Позже я вспоминал источник и нашел это место в «Тихом Доне» Шолохова. Приведу эти строки, поскольку они связаны с впечатлениями от виденного фильма и разговоров с Ворошиловым.

Героем книги Шолохова является народ — казаки, сроднившиеся со своей степью. В той же мере привязаны они и к умным и верным своим спутникам в пути и в бою: казак и его конь составляют одно неразрывное целое в безбрежной степи.

Вот это описание Шолохова, редкое по красоте, которое не устаешь перечитывать:

«У него маленькая сухая змеиная голова. Уши мелкие и подвижны. Грудные мускулы развиты до предела. Ноги тонкие, сильные, бабки безупречны, копыта отточены, как речной голыш. Зад чуть висловат, хвост мочалист. Он — кровный донец. Мало того: он очень высоких кровей, в жилах его ни капли иномеси, и порода видна во всем. Кличка его Мальбрук.

На водопое он, защищая свою матку, бился с другим, более сильным и старым жеребцом, и тот сильно зашиб ему левую переднюю ногу, несмотря на то, что жеребцы на попасе всегда раскованы. Они вставали на дыбы, прызли друг друга, били передними ногами, рвали один другому кожу...

Атарщика возле не было, — он спал в степи, подставив солнцу спину и раскоряченные ноги в пыльных накаленных сапогах. Противник свалил Мальбрука на землю, потом гнал далеко-далеко от косяка и, оставив там, истекающего кровью, занял оба косяка, увел вдоль по обочине Топкой балки.

Раненого жеребца поставили на конюшню, фельдшер залечил ему ушибленную ногу. А на шестой день Мишка Кошевой, приехавший к смотрителю с докладом, стал свидетелем того, как Мальбрук, управляемый могучим инстинктом продолжателя рода, перепрыгнул чумбур, выскочил из станка и, захватив пасшихся возле казармы стреноженных кобылиц, на которых ездили атарщики, смотритель и фельдшер, погнал их в степь — сначала рысью, потом начал покусывать отстававших, торопить. Атарщики и смотритель выскочили из казармы, слышали только, как на кобылицах звучно лопались живцы.

— Спешил нас, проклятый сын!..

Смотритель выругался, но смотрел вслед удаляющимся лошадям не без тайного одобрения.

В полдень Мальбрук привел и поставил лошадей на водопой. Маток отняли у него пешие атарщики, а самого, заседлав, увел Мишка в степь и пустил в прежний косяк.

За два месяца службы в атарщиках Кошевой внимательно изучил жизнь лошадей на отводе; изу-

чил и проникся глубоким уважением к их уму и нелюдскому благородству. На его глазах покрывались матки; и этот извечный акт, совершаемый в первобытных условиях, был так естественно-целомудрен и прост, что невольно рождал в уме Кошевого противопоставления не в пользу людей. Но много было в отношениях лошадей и людского. Например, замечал Мишка, что стареющий жеребец Бахарь, неукротимо злой и грубоватый в обращении с кобылицами, выделял одну рыжую четырехлетнюю красавицу, с широкой прозвездью во лбу и горячими глазами. Он всегда был около нее встревожен и волнуяще резок, всегда обнюхивал ее с особенным, сдержанным и страстным похрапом. Он любил на стоянке класть свою злую голову на круп любимой кобылицы и дремать так подолгу. Мишка смотрел на него со стороны, видел, как под тонкой кожей жеребца вяло играют связки мускулов, и ему казалось, что Бахарь любит эту кобылицу по-старчески безнадежно-крепко и грустно».

Как чудесно описана эта жизнь в степи и, в частности, судьба благородного животного! Строки эти, в которых получил выражение такой возвышенный взгляд на жизнь, дают проникнуть в самую ее сокровенную суть.

Славный сын советского народа

Виденные нами советские фильмы и навеянные ими размышления, а также вечера, проведенные в семье Ворошилова, составили прекрасную главу в нашем, столь богатым впечатлениями, пребывании в Сочи.

Вполне понятно поэтому сожаление, с каким расставались мы с этим чудесным человеком и его семьей, и наше горячее желание отплатить ему за внимание и теплое гостеприимство.

Однако воспоминания о днях, проведенных в Сочи в обществе Ворошилова, продолжают занимать мои мысли. Позднее из различных источников я собрал очень поучительные данные о его жизни, а также некоторые факты, характеризующие этого советского человека и революционера, и сейчас я не могу удержаться от соблазна привести некоторые из них, тем более что я узнал его лично и познакомился с народом его страны.

Ворошилов родился в 1881 году в одной из деревень Днепропетровской области в семье железнодорожного рабочего; детство у него было тяжелое: шести-семи лет он уже поступает на шахты, где работает на выборке колчедана, а в десять лет вместе с отцом пасет скот у помещика; затем становится батраком у одного кулака, откуда снова возвращается на рудник.

В сельской школе, куда он поступил двенадцати лет, он учился только две зимы, а в пятнадцать поступил на металлургический завод в Алчевске. Здесь-то и начал он свою революционную деятельность, вступив одним из первых в социал-демократический кружок, созданный на заводе.

Спустя три года, то есть когда ему исполнилось восемнадцать лет, он становится во главе стачки крановщиков чугунолитейного цеха. Дело кончается арестом и увольнением с завода. Имя его полиция заносит в «черные списки».

Еще через три года благодаря мужеству и упорству ему удается вернуться на тот же завод, где он с еще большим пылом принимается за пропагандистскую и организаторскую работу и восстанавливает социал-демократическую организацию.

Снова уволенный, он продолжает политическую работу в других промышленных центрах Донбасса и в возрасте двадцати трех лет становится членом большевистского комитета в Луганске.

Революция 1905 года застаёт его — одного из основателей большевистской партии — в первых рядах революционных рабочих Донбасса; Луганск становится центром революционного движения в Донбассе.

...Неутомимый организатор стачек, он в то же время ведет революционную пропаганду и среди крестьян окрестных сел, часто посещая их. Вскоре его избирают главой Луганского совета рабочих депутатов — одного из первых Советов в России.

Снова арест, но ввиду энергичного протеста рабочих его выпускают; спустя год, когда царские власти решили судить организаторов революционного движения в Луганске, рабочие ворвались в зал суда и вырвали Ворошилова вместе с его товарищами из когтей царской юстиции.

На IV съезде Российской социал-демократической рабочей партии он впервые встречается с В. И. Лениным,

Аресты, побегы, ссылки (в Архангельск и другие места) чередуются в жизни этого молодого, но уже закаленного революционера. Ему поручают задания большой важности.

Ворошилов — активный участник Великой Октябрьской революции, разгрома интервентов и белогвардейцев. После смерти Фрунзе он становится во главе вооруженных сил СССР, назначается народным комиссаром по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета и, наконец, получает звание маршала Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны входит в Государственный Комитет Обороны, участвуя в разработке и осуществлении планов крупнейших военных операций.

На другой день утром внимание наше привлекает появившееся в море громадное судно. В Сочинский порт величественно входит дизель-электроход «Россия». Он переполнен пассажирами, среди которых много туристов. Спешим на автомобиле в порт. Тепло встреченные капитаном, знакомимся с людьми и осматриваем судно.

Слаженные действия механиков в трюме у необыкновенно сложных машин и всех моряков на борту, прекрасное обслуживание пассажиров в ресторанах и элегантных салонах, чистота и порядок на судне — все говорит об образцовой дисциплине, о сознательном отношении каждого к своим обязанностям. Все это делает необыкновенно заманчивым путешествие на таком судне.

Часть следующего дня мы посвятили осмотру сочинского Дендрария. Говорят, что это один из известнейших ботанических садов в Советском Союзе. Вместе с множеством других посетителей любуемся красотами этого «земного рая». Богатейшая растительность, стройные пальмы чередуются с фонтанами, с террасами, окруженными изящными колоннадами.

Вечером, уже при свете фонарей, спешим выкупаться в последний раз. Вода кажется нам еще более чудесной, чем обычно, и тем грустнее нам покидать Сочи.

В этот же вечер пускаемся в дальний путь.

Кубанская степь

Поезд с грохотом проходит мимо Армавира и выносит нас в кубанскую степь. Первые лучи солнца озаряют равнину без воды и деревьев. Глазу не на чем остановиться. Лишь самая скудная растительность покрывает в данное время года это безбрежное пространство, да редко-редко появится какое-нибудь живое существо. В отдалении, как мираж, возникают порой неясные очертания населенных пунктов.

Заброшенные в эту пустыню после сочинских райских садов, мы наконец вздыхаем с облегчением, прибыв к полудню в Тихорецк — большой железнодорожный узел и местный торговый центр.

Желая ознакомиться, как живут люди в этой пустыне, мы задерживаемся здесь на несколько часов.

Обойдя привокзальный парк, посреди которого возвышается памятник в честь героев, павших в войне с фашистами, пускаемся по необычайно широким и длинным улицам этого городка. Мы решили идти пешком, чтобы побольше увидеть. Своей правильной планировкой Тихорецк напоминает большие села в нашем Банате, но здесь гораздо больше движения и улицы мощные; общественные здания содержатся в образцовом порядке.

Особенно приятное впечатление производит Дворец комсомола, который мы посетили. Наглядная агитация ведется с помощью плакатов, фотографий, стенгазет, рисунков и графиков, дающих живое представление о всех достижениях области.

В городе много школ, клубов, кинотеатров. Культурная жизнь, видимо, бьет ключом. Везде очень чисто,

(начиная от магазинов и кончая парикмахерскими. Белый халат женщины-парикмахера (в Советском Союзе немало женщин занято в этой профессии) так же безупречно чист, как и халаты ее коллег где-нибудь в центре Москвы.

Мы беседовали со многими жителями самого разного общественного положения и возраста, с мужчинами и женщинами, побывали у них на квартирах. Останавливаемся перед церковью. Она заново оштукатурена, купола сверкают новым кровельным железом, но стиль постройки выдает ее древность. Нам объясняют, что в ходе восстановления города, разрушенного гитлеровцами, местный совет восстановил и ее.

Наблюдая природу и людей этих мест, я чувствовал странное противоречие. Эта суровая, бесприютная степь — чем, как не злой мачехой, способна она быть для человека? А между тем люди, которых я видел, поражали своим здоровьем и жизнерадостностью. Когда я выразил свои мысли вслух, то получил такой ответ: здешние люди глубоко сроднились с этой жизнью в степи, и с нею неразрывно связаны их духовные запросы, вековые привычки и обычаи. И я подумал: как знать, если бы здешние люди были вырваны из этих привычных для них условий существования, быть может, жизнь показалась бы им лишенной всякого смысла и прелести. Не отсюда ли и героизм, с которым они всегда, а особенно в дни последней войны, защищали эту святую для них землю?

Но вот мы снова в поезде и вновь несемся быстрее ветра.

Весь остаток дня, глядя на кубанскую степь, проносящуюся за окном, снова воскрешаем в памяти замечательные страницы «Тихого Дона», рассказывающие о любви казака к этой степи, и сами переносимся душой в эту жизнь. За свою степь боролся, свою степь воспевал казак.

Привожу отрывок, которым не могу начитаться — так это красиво.

«Вызрел ковыль. Степь на многие версты оделась колышущимся серебром. Ветер упруго приминал его, наплывая, шершавил, бутрил, гнал то к югу, то к западу сизо-опаловые волны. Там, где пробегала текучая воздушная струя, ковыль

молитвенно клонился, и на седой его хребтине долго лежала чернеющая тропа.

Отцвели разномастные травы. На гребнях никла безрадостная выгоревшая полынь. Короткие ночи истлевали быстро. По ночам на обугленно-черном небе несчетные сияли звезды; месяц — казачье солнышко, темнея ущербленной боковиной, светил скупно, бело; просторный Млечный Шлях сплетался с иными звездными путями. Терпкий воздух был густ, ветер сух, полынен; земля, напитанная все той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладе. Зыбились гордые звездные шляхи, не попранные ни копытом, ни ногой; пшеничная россыпь звезд гибла на сухом, черноземно-черном небе, не всходя и не радуя ростками; месяц — обсохлым солончаком, а по степи — сушь, сгибающая трава, и по ней белый неумолчный перепелиный бой да металлический звон кузнечиков.

А днями — зной, духота, мглистое курево. На выцветшей голубени неба — нещадное солнце, безтучье да коричневые стальные полудужья распростертых крыльев коршуна. По степи блестяще, неотразимо сияет ковыль, дымится бурая, верблюжьей окраски, горячая трава; коршун, кренясь, плывет в голубом, — внизу, по траве неслышно скользит его огромная тень.

Суслики свистят истомно и хрипло. На желтеющих парных отвалах нор дремлют сурки. Степь горяча, но мертва, и все окружающее прозрачно-недвижимо. Даже курган синее на грани видимо сказочно и невнятно, как во сне...»

Эта степь так чудесно вдохновила Шолохова:

«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы в мудром молчании, берегущие зарытую казачью

славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

К вечеру вид местности начинает меняться: вдоль полотна справа и слева тянутся тщательно возделанные поля, колхозные деревни с большими, вместительными амбарами, часто мелькают машинно-тракторные станции, и, наконец, видим молодые защитные лесонасаждения, которые в недалеком будущем дадут возможность во много раз увеличить богатства этого края.

Поздно ночью минуем Сальск, большой степной город; вокзал его залит ярким электрическим светом.

Всю ночь двигаемся вперед. Раннее утро застает нас снова в степи, но здесь она опять меняет свой облик. Масса травы — особенно жесткой, верхушки которой — вроде колючек. Суховей, иногда беспощадный в этом крае, отрывает от стебля эти шарообразные растения и катит по земле с большой скоростью на далекие расстояния. Отсюда и название этих растений — «перекати-поле». Есть тут, вероятно, и ковыль, о котором говорит Шолохов в своем романе.

Воды почти не видим; кажется, будто она совсем здесь отсутствует.

К Сталинграду

Не без волнения приближаемся к границам Сталинградской области. В дни второй мировой войны она стала ареной самых кровопролитных битв, какие только знала история человечества.

Прошло слишком мало времени, чтобы забыть все ужасы этой войны, но надо сделать так, чтобы ни мы, их пережившие, ни будущие поколения никогда о них не забывали, чтобы ни мы, ни те, что нас сменят, не допустили их повторения.

Мы обязаны изо дня в день углублять чувство ненависти к войне и чувство любви к миру между народами, особенно имея в виду ошеломляющие технические новшества наших дней в области изготовления оружия массового уничтожения — атомные и водородные бомбы и все прочее. Оружие это способно причинить неслыханные бедствия, вплоть до всемирного разруше-

ния, способно обратить в прах все созданное человеком в течение веков и тысячелетий. Нелегко было бы возродить жизнь на таких развалинах.

Имя Сталинграда, города-героя, к которому мы приближаемся, должно служить для всего человечества постоянным напоминанием о том, какие страдания и утраты несут с собой дикие разрушительные войны нового времени, и грозным предупреждением для тех, кто жаждет новой войны в расчете нажиться на ней, для тех, кто, взяв на себя ответственность за судьбы вверенных им попечению народов, еще не выбросили из головы предвзятых мыслей и из сердца — ненасытной алчности, что и порождает новые вооруженные конфликты.

Вместе с тем имя Сталинграда на вечные времена останется символом величия народа, беззаветно любящего свою родину и готового защищать ее, невзирая ни на какие жертвы.

На этих полях героические защитники Сталинграда встали живой стеной, о которую разбилась лавина фашистского нашествия. Эта победа открыла всему человечеству широкий путь к новой жизни, свободной от фашистского ига.

Из окна вагона созерцаем следы войны. Вся местность вокруг, насколько может охватить глаз, изборождена рвами и насыпями. Это остатки оборонительных сооружений.

Здесь советские бойцы вели борьбу за каждую пядь земли. Следы войны заметны и в населенных пунктах, через которые мы проезжаем: кое-где чернеют еще обгорелые стены. Все это лучше всяких слов зовет к настойчивой борьбе с теми, кто хочет новой войны.

Проезжаем также места, где в 1918 году части Красной Армии сражались с белогвардейцами, обороняя Царицын (нынешний Сталинград).

Но этот край, хранящий память славного боевого прошлого, красноречиво говорит и об огромных мирных достижениях советского народа: видим много новых домов и крупных сооружений.

Чем дальше мы продвигаемся, тем шире размах новостроек. И, наконец, видим самую грандиозную из них — строительство Волго-Донского канала.

Движемся вдоль этой стройки. То там, то здесь читаем надпись: «Исполняется вековая мечта русского народа — соединение Волги с Доном».

Богатейшие технические и материальные возможности, инициатива и трудовой подъем советских людей ныне превращают в явь эту заветную мечту.

Работы ведутся с применением самой совершенной техники. Подъемные краны, бульдозеры, огромные экскаваторы, тяжелые катки, самосвалы — все это придает стройке вид гигантского завода.

Волго-Донской канал

Во время коротких остановок расспрашиваем компетентных людей, а также черпаем сведения из официальных источников, желая лучше ознакомиться с этой грандиозной стройкой.

Вот что нам запомнилось.

Первоначально постройка Волго-Донского канала была запланирована на пять лет, однако в дальнейшем срок этот был сокращен до трех лет.

Сооружение судоходного канала уже приближается к концу. Весной он будет сдан в эксплуатацию¹.

Недавно начато затопление водами Дона огромного Цимлянского водохранилища. В данный момент идут последние приготовления к пуску Карповской насосной станции — одного из самых важных гидротехнических сооружений на канале. Всего будет сооружено три таких станции. Они будут посылать воды Дона в Карповское, Береславское и Варваровское водохранилища, с помощью которых будет поддерживаться в канале необходимый для навигации уровень воды. Насосные станции будут снабжены самыми усовершенствованными механизмами огромной производительности. Каждая будет оборудована тремя мощными насосами, общей производительностью 45 куб. метров в секунду.

Насосная станция в Карповке войдет в строй 1 февраля будущего года, Береславская — в марте, а вслед за ними и третья, последняя станция.

Мы начинаем понимать, какая точность и слаженность необходимы при проектировании и выполнении работ на подобной стройке, и нас восхищают творче-

¹ После нашего посещения 18 октября 1951 года работы успешно продолжались, и канал был закончен следующей весной.

ские способности людей, превращающих бескрайние степи в плодородный край, заставляющих жизнь бить ключом там, где вчера еще царила тишина пустыни.

Некоторые из корреспондентов западноевропейской и заокеанской капиталистической прессы, наспех объездив страну Советов — в том числе и эти места, — наполняют свои путевые заметки перечислением мелких недочетов, неизбежных при таких колоссальных работах, и преподносят их затем своим читателям. Но могут ли они таким путем в какой-либо мере умалить значение этой гигантской стройки? Несмотря на всю свою лихорадочную деятельность по дезинформации, они не в силах помешать ходу этих огромных работ, результаты которых, проникающие все глубже в сознание человечества, мы видим сейчас собственными глазами. Уже завтра советская действительность вызовет повсеместно не только восхищение большинства, но и неудержимое стремление народов других стран перенять великий опыт советского народа.

Объективные, правдивые отчеты о новых стройках СССР начинают все чаще проникать на страницы капиталистической прессы. Недавно в отделе иностранной хроники голландского буржуазного еженедельника «Хаагше пост» я прочитал следующее:

«Волго-Донской канал преобразует географический облик Советского Союза. Цифры, дающие представление об этой гигантской стройке, таковы, что вызывают головокружение у непривычного человека. Сооружены колоссальные шлюзы и гигантские водохранилища. Водная система изменена на огромных пространствах. Надо признать, что Советский Союз, развивая мирное строительство, заставляя служить на пользу населяющих его народов все достижения своей техники».

Как только канал будет сдан в эксплуатацию, откроется судоходное движение, вступит в строй и сеть каналов для орошения донской водой 100 тысяч гектаров засушливых земель. Так осуществляется вековая мечта русского народа — соединение пяти морей европейской части СССР (Белого, Балтийского, Каспийского, Азовского и Черного) в единую водно-транспортную систему.

Таким образом, Волго-Донской канал явится величайшим достижением мирного труда. Только свободный народ, народ исключительно одаренный и руководимый людьми, достойными его, в состоянии осуществить в столь короткий срок гидротехническое сооружение таких гигантских размеров, которое целиком будет служить на пользу народу, создавшему его.

С этой постройкой ни одного гроша не попадет в карманы каких-либо финансовых воротил, жаждущих прибылей, а все доходы войдут в общее достояние советского народа.

Не это ли обстоятельство порождает такую неприязнь капиталистических верхов, мешающую им видеть вещи в истинном свете и заставляющую их искажать факты, ибо для них опасны эти факты, проясняющие сознание народов.

Надо сказать, что с постройкой Волго-Донского канала достояние народов обогащается не только первоклассным техническим сооружением, но и превосходно подготовленным коллективом строителей, получивших здесь большой опыт и способных передавать этот опыт новым и новым кадрам, непрерывно укрепляя тем самым великую армию строителей социализма не только у себя на родине, но и в других странах, а это поможет и другим народам добиться в будущем подобных же достижений.

Надо быть слепым и глухим, чтобы не остановиться в восхищении перед картиной гигантского процесса развития страны социализма. Вся эта непрерывно растущая армия строителей-специалистов — инженеров и квалифицированных рабочих — скоро перейдет на другие, еще более крупные стройки, продолжая преобразование природы на всем пространстве необъятной страны Советов.

Представляем себе недалекое будущее этих степей, когда воды Дона растекутся по многочисленным каналам: засуха будет здесь навсегда побеждена, и суховеи перестанут страшить колхозников.

Сталинград

Въезжаем в Сталинград. На его окраинах то тут, то там видны еще временные жилища, построенные во время войны из разбитых вагонов и другого подобного материала.

Продвигаясь к центру этого города-стройки, видим сотни кранов, нависающих над вновь воздвигаемыми зданиями.

Там, где еще недавно шли бои, поднимаются многоэтажные дома, фабрики, клубы, сооружаются площади, бульвары, парки — все это очень внушительных размеров. Создается впечатление, что город растет буквально у нас на глазах. Он встает из земли, политой кровью славных защитников вчерашнего Царицына — сегодняшнего Сталинграда.

За четверть века у стен этого города дважды решалась судьба советского государства.

Выйдя из вокзала, идем прежде всего к музею обороны Царицына и Сталинграда, расположенному здесь же на площади.

В нынешнем здании музея в 1918 году помещался штаб обороны, а позднее комендатура города.

Впервые музей был открыт 3 января 1937 года, в семнадцатую годовщину освобождения Царицына от белогвардейских банд. Во время обороны Сталинграда, в дни второй мировой войны, музей этот был разрушен, но в 1947 году он вновь был отстроен и имел уже второй отдел, посвященный обороне Сталинграда от фашистских орд.

В экспонатах первого отдела (фронтовые сводки, плакаты, листовки, фотографии, картины и пр.) получила отражение героическая эпопея гражданской вой-

ны, когда на берегу Волги, на подступах к Царицыну, решался ее исход, а вместе с тем и судьба молодой советской республики, точно так же как позднее здесь же решался исход Великой Отечественной войны.

Первые коллекции относятся к периоду между февральской и октябрьской революциями 1917 года, когда большевики, руководимые Лениным, боролись с эсерами и меньшевиками, подготавливая социалистическую революцию.

4 ноября 1917 года (по старому стилю) власть в городе перешла в руки Царицынского Совета под руководством большевиков, но уже в декабре контрреволюционные банды, поддерживаемые интервентами, начали угрожать городу. Летом 1918 года Царицын становится одним из важнейших стратегических пунктов борьбы против контрреволюции. Захват города белыми отрезал бы молодую Советскую республику от кубанского хлеба и бакинской нефти и позволил бы контрреволюции объединить свои банды. На защиту Царицына были брошены силы из многих районов страны. Царицынским Советом был создан штаб обороны города.

Защитники Царицына с честью выполнили свой долг. В 1918 и 1919 годах они трижды отразили натиск белогвардейских войск, мечтавших захватить город и «потопить красных в Волге» и снабженных в изобилии оружием, доставляемым английскими, американскими, французскими и прочими империалистами. В боях за Царицын покрыли себя неувядаемой славой бойцы молодой армии Советов под командованием Ворошилова, Буденного, Орджоникидзе, Щаденко.

Все же один раз, в июне 1919 года, врагам удалось ворваться в Царицын. Шестимесячное хозяйничанье их в городе ознаменовалось повальными грабежами; при этом было расстреляно и повешено свыше 3500 рабочих и советских работников. Однако уже 3 января 1920 года Красная Армия внезапным штурмом захватила Царицын и разгромила остатки армии Деникина.

Знакомимся с документами, хранящимися в этом музее, в которых отражены все фазы борьбы за Царицын. Тут же один старик из местных жителей передал нам ряд эпизодов того времени; между прочим, он рассказал о том, как Буденный воодушевил перед

штурмом города казацкую конницу. Подъехав на своем гнедом жеребце к выстроившимся эскадронам, он резко остановил коня, разгладил свои знаменитые усы, приподнялся на стремянах, выхватил шашку из ножен и, указывая ею в сторону противника, свел свою речь к одному лишь слову «Вперед!», вызвав громовое ура казаков, смело бросившихся на врага. Так начался штурм.

Вряд ли кому из полководцев удавалось произнести такую короткую речь и добиться подобных результатов.

Один из документов повествует о таком эпизоде: был отдан приказ мобилизовать на рытье окопов и полевые работы изыскательскую экспедицию по прорытию Волго-Донского канала. Царицынский исполком опротестовал это решение телеграммой в Военсовет. В музее хранится эта телеграмма. На ней — краткая резолюция: «Канал построим после утопления кадетов в Волге и Дону». Подписали: И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Классический документ, говорящий о великом оптимизме революционеров.

Хранится здесь и приказ, требующий «мобилизовать весь работоспособный буржуазный элемент от 28 до 34 лет... и организовать команды для окопных и полевых работ».

Позднее, в 1924 году, пролетариат Царицына был награжден за свою героическую борьбу орденом Красного Знамени, который граждане Сталинграда с гордостью хранят в этом музее.

В апреле 1925 года Царицын был переименован в Сталинград.

За годы предвоенных пятилеток город неузнаваемо меняет свое лицо. Когда-то захудалый купеческий город превращается в крупнейший индустриальный и культурный центр. Постройка огромного тракторного завода, металлургического завода «Красный Октябрь» и др. знаменует достижения на промышленном фронте, а создание целого ряда научных, учебных, санитарных и других учреждений — в области культурной и общественной.

22 июня 1941 года мирный труд советских людей был прерван в самом разгаре нападением захватниче-

ской армии Гитлера, этой дьявольской военной машины, созданной фашистскими варварами.

Отложив орудия мирного труда, советский народ как один человек поднялся на борьбу с захватчиками, провозгласив лозунг: «Все для фронта, все для победы над врагом!»

Благодаря самоотверженному труду сталинградских рабочих город в короткий срок превращается в один из главных арсеналов страны. Его огромные заводы переключились на производство танков и других видов вооружения, и их производственная мощность растет, по мере того как увеличивается потребность армии в оружии. Сталинградские колхозники снабжают армию хлебом.

В декабре 1941 года Советская Армия под Москвой, перейдя в наступление, сорвала гитлеровский план молниеносной войны.

В июле 1942 года немцы начинают приводить в исполнение свой новый стратегический план — они направляют главный удар на Сталинград. Возникает сталинградский фронт. В эти дни — второй раз в истории — был подвергнут испытанию героизм населения этого города.

В дополнение к документам, хранящимся в музее, местные жители рассказывают нам, как напряженно работали сталинградцы, готовя врагу сокрушительный удар.

Только за июль и август заводы Сталинграда дали фронту тысячи танков, пушек и минометов.

Нам показывают Красное Знамя, которым Государственный Комитет Обороны наградил в 1942 году Сталинградский тракторный завод за его самоотверженный труд.

На фотоснимке видим один из цехов Сталинградского тракторного. Из его ворот бесконечной колонной выходят танки, посылаемые рабочими на фронт.

Выставленные в музее воззвания Государственного Комитета Обороны говорят о напряженной обстановке этих дней. В одном из них говорится: «Остервенелые банды врага подкрались к стенам нашего родного города. Снова, как и 24 года тому назад, наш город переживает тяжелые дни. Кровавые гитлеровцы рвутся к солнечному Сталинграду, к великой русской реке Волге...»

Ценой огромных потерь противник прорывается к Волге, охватывает город полукольцом и держит под огнем переправы, связывающие Сталинград с противоположным берегом.

Участники боев рассказывают нам, какой град пуль, снарядов и зажигательных бомб непрерывно, днем и ночью падал на город.

Фашистам удалось овладеть центром города. Бои велись за каждый квартал, за каждый дом, за каждый этаж. Десятки документов говорят о беспримерном мужестве защитников.

Мы видели фотографию сержанта Я. Ф. Павлова, снятого на площади имени 9 января (ныне площадь Обороны) у четырехэтажного полуразрушенного дома, который он со своим отделением защищал пятьдесят восемь дней.

Вот что нам рассказали об этом. В конце сентября 1942 года сержант Павлов получил задание разведать, занят ли этот дом противником. Вместе со своим подразделением он проник в дом, выбил прятавшихся в нем гитлеровцев, затем укрепился и организовал оборону. Надо было любой ценой удержать этот дом, чтобы не допустить гитлеровцев к Волге в этом районе города. Пятьдесят восемь дней сержант Павлов и его товарищи днем и ночью встречали огнем немцев, пытавшихся приблизиться к дому с разных сторон, и держали этот важный пункт в своих руках вплоть до 25 ноября, когда подразделение Павлова вместе со своим полком перешло в наступление.

Ныне этому дому присвоено имя сержанта Павлова.

Сопровождающие нас местные жители подчеркивают, что в отделение сержанта Павлова входили русские, украинцы, грузины, казахи, абхазцы — факт, красноречиво свидетельствующий о единстве и братской дружбе в большой многонациональной семье советских народов.

Ныне дом Павлова отстроен заново и в нем помещается школа. Нам рассказывали, что после войны Я. Ф. Павлов, Герой Советского Союза, приезжал в Сталинград на открытие этой школы.

Запомнился фотоснимок и личное оружие снайпера Зайцева, собственноручно уничтожившего триста фашистов. Теперь он руководит одним из заводов в Киеве.

На другом фотоснимке видим несколько трупов фашистов на берегу с такой подписью: «Он дошел до Волги».

Должен сознаться, что в одном из залов музея мы испытали очень неприятное чувство: здесь хранится оружие, снаряжение и документы взятых в плен румынских солдат.

В глубине души у нас до сих пор живы горькие воспоминания о времени, когда румынская армия была вовлечена в войну фашистскими авантюристами. Это распространяет и на нас бремя ответственности за опустошения и преступления, совершенные фашистами на захваченной советской территории вплоть до Кубани и Кавказа.

Когда начинаешь воскрешать в памяти это время, горечь переходит в возмущение, и думаю, всем румынским патриотам знакомо это чувство. Вспоминаются приказы и призывы Гитлера, в которых он требовал «упорства» от своих попавших в клещи армий, клялся, что они скоро будут освобождены, и заявлял, что не немцы виноваты в этой неудаче, а их «союзники» — румыны.

Вспоминаем мы и о тяжелых страданиях, постигших румынских солдат. Для армии захватчиков Сталинград стал адом, достойным возмездием за все совершенные ими преступления. Честные сыны румынского народа были вовлечены в этот ад кучкой преступников, которые никогда и никаким наказанием не смогут искупить своей вины за страдания, причиненные нашему мужественному народу. Наказание их было и остается поныне насущно необходимым, ибо оно послужит уроком для тех, кто мог бы и впредь проявить склонность к подобным преступлениям.

Вот мысли, охватившие нас перед лицом фактов, напомнивших нам о трагической роли румынской армии в сталинградской эпопее.

Чтобы показать, до какого полного забвения ответственности за судьбу вверенных им солдат дошли фашистские командиры, потерявшие человеческий облик и превратившиеся в зверей под влиянием кровожадной гитлеровской доктрины, привожу здесь строки, принадлежащие одному из участников защиты Сталинграда, по поводу завершающего этапа этого сражения:

«...Военная наука считает прорыв оборонительной линии противника операцией очень трудной, а охват флангов — маневром, требующим большой подвижности войск и тщательной подготовки.

В ходе Великой Отечественной войны командиры Красной Армии доказали свое знакомство с этими принципами. Применяя триаду военной науки: решающие силы, в решающем пункте, в решающий момент,— Красная Армия в 1942 году перешла в наступление, осуществляя стратегический план Верховного командования по окружению и уничтожению фашистских армий.

Желая, однако, предотвратить бесполезное кровопролитие в боях с остатками армий, окруженных под Сталинградом, одушевляемое гуманными чувствами, которых не в силах были заглушить в душах людей, подвергшихся нападению, все преступления, совершенные армиями захватчиков, Советское командование через представителя главной ставки Верховного командования генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова и командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта Рокоссовского обратилось 8 января 1943 года к генералам, офицерам и солдатам германских войск, окруженных в районе Сталинграда, с ультиматумом, в котором предлагались великодушные условия капитуляции.

Но по приказу гитлера, надежно укрывшейся в своей норе в Берлине, командование армий, окруженных здесь, отклонило ультиматум, оставаясь глухим к тяжким страданиям своих солдат. Снова начались ожесточенные бои, и 2 февраля 1943 года Советская Армия завершила разгром вражеских армий, окруженных под Сталинградом. В железном кольце оказались 22 вражеские дивизии численностью не менее 330 тысяч человек. Помимо рядовых бойцов, было взято в плен много генералов и офицеров, захвачены штабы германских, румынских и итальянских частей и десятки тысяч тонн трофеев».

Так закончилась сталинградская эпопея.

Город, которому в прошлом суждено было стать одним из бастионов русской революции и сдержать натиск ее врагов, сыграл решающую роль и в ходе Великой Отечественной войны.

Все, что я рассказал здесь о Сталинграде, основываясь на фактах, почерпнутых на месте, хорошо всем известно, ибо отзвуки сталинградской битвы разнеслись эхом по всему миру.

Эхо не должно, однако, смолкнуть. О Сталинграде надо говорить непрестанно, чтобы память о нем была жива в сознании человечества, стоящего перед угрозой новой войны.

За десятилетия, прошедшие со времени обороны Царицына, многое изменилось в способах ведения войны. Но неизменными остались героизм и самоотвержение советского народа, который, сумев дать отпор врагу в прошлом, несомненно сумеет сделать это не хуже и в атомную эпоху. Пусть же послужит это предостережением для тех, кто снова бряцает оружием и угрожает нарушить мир между народами, пропагандируя «с позиций силы» идею новой войны.

Именно это символическое значение Сталинграда для судеб человечества, видимо, и привлекает ежедневно в музей, в котором мы находимся, десятки и сотни людей не только со всех концов Советского Союза, но и из-за границы, со всех континентов.

Читаем записи, сделанные этими разноплеменными посетителями в книге музея. В их взволнованных словах звучит преклонение перед вечной славой Сталинграда и признательность за спасение человечества от ужасов фашизма.

В отделе подарков и документов, поступивших от различных делегаций и отдельных лиц, знакомимся с грамотой президента Соединенных Штатов Франклина Рузвельта, которую он адресует защитникам Сталинграда от имени американских граждан: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады... будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и ста-

ла поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

Рядом — почетный меч, присланный королем Англии Георгом VI, на нем выгравированы следующие слова: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, в знак глубокого восхищения британского народа».

Переполненные всем виденным в музее и воспоминаниями о грозных днях войны, направляемся к Мамаеву кургану, возвышающемуся над городом. Бывшие защитники города, сопровождающие нас, указывают на следы боев за эту высоту. На этом огромном холме нет такого места, которое не было бы изрыто и разворочено вражескими снарядами. Все его склоны были буквально засыпаны осколками бомб, гранат и снарядов. На каждый квадратный метр площади их пришлось от 5 до 1200.

В последние дни битвы это был стратегический пункт огромного значения. Здесь части, подошедшие с Донского фронта, соединились с частями 62-й армии генерала Чуйкова.

Указав отсюда рукой на холм, видневшийся к югу, один из участников боев сказал нам с лепкой усмешкой, которую мы могли бы счесть за маскировку чувства горечи, если бы не видели в его голубых и ясных глазах искреннего желания не огорчать нас: «Оттуда по нас вели огонь румынские части». И он перечислил точно названия и номера этих частей.

С Мамаева кургана открывается широкий вид на долину Волги, по берегу которой растянулся на шестьдесят километров этот исторический город.

Видим новые улицы, большие здания, высокие трубы прославленных заводов — «Красного Октября», Сталинградского тракторного и других. А по ту сторону реки встают молодые леса, недавно посаженные в бескрайних заволжских степях.

Недалеко от Волги установлен на каменном постаменте советский танк «Т-34», подаренный защитникам Сталинграда колхозниками Челябинска. Экипаж этого танка первый установил связь между двумя замыкавшими кольцо армиями. В городе много таких памятников с танками, нацелившими свои орудия на юг — в направлении, откуда напирал противник; все они расположены вдоль оборонительной линии 62-й ар-

мии, которую та занимала 19 ноября 1942 года — в исторический день, когда советские войска в районе подступов к Сталинграду перешли в наступление.

Пройдя мимо завода «Красный Октябрь», останавливаемся у Тракторного. Обходим его цехи один за другим, наблюдая весь технологический процесс вплоть до конечного пункта, где производится испытание мотора, после чего трактор выходит за ворота завода.

Все время беседуем с рабочими и работницами. У всех бодрый вид, настроение воодушевленное. Много женщин работает на токарных станках. В бригаде комсомолок, выполняющих более легкую работу, румяные и здоровые девушки в чистых спецовках и кокетливо повязанных платочках с большим увлечением рассказывают нам о своей жизни и работе. На заводе много молодежи. Очень много отличников производства, и, видимо, все остальные тоже хотят стать таковыми и даже их превзойти.

Один за другим непрерывно сходят с конвейера тракторы, представлявшие собой незадолго перед тем груды разрозненных частей.

Из этой атмосферы оживленного труда переходим в Дворец культуры СТЗ. Обстановка меняется: сад, залитый солнцем, цветы, величественное здание строгого стиля, гармонирующее с окружающей обстановкой, обращенное к Волге, с многочисленными залами — для спектаклей, кино, танцев, читальнями, библиотекой, музыкальными и гимнастическими залами; в одном крыле здания — мастерская для художников-любителей; и, наконец, залы для собраний, где передовики производства делятся своим опытом с товарищами, знакомят их со своим методом работы; много стендов с книгами, журналами, техническими изданиями по разным специальностям для повышения квалификации рабочих.

У пристани, против Дворца культуры — небольшие парходики (собственность завода); ими пользуются рабочие и члены их семей для прогулок по Волге в свободное от работы время.

Невдалеке впадает в Волгу речка Царица с ее желтыми песчаными берегами, а дальше — территория, где начато сооружение мощной Сталинградской гидроэлек-

тростанции и огромного искусственного водохранилища — Волжского моря. Подготовительные работы идут полным ходом; они начались с постройки на противоположном берегу Волги на обширной площади жилых домов, клубов, школ и магазинов для рабочих-строителей и их семей.

Мировоззрение советского человека хорошо выражено в словах, сказанных нам одним рабочим: не может быть большего счастья, чем жить и творить в нашу эпоху. Да, творить с увлечением и любовью свойственно этим людям, рассказывающим нам о новых стройках и о своих достижениях.

Сопровождающий нас главный архитектор города В. А. Симбирцев показывает нам, как будут расположены новые сооружения, до каких пределов протянется море, где будут плотины и судоходный шлюз.

Направляясь к центру города, проезжаем по широким улицам с рядами новых домов, мимо заводов «Красный Октябрь» и Тракторного. Улица Мира, ведущая к центру города, полностью застроена заново. Она заканчивается в центре зданием главного почтамта по одну сторону и большой гостиницей — по другую.

Вот площадь Павших Героев, на которой в ознаменование победы под Сталинградом состоялся 4 февраля 1943 года общегородской митинг и взвились красные флаги.

Главный архитектор города сообщает нам, что в конце улицы Мира будет воздвигнута огромная статуя, олицетворяющая мир: фигура женщины, с руки которой взлетает голубь.

Название, данное этой главной артерии Сталинграда, как и идея памятника, свидетельствует о мирных стремлениях народа, которому суждено было пройти через столько войн и который проявил такую стойкость в боях.

Широкую улицу Мира пересекают правильно распланированные и такие же широкие улицы. Одна из них, Комсомольская, названа так в честь героев-комсомольцев, которые внесли большой вклад в дело обороны города. Мы видели большую группу молодежи, сооружавшей мостовую на этой улице, сопровождающая свою работу веселыми песнями.

как снег облаков, который мы уже видели, покидая нашу страну.

Но мысли наши летят впереди нас. По мере приближения к нашей дорогой родине желание поскорее увидеть ее охватывает нас все более властно, оттесняя все другие впечатления.

Едва ощутимый толчок при первом соприкосновении самолета с землей глубоко отзывается у нас в сердце, обновленном всем виденным в стране мира и преисполненным радости свидания со столицей нашей родины, полной солнечного света и оживления.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Издательства	5
Предисловие к русскому изданию	7
I. В полете. Небо и земля	11
II. Кремль снаружи	19
III. Советское гостеприимство	22
IV. Театр	24
V. Спорт	35
VI. Дипломаты прежние и нынешние	39
VII. Университет	43
VIII. Горки Ленинские	53
IX. Прихоть Екатерины II	57
X. В санатории	62
XI. Колхоз и колхозники	65
XII. Кремль внутри	74
XIII. На одном из московских текстильных комбинатов	83
XIV. Третьяковская галерея	90
XV. В Ленинграде	94
XVI. Петродворец	109
XVII. Город Пушкин	112
XVIII. Дворец пионеров	117
XIX. Снова в Москве	126
XX. В Сочи	146
XXI. Кубанская степь	172
XXII. Волго-Донской канал	178
XXIII. Сталинград	181
XXIV. Домой	193

Петру Гроза
Я ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ
СТРАНУ МИРА

Перевод с румынского
Б. Бутми-Стамати

Редактор перевода
Н. А. Булгаков

Художник *И. А. Литвишко*
Технический редактор *М. П. Лрибова*
Корректор *В. С. Назарова*

Сдано в производство 4/IV 1958 г.
Подписано к печати 18/IV 1958 г.
Бумага $84 \times 108^{1/32} = 3,1$ бум. л.
10,1 печ. л. в т/ч 1 вкл.
Уч.-изд. л. 9,7. Изд. № 7/4240
Цена 5 р. 60 к. Зак. 320

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52

20-я типография Московского
городского совнархоза
Москва, Ново-Алексеевская, 52

5 р. 00 к.

ПЕТРУ ГРОЗА Я ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ СТРАНУ МИРА